

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А.А. Кокошин — Исторические корни блицкрига 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

М.В. Оськин — Алексей Ермолаевич Эверт 30

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

С.А. Нефедов — Происхождение регулярного государства Петра Великого 52

СООБЩЕНИЯ

С.В. Шпаковская — Советские газеты в годы Великой Отечественной войны 64

О.Н. Баркова — Литературная деятельность женщин русского зарубежья. 1917—1939 гг. 75

В.В. Поликарпов — Производство вооружений в России начала XX в. 87

Т.А. Кулиев — Крестьянская потребительская кооперация в Азербайджане в годы нэпа 99

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- В.А. Курбацкий** — Внешняя политика Албании на современном этапе 111

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- С.С. Близниченко, С.Е. Лазарев** — Петр Иванович Смирнов-Светловский 133

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.В. Поддубный** — Сенаторская ревизия Московского военного госпиталя в 1908—1910 гг. 148

- Л.Ю. Варенцова** — Дворцовые поташные промыслы в XVII в. 155

- Л.В. Пашкова** — Галич Костромской в политике московских князей в 1389—1462 гг. 160

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Р.И. Газимагомедов** — Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX — начале XX в. 164

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ж.М. Тулибаева** — С.В. Любичанковский. Становление и развитие неформальных объединений уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. 172

- С.С. Акимов** — Н.А. Багровников. Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации 173

Исторические корни блицкрига

А.А. Кокошин

Прошло уже более 70 лет со дня нападения гитлеровской Германии на СССР. Победа, одержанная советским народом и Вооруженными силами, — едва ли не самое выдающееся свершение в мировой истории. Был разгромлен исключительно сильный и опасный противник, обладавший высоким уровнем военного мастерства и ожесточенно сопротивлявшийся до момента взятия Красной Армией Берлина. При этом наш народ и Вооруженные силы понесли огромные потери.

Третий рейх обладал не только разнообразной современной по тем временам военной техникой, но и квалифицированными специалистами, воспринявшими идеи, последовательно вырабатывавшиеся несколькими поколениями немецких военачальников и военных теоретиков. Недоучет мощи этого страшного противника умаляет заслуги нашего народа в его разгроме.

Изучение немецкого военного искусства периода второй мировой войны, в том числе теории и практики реализации блицкрига, в нашей стране неоправданно затянулось на долгие десятилетия. Отсутствие комплексных исследований, посвященных этой теме, не позволяет должным образом оценить долгосрочные тенденции в развитии форм и способов ведения вооруженной борьбы, изменения в сфере военного дела и военного искусства в современных условиях, что необходимо для прогнозирования военного строительства на ближайшие 20—30 лет.

Следует вспомнить об одном важном выступлении И.В. Сталина в 1947 г., прямо относящемся к вопросу об изучении немецкого военного искусства, навыков того противника, с которым СССР пришлось иметь дело в Великую Отечественную войну. Речь идет о публичном ответе Сталина на письмо видного советского военного историка Е.А. Разина, посвященное роли Клаузевица в развитии военной стратегии. Сталин пишет: «Должны ли мы критиковать по сути дела военную доктрину Клаузевица? Да, должны. Мы обязаны с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритиковать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии в Германии. За последние тридцать лет Германия дважды навязала миру кровопролитнейшую войну, и оба раза она

оказалась битой. Случайно ли это? Конечно, нет. Не означает ли это, что не только Германия в целом, но и ее военная идеология не выдержали испытания? Безусловно, означает. Всякому известно, с каким уважением относились военные всего мира, в том числе и наши русские военные, к военным авторитетам Германии. Нужно ли покончить с этим незаслуженным уважением? Нужно покончить. Ну, а для этого нужна критика, особенно с нашей стороны, со стороны победителей Германии»¹. После такого заявления Сталина о «незаслуженном уважении» к «военным авторитетам Германии» никакое объективное исследование сильных сторон гитлеровского вермахта, германской военной мысли, разумеется, в то время было невозможно.

Однако и после смерти Сталина — вплоть до недавнего времени — мало, что менялось в этом вопросе.

На необходимость объективной оценки нашего основного противника в Великой Отечественной войне в послевоенный период обращали внимание некоторые видные советские военачальники. Так, Г.К. Жуков в своих беседах с К. Симоновым говорил: «Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира»². Тем не менее, в изучении военного искусства вермахта, его организации, системы и принципов управления, особенно «тонких технологий» ведения войны, в отечественной науке существуют значительные пробелы.

Стратегия, оперативное искусство, а также тактика блицкрига имели довольно глубокие исторические корни. Ф. Вейтл отмечает, что идеи скоротечной войны стали активно прорабатываться в созданном Хельмутом фон Мольтке-старшим Большом генеральном штабе Германии с 1890-х гг., когда все более рельефной становилась проблема войны Германии на два фронта³. В то же время есть свидетельства того, что к идеям скоротечной войны фон Мольтке обратился гораздо раньше, в частности при подготовке войны с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна в 1864 году⁴.

Важным этапом в формировании идей блицкрига было выдвижение на рубеже XIX—XX вв. в оперативно-стратегическом масштабе начальником Большого генерального штаба Германской империи Альфредом фон Шлиффеном формулы «победы как при Каннах».

Сражение при Каннах в 216 г. до н.э. привело к абсолютной в тактическом отношении победе карфагенской армии под командованием Ганнибала над римлянами и стало на все последующие века символом грандиозного военного успеха, причем одержанного над численно превосходящим противником.

Фон Шлиффен, считая битву при Каннах образцом сражения, имеющего целью уничтожить неприятельскую армию, отмечал: «...существенно не сосредоточение главных сил и ресурсов против неприятельского фронта, а нажим на фланги...». «Счастье Ганнибала заключалось в том, что против него был Теренций Варрон, который расположил пехоту в 36 шеренг в глубину и тем самым свел на нет свое превосходство в силах». Далее Шлиффен отмечает, что «полководцы его (Теренция Варрона. — А.К.) школы бывали во все времена»⁵. Расчет на наличие «теренциев варроннов» у противника станет одним из краеугольных камней при проведении в жизнь германских планов «молниеносной войны», на что до сих пор исследователи практически не обращали внимания.

Формула «победы как при Каннах» в германском Генштабе при Шлиффене отработывалась многократно в ходе тщательно подготовленных командно-штабных военных игр. Она воплотилась в «плане Шлиффена», который был ориентирован на быстрый разгром Франции с последующим разворотом всех сил на Восток, против России, — до того, как Россия смогла бы осуществить полную мобилизацию и начать наступательные действия против Германии. В

«Советской военной энциклопедии» 1978 г. издания ошибочно говорится о том, что «план Шлиффена» был применен в 1914 г. «с незначительными изменениями» и «потерпел сокрушительное поражение»⁶.

В суждении о «незначительности» изменений, внесенных накануне первой мировой войны в «план Шлиффена», мы видим отголоски отмеченного выше суждения Сталина о немецком военном искусстве. На деле же изменения были велики и по существу перечеркнули сам план. Как писал видный отечественный военный теоретик и историк В.Ф. Новицкий, преемником Шлиффена Х. фон Мольтке-младшим, племянником «великого Мольтке», шлиффеновская идея «Канн» была «преступно искажена» в 1914 году⁷.

У германской армии в начале XX в. не хватало дивизий, чтобы осуществить двойной охват крупной группировки французских войск, как это в свое время сделал Ганнибал в отношении римлян. В силу этого Шлиффен сделал ставку на полуокружение французской армии мощным правым крылом германской армии, которое должно было высоким темпом пройти территорию нейтральной Бельгии по обоим берегам р. Маас и через долину Уазы обрушиться на Париж, тем самым, разгромив французские войска неожиданно оказавшейся у них в тылу германской армией.

Мольтке-младшего очень беспокоила недостаточная, по его мнению, численность немецкой группировки и войск, оставленных в Восточной Пруссии. В результате каждый год он ослаблял правое крыло германской группировки против Франции и за счет этого усиливал левое крыло. В 1920-е гг. А.М. Зайончковский писал, что по плану фон Мольтке-младшего за счет ослабления правого фланга германских войск на фронте против Франции в Восточной Пруссии развертывались три полевых корпуса и один резервный, а на левом крыле против Франции было вместо одной образовано две армии. Зайончковский справедливо писал об этом плане как о «плане Мольтке-младшего», хотя и отмечал, что план опирался вроде бы на идеи фон Шлиффена⁸. Выдающийся отечественный военный теоретик и историк А.А. Свечин указывал, что план Мольтке-младшего («к которому приложил свою руку Людендорф») «отличался от плана графа Шлиффена своей половинчатостью», и отмечал, что «правое крыло немцев, от силы которого зависел весь успех наступления, было ослаблено на 5 корпусов»⁹.

В результате, в 1914 г. блицкриг, как он планировался Шлиффеном, не был реализован. Не разгромив вооруженные силы Франции в первые несколько недель, Германия уже за четыре года до окончания первой мировой войны проиграла ее. «План Шлиффена» был действительно полон риска, но риска осознанного. Этот план был на грани авантюры, он в определенной мере ставил внешнюю политику в подчинение военной стратегии, но имел и значительные шансы на успех.

Свечин полагал, что «наличность» упомянутых выше пяти корпусов на правом фланге германской армии осенью 1914 г. «без сомнения, изменила бы ход мировой истории», что «есть основания предполагать, что мир мог быть заключен французами уже в сентября 1914 года»¹⁰. Столь грандиозному успеху германской армии способствовала бы и слабость французской военной стратегии того времени, в которой ставка также делалась на наступление, но не столь тщательно отработанное¹¹.

Идеи Шлиффена продолжали развиваться германской военно-стратегической и оперативной мыслью и в 1920—1930-е годы¹². Они привлекли внимание и ряда высокообразованных советских военных специалистов. Их значение понял, в частности, как уже говорилось, Свечин, добившийся публикации сборника основных трудов фон Шлиффена в Советском Союзе. О шлиффеновских «каннах» в начале своего труда «Размах операций современных армий»

(1926 г.) говорил В.К. Триандафиллов. Но нет свидетельств того, что на эти идеи обращал внимание К.Е. Ворошилов или сменивший его на посту наркома обороны СССР С.К. Тимошенко, а также начальники Генштаба РККА К.А. Мерецков и Г.К. Жуков, а тем более — советское государственно-политическое руководство.

Разработанные между двумя мировыми войнами в Германии новые оперативные и оперативно-тактические формулы будущей войны в своей концептуальной основе опирались на идеи фон Шлиффена и на понимание роли новых технических средств вооруженной борьбы, появившихся в массовом количестве на Западном фронте к концу первой мировой войны. Речь идет, прежде всего, о танках и ударной авиации, а также об автомобильном транспорте, применение которого резко повышало не только тактическую, но и оперативную мобильность войск.

При этом германские военные теоретики и военачальники самым внимательным образом следили за разработками новых форм и способов ведения вооруженной борьбы, которые делали их зарубежные коллеги, среди которых были Б. Лиддел Гарт и Дж. Фуллер в Великобритании, Ш. де Голль во Франции, Л. Эймансбергер в Австрии. В самой Германии над вопросами, связанными с будущей войной, еще в 1920-е гг. интенсивно и весьма профессионально работал командующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект и ряд офицеров из его ближайшего окружения. В условиях, когда численность германской армии Версальским договором 1919 г. была ограничена, много внимания уделялось мобильности, гибкости, противотанковой борьбе и противовоздушной обороне, насыщенности войск современными средствами связи и другой техникой.

Особое внимание фон Сект и его соратники уделяли обеспечению внезапности в ведении боевых действий. Уже в первом наставлении рейхсвера, подготовленном вскоре после завершения первой мировой войны, отмечалось, что каждое действие должно базироваться на внезапности, что без этого невозможно достичь крупных результатов в боевых действиях¹³. Вопрос об обеспечении внезапности станет одним из краеугольных камней стратегии и оперативного искусства «молниеносной войны».

В свою очередь, обеспечение внезапности требовало разнообразных мер по введению противника в заблуждение с помощью как целенаправленной дезинформации, так и мер стратегической, оперативной и тактической маскировки. Дезинформация была очень важной частью подготовки в 1940—1941 гг. нападения гитлеровской Германии на СССР; ее значение только сравнительно недавно стало должным образом оцениваться отечественными и зарубежными специалистами. К сожалению, существуют основания считать, что беспрецедентная и весьма изощренная дезинформационная кампания в отношении советского партийно-государственного руководства и военного командования во многом достигла своих целей¹⁴ и явилась весьма значительным фактором при обеспечении внезапности нападения 22 июня 1941 г., что в немалой мере способствовало поражению РККА в приграничных сражениях и в последующих событиях на советско-германском фронте летом и осенью 1941 года.

Говоря об идеях уже упоминавшегося британского генерала Дж. Фуллера, следует отметить, что, по его мнению, во время наступления командир механизированного танкового соединения должен быть как можно ближе к голове атаки. Фуллер настаивал, что командиры механизированных соединений «должны лично вести в бой свои части». Он прозорливо утверждал, что у механизированной армии (или у механизированного соединения) наряду с танками должны присутствовать мощные противотанковые средства, что было воспринято в вермахте и недоучитывалось как во Франции в 1940 г., так и в СССР в 1941 г., накануне гитлеровского вторжения¹⁵.

Фуллер также продвигал пионерскую по тому времени идею использования легкой самоходной артиллерии противотанкового назначения¹⁶. В СССР вопрос о создании самоходной бронированной артиллерии еще в начале 1930-х гг. поднимал М.Н. Тухачевский, однако эта идея не находила своего воплощения вплоть до 1942 г., когда командование Красной Армии учло успешный опыт применения самоходной артиллерии в вермахте.

О том, что «механизация войск увеличила шансы разгрома главных сил противника без необходимости ведения крупных сражений», писал Лиддел Гарт. Он отмечал, что «разгром противника стал возможным благодаря нарушению механизированными войсками линий снабжения и управления противника, а также благодаря прорывам танков в глубокий тыл противника»¹⁷. Именно идея парализовать нервную систему врага танковыми соединениями и частями с мотопехотой при тесной поддержке авиации стала одной из центральных в формуле блицкрига в 1939, 1940 и 1941 годах.

Молодой подполковник французской армии Шарль де Голль внимательно следил за работами Дж. Фуллера и Б. Лиддел Гарта. Сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 г. он в статье, опубликованной в журнале «Политика и парламент», поставил вопрос о создании ударной маневренной армии с отборными механизированными и бронетанковыми войсками¹⁸. В мае 1934 г. де Голль выпустил книгу «За профессиональную армию», посвященную вопросам стратегии и тактики и многочисленным техническим деталям формирования профессиональной танковой армии¹⁹.

Де Голль описывал возможности такой армии при прорыве прочной обороны противника. По его словам, в этом случае открывался «путь к великим победам, которые по своим далеко идущим последствиям сразу же приведут к полному разгрому противника». Де Голль справедливо полагал, что «таким образом тактика перерастает в стратегию, что некогда являлось конечной целью военного искусства и верхом его совершенства...»²⁰.

В Германии книгу быстро перевели на немецкий язык. Ее с большим вниманием прочитали Кейтель, Браухич и особенно генерал Гейнц Гудериан²¹. О ней докладывали Гитлеру. Во Франции же на книгу де Голля не обратили должного внимания.

В свою очередь, австрийский генерал Л. Эймансбергер в своем исследовании «Танковая война», увидевшем свет в 1934 г. в Германии, прозорливо писал: «Перевес в численности быстроходных дивизий, — а основными являются именно они с авиацией, — проявится относительно времени и пространства совершенно иным образом; он может привести к поражению совершенно неслыханных масштабов»²².

Эймансбергер предлагал создать из танковых и моторизованных дивизий танковую армию, которой придавалась бы смешанная воздушная дивизия²³. Он предусматривал использование авиации для непосредственной поддержки действий танков, однако речь пока не шла конкретно о критически важной роли прицельного бомбометания пикирующими бомбардировщиками.

Масштабная интеллектуальная работа по преодолению позиционности военных действий, которые доминировали в первую мировую войну, была проделана в Советском Союзе. Речь идет, прежде всего, о «теории глубокой операции» и «теории глубокого боя».

Первую приблизительную формулировку теории «глубокой операции» дал в 1926 г. в уже упоминавшейся работе «Размах операций современных армий» В.К. Триандафиллов. Он настаивал: для прорыва фронта на оперативную глубину с учетом мощи средств обороны, что проявилось еще в первой мировой войне, необходима мощная ударная армия. Такую армию он именовал «таранной группировкой». Именно «таранным» способом Триандафиллов считал воз-

можным пробить сильную оборону противника. Основными средствами подавления и прорыва он называл артиллерию, в том числе, тяжелую артиллерию резерва главного командования. При этом предусматривалось и массированное применение химического оружия²⁴.

Триандафиллов писал и об определенной роли танков, однако в его работе 1926 г. они еще не занимали центрального места.

Свои разработки теории «глубокой операции» Триандафиллов продолжил в книге «Характер операций современных армий», которая впервые была опубликована в 1929 г., а затем, после гибели автора в 1931 г. в авиакатастрофе, несколько раз переиздавалась в СССР в 1930-е годы.

Мощные удары «таранных группировок», считал Триандафиллов, способны привести к самым серьезным политическим последствиям. По его словам, «глубокие и сокрушительные удары могут вывести из игры довольно быстро целые государственные организмы. По отношению к большим государствам эти удары могут привести к разгрому их вооруженных сил по частям, крупными пачками»²⁵.

Разгром вооруженных сил противника благодаря таким операциям, по мнению Триандафиллова, создает «условия для социально-политических потрясений». Форма удара — «односторонний таран» или «действия на скрещивающихся направлениях»²⁶. Критиком такой теории выступил Свечин.

В рамках глубокой операции Триандафиллов предусматривал прорыв в оперативный тыл конницы и моторизованных частей, в том числе легких танков и пехоты на вездеходных автомобилях. Он писал о возможности «глубоких проникновений в расположение противника» и «больших оперативных скачков»²⁷.

Как одну из важнейших тенденций в развитии военного искусства Триандафиллов отмечал «бесперывные попытки превратить танк из средства тактического в средство большого оперативного значения». Он считал, что «новый танк должен участвовать не только в сравнительно скоротечной атаке, при сопровождении пехоты в бою, но и во всех фазах преследования, вне поля сражения»²⁸.

Говоря о роли авиации, Триандафиллов писал, что она «стала и могущественным оружием непосредственного участия в сражении благодаря своим пулеметам и бомбам»²⁹.

Значительную роль в разработке теории «глубокой операции» сыграл Тухачевский. В статье, посвященной новому Полевому уставу РККА 1934 г. (ПУ-34), он критиковал тех лиц в Красной Армии, кто утверждал, что «танки имеют значение лишь как средство непосредственной поддержки пехоты». Он обоснованно отмечал, что «средства наступательные или средства подавления, к которым относятся танки, авиация, химия, требуют очень большого искусства в организации их взаимодействия». Тухачевский призывал к тому, чтобы отработывалось «кропотливое, тщательное взаимодействие между пехотой, танками и артиллерией»³⁰, понимая, что такое взаимодействие — это труднодостижимая задача, требующая высокой военной культуры и постоянных тренировок³¹. После того, как Тухачевский был репрессирован в 1937 г., мало кто из высших командиров РККА обращал внимание на это исключительно важное требование к реальной боевой эффективности вооруженных сил. В вермахте же оно неукоснительно проводилось в жизнь, обеспечивая успех и на тактическом, и на оперативном уровне с учетом, разумеется, того, что химическое оружие по разным причинам так и не было применено в ходе второй мировой войны.

Отмечая возросшие возможности обороны, Тухачевский, тем не менее, считал, что «за наступлением по-прежнему остаются преимущества, заключаю-

щиеся в возможности подавляющих концентраций на направлениях организованного удара и нанесения обороняющемуся тяжелых поражений»³².

Цитируя ПУ-34, Тухачевский подчеркивал, что задача танков дальнего действия — прорваться в тыл главных сил обороны, разгромить резервы и штабы, уничтожить основную группировку артиллерии и отрезать главным силам противника пути отхода. Он не обошел вниманием и проблему управления, отмечая важность предоставления инициативы подчиненным: «Управление боем должно сочетать в себе и необходимую методичность управления сверху, и широкую инициативу подчиненных как бы в помощь управлению снизу»³³.

Говоря о «глубокой операции», Г.С. Иссерсон писал: «Будущая операция явится по своей глубине уже не единой цепью ряда прерывчатых сражений, а сложной цепью слившихся на всю глубину боевых усилий». Подчеркивалась возможность развития оперативного маневра путем применения мотомеханизированных частей и авиации. Предполагалось, что оперативное искусство встретится с решением задачи «фронт против фронта», поэтому «глубокий прорыв и сокрушение фронта должно быть достигнуто на всю глубину», для чего потребуются огромное боевое напряжение войск³⁴.

Уже в проекте Временного наставления мотомеханизированных войск РККА «Вожделение и бой самостоятельных механизированных соединений» (1932 г.) говорилось о том, что механизированные войска имеют все необходимое для самостоятельных боевых действий в отрыве от основной группировки своих войск; глубина проникновения в зону обороны противника определяется запасом горючего и боеприпасов и может составлять до 200 километров³⁵.

В 1936 г. с учетом теории «глубокой операции» проводились масштабные маневры Белорусского военного округа³⁶. Ими руководил И.П. Уборевич (расстрелян в 1937 г. по «делу Тухачевского»), которого исключительно высоко как военного профессионала оценивали Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.А. Мерецков и другие советские полководцы.

Триандафиллов не успел переработать свою книгу по теории «глубокой операции». Сохранился черновик новой редакции, в которой, как справедливо отмечает Дж. Кипп, Триандафиллов уделял внимание вопросам применения крупных бронетанковых сил в наступлении, а также роли механизированных общевойсковых соединений³⁷.

Л.Н. Лопуховский и Б.К. Кавалерчик небезосновательно утверждают, что «теория глубокого боя и операции заслонила для нашей армии разработку проблем обороны, маневренной войны, встречных операций, сложных вопросов вынужденного и преднамеренного отхода. В конечном итоге идея “ответного удара” стала стержнем плана войны вместо более подходящей для нашей армии идеи стратегической обороны»³⁸.

Как теперь уже достаточно широко известно, наиболее подробно необходимость ставки в начальный период будущей войны на стратегическую оборону с последующим переходом в контрнаступление обосновал еще в 1920-е гг. Свечин³⁹. Среди его единомышленников были такие видные отечественные теоретики, как А.И. Верховский, В.А. Меликов, А.А. Незнамов.

Можно достаточно уверенно говорить о том, что ставка советской стороны на начальном этапе на стратегическую оборону с последующим мощным контрнаступлением, как предлагал Свечин и его сторонники, была бы значительно более адекватным способом противостояния блицкригу, чем тот план войны, который имелся у командования РККА накануне гитлеровского вторжения в СССР.

Тухачевский выступал яростным критиком военно-стратегических воззрений Свечина, в том числе его взглядов на роль стратегической обороны. В ряде случаев критика Тухачевского была фактически шельмованием этого выдающегося отечественного военного теоретика и военачальника⁴⁰.

К сожалению, недоучет руководством СССР и командованием Красной Армии важности стратегической обороны стал их ахиллесовой пятой в начальный период Великой Отечественной войны ⁴¹. Во многом это было результатом прямого воздействия партийно-государственной идеологии на военную стратегию СССР.

Принципы управления войсками в вермахте имели давнюю традицию, восходящую по крайней мере к временам Г. фон Шарнгорста и А. Гнейзенау — крупнейших военных реформаторов Пруссии. Она стабильно передавалась из поколения в поколение, в том числе офицерами службы Генерального штаба. Огромная систематическая работа была проделана фон Мольтке-старшим, возглавлявшим прусский, а затем германский Большой Генеральный штаб в 1858—1888 годах.

Фон Мольтке-старший настойчиво добивался от командиров всех степеней единого подхода к рассмотрению обстановки и принятию боевого решения, стремился развивать в них самостоятельность мышления и действий, инициативность ⁴². Для командиров оперативного уровня огромное значение имели тщательно подготавливаемые командно-штабные игры, которые совершенствовались в вооруженных силах Германии из поколения в поколение. В этих играх во многом и воспитывались самостоятельное оперативное мышление, гибкость в принятии решений в зависимости от складывающейся обстановки. Фон Мольтке к франко-прусской войне 1870—1871 гг. сумел подготовить командный состав прусской армии к децентрализации управления и к инициативности личного состава вплоть до отдельного бойца, крайне необходимых для управления во встречном бою, характерном для этой войны. Как отмечал Свечин, «при недостаточной подготовке частных начальников встречный бой угрожает выродиться на поле сражения в анархию» ⁴³.

Сам фон Мольтке-старший весьма красноречиво писал об отрицательных сторонах «жесткого» управления, при котором всячески ограничивается инициатива командира или командующего: «Несчастнейший из командиров тот, кем жестко управляют, каждый день, каждый час он должен объяснять вышестоящим свои замыслы, планы, намерения, ежесекундно его одергивают по телеграфу. В таких условиях командир теряет уверенность в себе, решительность и храбрость. Он уже не может вести войну. Дерзкое решение можно принять только в одиночку» ⁴⁴.

Генерал вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд в своем обстоятельном труде, посвященном Сухопутным войскам Германии периода второй мировой войны, отмечал особое значение инициативных действий командира в условиях быстро меняющейся обстановки, которых добивалось командование вермахта ⁴⁵.

Фон Манштейн в своих послевоенных мемуарах писал, что успехи вермахта во многом зиждились на традиции самостоятельности в немецкой армии, не предоставлявшейся «в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты» ⁴⁶.

В ходе гражданской войны в России 1918—1922 гг. и у красных и у белых инициативность командиров и командующих в силу специфики этой войны, в том числе отсутствия сплошных фронтов и маневренности, проявлялась весьма широко. Этот дух инициативности в Красной Армии сохранялся какое-то время, однако был почти вытравлен в результате репрессий 1937—1938 гг. и последующих лет.

Жуков (в то время командующий Киевского особого военного округа) на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. подчеркивал: «В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, иначе командиров, приученных все делать по рас-

писанию, активный, инициативный противник разобьет в первом же сражении»⁴⁷. С подобных же позиций выступали и такие видные военачальники как К.А. Мерецков (начальник Генерального штаба РККА в августе 1940 г. — январе 1941 г.), генералы И.С. Конев, И.Р. Апанасенко⁴⁸. Но за оставшееся до начала Великой Отечественной войны время удалось сделать далеко не так много, как этого требовало реальное положение дел в советских вооруженных силах, сложившееся после репрессий 1937—1938 годов.

Важная роль в управлении войсками вермахта отводилась принципу единоначалия, который практически никогда не подвергался сомнению. Большую работу по обеспечению этого принципа в прусской (германской) армии проделал в XIX в. фон Мольтке-старший.

«Принцип единоначалия в управлении войсками, не допуская побочных путей отдачи приказов и приказаний, а также свобода принятия решений давали общевойсковому командиру возможность уверенно проводить свое решение в жизнь», — писал генерал вермахта Мюллер-Гиллебранд. По его словам, «в сухопутной армии в отличие от высших органов ОКВ этот принцип неограниченной командной власти проводился, как и прежде, с достаточной последовательностью»⁴⁹.

В Красной Армии принцип единоначалия в период 1917—1942 гг. по политико-идеологическим причинам неоднократно нарушался: вводился институт политкомиссаров, которые подчас весьма жестко контролировали действия командиров, вмешиваясь в управление боевыми действиями. В очередной раз в момент раскручивания репрессий против подавляющей части высшего и старшего командного состава РККА институт военных комиссаров был введен Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 мая 1937 г. в связи с «антисоветской троцкистской организацией в Красной Армии»⁵⁰. Как говорил руководитель Главпура РККА Л.З. Мехлис в своем выступлении на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г., «комиссары и политработники — глаза и уши партии в Красной Армии»⁵¹. В начале 1940 г. единоначалие вновь было восстановлено. После этого высшее военное командование Красной Армии стало всячески подчеркивать его значение. Так, например, генерал-лейтенант И.С. Конев на Совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. говорил о том, что «коллегиальное управление частями в бою к добру не приведет и что, следовательно, единоначалие — как целесообразный принцип управления присущ армии»⁵². В «Приказе о боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год» от 21 января 1941 г., подписанном наркомом обороны С.К. Тимошенко, ставилась задача «укреплять единоначалие как *основу* (курсив автора. — А.К.) управления войсками»⁵³.

После тяжелых поражений Красной Армии в первые месяцы 1941 г. институт политкомиссаров, обладавших большими полномочиями, был введен вновь. Многие ветераны рассматривали это и как акт политического недоверия к командному составу, в своем подавляющем большинстве состоявшему в ВКП(б), и как меру, дезорганизирующую управление. В октябре 1942 г. единоначалие в Красной Армии было вновь восстановлено⁵⁴.

В вермахте большое внимание уделялось тому, чтобы маневренные, скоротечные боевые действия обеспечивались устойчивой и надежной связью на всех уровнях в стратегическом, оперативном и тактическом звеньях. Была проведена работа по заблаговременному оборудованию командных пунктов, начиная со ставки фюрера — Главнокомандующего вермахтом. Все эти пункты управления, особенно ставка Гитлера в Восточной Пруссии, имели мощные узлы связи, обеспечивавшие надежное непрерывное управление войсками. В этом отношении вермахт, безусловно, превосходил своих противников и в 1939 г. и в 1940 г.; то же можно сказать и о его превосходстве в этом вопросе над

Красной Армией, по крайней мере, до 1943 года. Здесь, в частности, уместно вспомнить, что для высшего руководства СССР и Генштаба накануне нападения гитлеровской Германии специальные пункты управления отсутствовали.

При подготовке к войне с СССР Генеральный штаб сухопутных войск вермахта проделал большую работу, чтобы обучить офицеров умело вести разведку, обеспечивать взаимодействие между родами войск, фронтами и авиацией, быстро реагировать на изменение боевой обстановки, рационально использовать имеющиеся силы и средства, заблаговременно готовиться к борьбе с танками и авиацией противника ⁵⁵.

В течение нескольких лет перед началом второй мировой войны в нацистской Германии планомерно осуществлялось создание танковых объединений — без метаний, шараханий из одной крайности в другую, с поэтапной отработкой вопросов управления все большей массой танков, с поиском оптимального соотношения в танковых соединениях между собственно танковыми частями, с одной стороны, и мотопехотой, артиллерией, зенитной артиллерией, частями обеспечения (в том числе ремонта танков), саперными частями — с другой. 12 октября 1934 г. была завершена разработка схемы первой танковой дивизии вермахта (учебной). Как писал Гудериан, «объединение наших немногочисленных бронетанковых сил в крупные соединения — дивизии и объединение этих дивизий в корпус должно было компенсировать недостаток в количественном отношении». Такие части в Германии, в отличие от других стран, не создавались для непосредственной поддержки пехоты. Гудериан последовательно и исключительно настойчиво, с серьезными расчетами выступал против того, чтобы имевшееся у Германии ограниченное число танков распределялось по пехотным дивизиям, на чем настаивали многие германские военачальники ⁵⁶. И ему, подчас в острой борьбе со своими оппонентами, удалось добиться признания правоты своей позиции.

Но это не означало, что по воззрениям германских теоретиков и военачальников, пехота не нуждалась в непосредственной поддержке танков. На практике этот вопрос неоднократно вставал в ходе второй мировой войны перед немецким командованием — особенно тогда, когда блицкриг в СССР не состоялся.

По-иному решалась проблема распределения бронетанковой техники во французской армии. В результате, она была лишена возможности массированного применения танков.

К 15 октября 1935 г. в Германии были сформированы три танковые дивизии — 1-я, 2-я и 3-я. Одновременно были созданы так называемые легкие дивизии (три дивизии по два мотопехотных полка, разведбат, артполк, танковый батальон и др. части). Были также сформированы четыре мотодивизии, представлявшие собой обычные полностью моторизованные пехотные дивизии ⁵⁷.

Были образованы 14-й армейский корпус, состоявший из мотодивизий, 15-й армейский корпус, сформированный из легких дивизий; 3 танковых дивизии вошли в состав 16-го армейского корпуса. Что принципиально важно, так это то, что все три корпуса были сведены в одну вновь созданную 4-ю группу, которую 1 апреля 1937 г. возглавил генерал В. фон Браухич (будущий главнокомандующий сухопутных войск Германии). Находившийся в Лейпциге штаб этой группы отвечал за обучение и комплектование указанных соединений, за оперативную подготовку их штабов.

Таким образом, уже в 1937 г. в Германии возник прототип танковой армии, способной решать задачи оперативного и даже стратегического уровня. Это формирование последовательно, без радикальных изменений и ломок, развивалось в оставшиеся до второй мировой войны годы. Через его школу прошли сотни офицеров вермахта.

В отечественных исследованиях организационным решениям германского командования до сих пор не придается должного значения. Автору пока не удалось обнаружить и следа того, что создание 4-й группы в таком составе стало бы предметом особого внимания нашей военной разведки, военного командования СССР, не говоря уже о высшем руководстве страны.

При подготовке к войне против СССР в вермахте значительно увеличилось количество танковых дивизий, что позволило сформировать четыре танковые группы, преобразованные позднее в танковые армии. При этом число танков в каждой дивизии уменьшилось, но в общей массе танков возросла доля средних танков, производство которых было увеличено в Германии после разгрома Франции и ее союзников. По разным причинам вермахт не смог использовать в сколько-нибудь значительных количествах трофейные французские и английские танки. Но им были взяты на вооружение легкие танки чехословацкого производства, отличавшиеся высокими тактико-техническими и эксплуатационными характеристиками. Для формирования новых танковых дивизий были использованы наиболее подготовленные пехотные и моторизованные дивизии вермахта с личным составом, имевшим высокий общеобразовательный уровень и обладавшим различными техническими навыками⁵⁸.

Красная Армия была едва ли не пионером в создании танковых частей и соединений. В 1929 г. был образован первый механизированный полк, развернутый в механизированную бригаду; их ядром были танки. В 1932 г. было начато формирование механизированных корпусов.

В августе 1938 г. механизированные корпуса без особых изменений в их оргструктуре были переформированы в танковые. К концу 1938 г. в Красной Армии уже имелось 4 танковых корпуса, 24 отдельных танковых бригады и 4 тяжелых танковых бригады⁵⁹. Этим была создана хорошая основа для создания танковых армий (танковых групп). Но в 1939 г. танковые корпуса были упразднены, исходя из опыта локальной войны в Испании, где танки использовались в сравнительно небольших масштабах.

В июне 1940 г. в ускоренном порядке вновь началось формирование крупных танковых соединений — механизированных корпусов со штатной численностью танков 1032 единицы. Эти корпуса имели в боевом составе по две танковых и по одной моторизованной дивизии, которые формировались заново, в связи с расформированием имевшихся до этого танковых бригад. Решение о расформировании танковых бригад в РККА было одной из наиболее крупных ошибок организационного характера накануне Великой Отечественной войны, имевшей самые тяжелые последствия для нашей армии и всей страны⁶⁰.

Одним из важнейших элементов организации германских вооруженных сил в войне против СССР было наличие в них высших оперативных объединений ВВС — воздушных флотов⁶¹. Базовой организационной единицей люфтваффе была эскадра, в которую входили, как правило, самолеты одного типа — бомбардировщики, пикирующие бомбардировщики или одномоторные истребители, тяжелые двухмоторные истребители. Численность самолетов в эскадре была 100—200 единиц. Эскадра, в свою очередь, составляла 2—3 авиagrуппы по 3 отряда (эскадрильи) в каждой. Эскадры входили в состав авиационных корпусов, которые и образовывали воздушные флоты. В состав воздушных флотов ВВС Германии входили также зенитные корпуса. Состав воздушных флотов, их структура позволяли как проводить самостоятельные воздушные операции, так и обеспечивать поддержку сухопутных войск и ВМС на тех или иных направлениях⁶².

ВВС Красной Армии такой организации не имели. Прежде всего, в них отсутствовали высшие оперативные соединения. Подавляющая часть боевой авиации РККА была подчинена командованию общевойсковых объединений

(фронтов и армий). Это затрудняло массированное использование ударной авиации⁶³.

К 22 июня 1941 г. военная авиация нацистской Германии численно уступала ВВС Красной Армии, но обладала значительными преимуществами по тактико-техническим характеристикам самолетов, по уровню летной и тактической подготовки летного состава, по наличию у летчиков реального боевого опыта, а также в силу отмеченных выше организационно-штатных решений⁶⁴.

Польша, как и предвидел еще в 1920-е гг. Свечин, стала первой жертвой Германии в новой мировой войне⁶⁵. Она была разгромлена вермахтом менее чем за две недели.

В подавляющей части современных исследований отмечается, что во многих случаях польские войска оказали мужественное сопротивление агрессору. Но уровень боевой подготовки, оперативного искусства, технической оснащенности вермахта, степень быстроты действий его соединений и частей намного превосходили то, что могла противопоставить ему польская армия.

В отличие от 1940 и 1941 гг. танковые силы вермахта еще не действовали автономно в виде корпусов или танковых групп на оперативном уровне. Они использовались на тактическом уровне как отдельные дивизии. Воздушно-десантные части держались в резерве. В ходе «польской кампании» впервые были апробированы методы максимально тесного взаимодействия танковых сил и авиации, что в мирное время в больших масштабах не отрабатывалось на маневрах в Германии⁶⁶.

В операциях германских танковых войск в войне против Польши делалась ставка, прежде всего, на быстроту действий, а не на использование огня с бронированных машин как средства подавления. Это требовалось, чтобы внести смятение в ряды обороняющихся поляков и подавить их волю к сопротивлению. Танки, как правило, обходили укрепленные районы, противотанковые препятствия, населенные пункты, не таранили хорошо подготовленную оборону в лоб. Главным было, действуя по линии наименьшего сопротивления, прорваться, развивая успех, в тыл противника.

Как писал Лиддел Гарт, «для польской армии было бы разумнее организовать оборону значительно восточнее границы, за широкими реками Висла и Сан»⁶⁷. Но для этого надо было бы оставить некоторые важные районы страны, что для польских руководителей представлялось неприемлемым с политической и экономической точек зрения.

Заметим, что подобным же образом была дислоцирована и значительная часть сил Красной Армии в западных военных округах. Наиболее опасной была конфигурация сил Западного ВО на Белостокском выступе. Положение дел здесь в первые дни приграничного сражения было усугублено некоторыми ошибочными действиями командования Западного фронта во главе с генералом армии Д.Г. Павловым⁶⁸.

Чисто военные операции вермахта против Польши сопровождались немецкими акциями «психологической войны» и массовым использованием диверсионных групп.

Быстрому успеху вермахта способствовало и то, что польское командование уделяло явно недостаточно внимания подготовке к обороне, в том числе не занималось строительством оборонительных сооружений. К. Типпельскирх писал, что польское командование «безответственными в оперативном отношении действиями в значительной степени ускорило быструю победу немецких войск»⁶⁹.

Война против Польши велась гитлеровской Германией при наличии минимальных запасов боеприпасов и других средств обеспечения боевых действий войск. Современный немецкий исследователь Карл-Хайнц Фризер отмечает, что уже через 8 дней войны в Польше наступил почти полный коллапс

обеспечения германских войск боеприпасами (в люфтваффе, например, кончились запасы авиабомб). Генеральный инспектор ВВС генерал-полковник Эрхард Мильх после польской кампании заявил, что потребуется 7 месяцев, чтобы обеспечить немецкие ВВС всем необходимым. Значительными были потери автотранспорта в моторизованных дивизиях — до 50% ⁷⁰. Пока нет свидетельств того, что об этой проблеме были осведомлены разведки СССР или западных стран — союзниц Польши.

В ходе польской кампании вермахт получил ценнейший боевой опыт, хотя и имел дело с заведомо более слабым противником. Генеральный штаб Сухопутных войск вермахта в традициях Г. фон Мольтке-старшего в кратчайшие сроки изучил уроки польской кампании и немедленно ввел соответствующие изменения в систему боевой и оперативной подготовки вермахта. Но даже после скоротечной победы над Польшей влияние опыта первой мировой войны на мышление генералитета оставалось огромным. Генерал-полковник Риттер фон Лееб предостерегал против того, чтобы полагаться на такой же быстрый успех в войне с Францией, как с Польшей. Он считал, что в войне с Францией обеспечение внезапности невозможно и война приобретет затяжной характер с огромными потерями для Германии ⁷¹. Многие свидетельствуют о том, что подобные мнения доминировали и у командования западных союзников. Уроки блицкрига германо-польской войны 1939 г. не были должным образом учтены ни Францией и ее союзниками, ни советским руководством и высшим военным командованием. Это в немалой степени способствовало успехам вермахта в 1940 г. на Западе и в 1941 г. на Востоке.

В подготовке разгрома Франции и ее союзников весьма важную роль сыграли отработанные до совершенства военные игры, которые проводились в лучших традициях фон Мольтке-старшего, фон Шлиффера и фон Секта. В таких играх одним из наиболее сложных элементов является выступление за противника. В одной из таких игр немецкими генштабистами был сделан вывод о том, что «французское и английское командование не способны должным образом реагировать на внезапность, что они все время будут запаздывать в своих действиях в случае обеспечения немцами внезапности» ⁷². Это совпадало с мнением Гитлера о французских и британских государственных руководителях.

Перед осуществлением блицкрига против Франции в 1940 г. боевые возможности вермахта существенно увеличивались по всем направлениям. Это касалось не только танков и авиации, но и средств ПВО, артиллерии, средств обеспечения мобильности. С учетом опыта польской кампании наращивалось производство боеприпасов, важная роль отводилась пикирующим бомбардировщикам «Юнкерс-87», а в деле завоевания господства в воздухе — истребителям «Мессершмит-109» новейших модификаций.

Усиливалась и германская артиллерия ПВО. Считалось, что она высвободит истребительную авиацию люфтваффе для задачи завоевания господства в воздухе. Многие германские орудия ПВО были двойного назначения и могли вести борьбу с танками противника. Мобильная немецкая зенитная пушка калибром 88 мм весила 4,92 т и по своим характеристикам превосходила французские; британская калибром 3,7 дюйма весила 10,3 тонны. Даже 40-мм пушки «бофорс», приобретенные обеими странами в Швеции, весили в 2 раза меньше в германском варианте, чем в английском ⁷³.

К 1939 г. Франция имела 5 полков ПВО, Германия — 72 полка; особенно отставали французы в орудиях малых калибров — от 20 до 40 мм — для отражения налетов на малых высотах на мосты и малоразмерные цели ⁷⁴.

Во многих современных исследованиях опровергается утверждение о том, что люфтваффе имели большое преимущество над авиацией французов и их союзников. У Франции было примерно одинаковое с Германией число боевых

самолетов. При этом французские летчики налетали больше часов, чем немецкие. Во французских ВВС сохранялось ядро блестящих летчиков первой мировой войны, но у немцев важную роль играли пилоты, имевшие опыт войны в Испании, Польше, Норвегии. Они хорошо разбирались в эффективности огня малокалиберной артиллерии ПВО, знали, как оптимально построить боевые порядки бомбардировщиков, как эффективнее использовать истребители. В частности, о том, что истребителям лучше летать парами, а не тройками, летчики французской Воздушной Армии (*Armée de l'Air*) не знали⁷⁵. Люфтваффе в целом превосходили ВВС Франции в тактическом отношении.

Во Франции перед войной был создан пикирующий бомбардировщик «Луар-Ньюпор» LN-40 с характеристиками, подобными «Ю-87». Командование ВВС Франции отрицательно отнеслось к этой машине, и она не использовалась во французских ВВС. Соответственно во Франции недооценивали роль сравнительно тихоходного «Ю-87» в люфтваффе⁷⁶.

Подобным же образом к «Ю-87», как свидетельствует в частности авиаконструктор и заместитель наркома авиапромышленности СССР А.С. Яковлев, относились и в ВВС РККА⁷⁷, и этот самолет так и не был закуплен в Германии (при этом были закуплены образцы практически всех других бомбардировщиков, имевшихся на вооружении ВВС «третьего рейха»).

Большая часть ВВС Франции не была способна взаимодействовать с сухопутными войсками. В военно-воздушной доктрине имелись понятия «штурмовые удары» и «удары пикирующих бомбардировщиков», но средства для этого отсутствовали.

Истребитель «Девуатен» Д-520 по своим характеристикам был сопоставим с «Супермарин Спитфайер» и последними модификациями «Мессершмита-109». Но к маю 1940 г. в ВВС Франции имелось всего 79 таких машин⁷⁸.

К. Фризер небезосновательно отмечает, что развитие танков в Германии, благодаря ограничениям Версальского договора, чуть ли не на поколение отставало от развития бронетанковой техники Великобритании и Франции⁷⁹.

Генерал М.Г. Гамелен, командующий союзными войсками во Франции в первые дни вторжения Германии, позднее признавал, что французские танки были лучше немецких в борьбе танк против танка⁸⁰.

По оценкам экспертов, обладавший высокими качествами французский танк *Somua S35* превосходил немецкие средние танки. У французов также были хорошие противотанковые средства, поражавшие все немецкие танки (кроме небольших модифицированных средних танков Т-4 с передней частью, у которых имелось дополнительное экранирование). Но во французских механизированных войсках гораздо хуже, чем у немцев, обстояло дело с системой управления и связи⁸¹. Французские танки были плохо оснащены радиостанциями. И в целом дело с радиосвязью во французской армии было не на должном уровне. Даже у штаба главкома не было собственной радиостанции⁸².

Танковые дивизии Франции в отличие от германских не имели никакой тактической подготовки, их действия не увязывались с действиями других элементов вооруженных сил. Начальник Генштаба германских сухопутных войск Гальдер именно под влиянием отмеченной выше командно-штабной игры стал в определенный момент склоняться к тому, что дерзкое наступление вермахта через Арденны принесет успех, за что активно ратовал начальник штаба группы армий «А» фон Манштейн. До этого Гальдер долгое время считал, что район Арденн мало пригоден для танков⁸³.

В первоначальном плане, составленном под руководством Гальдера, предусматривалось нанести главный удар, как и в 1914 г., через центральную часть Бельгии. Это было бы в определенной мере повторением «плана Шлиффена».

Согласно же плану другой стороны, составленному генералом Гамеленом, усиленное левое крыло союзных армий должно было вступить в Бельгию немедленно вслед за вторжением немцев в эту страну и продолжить наступление в восточном направлении до рубежа р. Диль, а если бы оказалось возможно, то и дальше. Французский план действий («план Диль») был на руку немцам. Он создавал для вермахта эффект удара по флангу крупной группировки в духе идей фон Мольтке и фон Шлиффена⁸⁴.

Гамелен перебросил основную часть своих бронетанковых сил в Бельгию, чтобы прикрыть наступающие войска союзников. Перед Арденнами он оставил только небольшой заслон из сравнительно слабых дивизий.

Силы вермахта были брошены в наступление 10 мая 1940 г. — поначалу против Голландии и Бельгии, что дезориентировало союзное командование. Французы и их союзники решили, что немцы снова, как и в 1914 г., действуют по канонам «плана Шлиффена»⁸⁵.

Переход через Арденнские горы был тщательно продуман и отработан на основе большого количества собранных штабными работниками соединений и объединений вермахта сведений о дорогах, водных преградах, мостах, переправах. В 1940 г. в танковой группе имелось 5 танковых и 3 моторизованные дивизии, большое количество корпусных и армейских частей, тыловые службы. У соединений и частей танковой группы было отработано тесное взаимодействие с авиацией — со штабами 3-го воздушного флота, 2-го авиационного корпуса, особенно непосредственно с поддерживавшими танковые группы частями ближних бомбардировщиков, а также с 1-м корпусом ПВО⁸⁶. В Арденнах действовало 45 дивизий вермахта против 9 французских⁸⁷.

Командование танковой группы Клейста и группы армий «А» решилось на крайний риск, наступая очень узким фронтом с высокой степенью перегрузки маршрутов. В процессе прохождения танковая группа оказывалась весьма уязвимой для ударов с воздуха. Ее колонны на каждом из четырех маршрутов, с учетом средств усиления и тылов, растягивались более чем на 300 километров. Союзники имели здесь еще один шанс сорвать германское наступление массированными ударами своей авиации по колоннам, растянувшимся от Рейна до Мааса, но этот шанс они не использовали⁸⁸.

Расчет на «теренциев варронов» в стане западных союзников в 1940 г. полностью оправдался. Генерал фон Бок записал в своем дневнике, узнав, что танковая группа Клейста успешно форсировала Маас, что «французы выглядели так, как будто они полностью утратили здравый смысл! В ином случае они могли бы остановить нас и остановили бы нас»⁸⁹.

Но даже после прорыва через Арденны и форсирования Мааса высшее командование вермахта продолжало опасаться контрудара французов по сравнительно небольшому числу немецких танковых и механизированных дивизий, прорвавшихся глубоко в тыл союзников. Проявлял большую нервозность и сам Гитлер⁹⁰.

Однако после дальнейших успехов германских танковых соединений в реализации формулы «молниеносной войны» Франция признала себя побежденной, а Великобритания в районе Дюнкерка эвакуировала свой экспедиционный корпус, потеряв все тяжелое оружие. Эти результаты в значительной мере были связаны с высоким уровнем инициативности таких танковых командиров, как Г. Гудериан, Э. Роммель и др., действовавших в соответствии с заветами фон Мольтке-старшего.

В сочетании с массированным применением диверсионных групп в тылу противника, хорошей координацией действий сухопутных войск и ударов авиации танковые и механизированные войска вермахта нарушали, прежде всего, систему управления войсками противника, оказывали на него мощное

психологическое воздействие, создавая во многих случаях хаос и панику. В целом, видимо, эта сторона действий немецких танковых и механизированных войск была недооценена советским военным командованием перед 22 июня 1941 года.

Многое говорит о том, что главной причиной поражения Франции и ее союзников в 1940 г. была неадекватность французской военной мысли новым условиям; она отставала от развития германской военной мысли на пару десятилетий, несмотря на наличие упоминавшегося выше труда Ш. де Голля.

Известно, что нарком обороны С.К. Тимошенко, выступая на совещании высшего командного состава РККА 31 декабря 1940 г., заявил, что в стратегическом отношении война 1940 г. на Западе ничего нового не дала. Нарком обороны СССР не увидел «ничего нового» в том, как в 1940 г. нацистской Германией было осуществлено стратегическое сосредоточение и развертывание войск и как серией последовательных операций в очень сжатые сроки были решены крупнейшие стратегические задачи войны. Это было одной из грубейших принципиальных ошибок советского высшего командования в оценке войны 1940 г. на Западе. Тимошенко также ничего не сказал о том, где вермахтом был нанесен главный удар. Он как бы упрекнул германскую армию в том, что она «не отважилась атаковать и прорвать “линию Мажино”», что она предпочла ее обойти, «не считаясь с нейтралитетом Голландии и Бельгии». При этом не был упомянут главный удар вермахта через территорию Люксембурга и через Арденны (группа армий «А» с танковой группой Клейста). Удар же через Бельгию и Голландию, как отмечалось, носил отвлекающий характер. Тимошенко высоко оценил моральный дух вермахта в войне на Западе: «Твердость дисциплины, большая инициативность и активность командиров всех рангов и готовность войск к самопожертвованию»⁹¹. В целом успехи немецкого блицкрига на Западе произвели сильное впечатление на командование РККА и на специалистов, занимавшихся исследованием этого вопроса. Это нашло отражение, в частности, в ряде публикаций в профессиональных советских военных журналах⁹².

Сталин, выступая перед выпускниками военных академий РККА в Кремле 5 мая 1941 г., говорил: «С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, в германской армии появилось хвостовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль Германии не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка»⁹³. Отчасти Сталин был прав в отношении «самодовольства» и «зазнайства». Но в целом такие оценки дезориентировали командование и командиров РККА, советскую оборонную промышленность. В этом выступлении Сталина, в частности, ничего не было сказано об уровне оперативного искусства вермахта, о важности имевшегося у него богатого боевого опыта и т.п.

Ряд ветеранов советской разведки в беседах с автором неоднократно отмечали, что в докладах, в разведывательных обзорах акцент делался не на добытых данных об уровне управления у вероятного противника и его умении руководить в наступательных операциях огромными массами войск, не на идеях, лежавших в основе боевых уставов и наставлений, а, прежде всего, на численности и структуре его вооруженных сил, их дислокации, наличии основных видов вооружений и военной техники, ее тактико-технических характеристиках и т.д. В результате складывалась картина, не дававшая полного представления о реальных боевых возможностях опаснейшего противника, постигшего, по выражению Свечина, «оперативную тайну» второй мировой войны.

К сожалению, командование РККА в целом не смогло должным образом оценить то, что было осуществлено вермахтом в 1939 г. и в 1940 г. при разгроме вооруженных сил Польши, Франции и ее союзников.

Большую роль в неадекватном усвоении опыта войны против Польши и Франции сыграло положение дел в советской разведке — как в военной, так и в политической, которые в 1937—1939 гг. подверглись жесточайшим репрессиям. Это серьезнейшим образом отразилось, в частности, на аналитических возможностях разведки⁹⁴. Сыграла свою роль и чехарда с назначениями в Генеральном штабе РККА — как на уровне начальников Генштаба, так и начальников оперативного управления Генштаба — этого «генштаба в генштабе».

Если говорить о работе войсковой и оперативной разведки в гитлеровском вермахте, то она была не просто лучше поставлена, нежели в польской, французской или английской армиях. В вермахте и гораздо лучше было отлажено взаимодействие разведчиков с работой других подразделений штабов, прежде всего, с операторами. Это относилось и к руководству военной разведки, и к высшему командованию. Взаимоотношения разведчиков и операторов можно, безусловно, отнести к «тонким характеристикам» системы боевого управления. У западных же союзников наблюдалась совсем иная картина. Вот ее описание: «Французские и британские разведслужбы поставляли данные на столы (в кабинеты) офицеров-операторов так, как будто они приносили им ежедневную газету»⁹⁵.

Польская кампания характерна первым оперативным использованием радиоразведки. Еще более масштабным было использование радиоразведки в ходе кампании вермахта против Франции и ее союзников в 1940 году. При этом немецкие службы прослушивания эфира использовались и для активных мероприятий, имитируя ложную радиосвязь несуществующей немецкой армии⁹⁶.

В вермахте накануне вторжения в СССР значительно большее внимание, чем в советских вооруженных силах, уделялось средствам радиотехнической разведки. На первом этапе Великой Отечественной войны это давало дополнительные, весьма важные данные для германского командования при нанесении ударов по важнейшим элементам системы военного управления, особенно в оперативном звене. Средствами радиоразведки вермахта подробно были вскрыты дислокация частей и соединений ВВС РККА, их состав, даже тактико-технические характеристики самолетов; боевые порядки ВВС РККА; перемещение частей, система снабжения; потенциальные цели для бомбардировок⁹⁷.

Одновременно службами связи вермахта предпринимались масштабные меры по защите информации, передаваемой по радио, в том числе с использованием шифровальных машин «Энигма». Высокая степень защищенности передаваемой по радио информации давала возможность командующим и командирам, штабам вермахта смело и интенсивно пользоваться этим видом связи. В этом они значительно превосходили своих противников, в том числе командующих и командиров, штабы РККА. Как уже отмечалось, использование радиосвязи было одним из важнейших условий эффективного продвижения подвижных соединений, координации действий родов сухопутных войск (артиллерии, танков, пехоты, инженерных частей), надежного взаимодействия люфтваффе с сухопутными войсками и т.д. Советской разведке, в отличие от британской, не удалось проникнуть в тайны германских шифров и кодов⁹⁸. Это существенно снижало качество разведанных, получаемых советским государственно-партийным руководством и высшим военным командованием.

В вермахте очень большое значение придавалось также авиационной разведке, особенно авиафоторазведке, которая осуществлялась с применением оптики и фотопленки высокого качества, надежной фотоаппаратуры в целом. Люфтваффе использовали не только специальные разработки немецких уче-

ных и инженеров, но и технические достижения общего назначения. По ряду оценок, перед началом второй мировой войны Германия располагала лучшей в мире оптикой, фотоаппаратурой, а также фотопленкой, соизмеримой по своему качеству, по крайней мере, с фотопленкой американского производства. Были отработаны технические возможности быстрой обработки получаемых данных и передачи этих данных от люфтваффе сухопутным войскам. Важную роль играло наличие стабильных, высококвалифицированных кадров по аналитической обработке получаемых немецкой авиаразведкой снимков. Масштабы осуществления авиафоторазведки в отношении СССР, советских вооруженных сил накануне нападения Германии на Советский Союз были огромными ⁹⁹.

Серьезным преимуществом вермахта было наличие специального высокоэффективного самолета-разведчика (преимущественно тактическая разведка) «Фокке-Вульф-189» («Рама»), существенно повышавшего боевые возможности гитлеровских войск ¹⁰⁰. Для ведения практически постоянного наблюдения (и аэрофотосъемки) одних и тех же районов требовалось достаточно большое число самолетов-разведчиков. Кроме «Фокке-Вульф-189» в люфтваффе имелось много самолетов-разведчиков других типов — 275 дальних разведывательных самолетов (Дорнье-17) и 356 других самолетов-разведчиков — Хеншель-45, Хеншель-46 и прочие ¹⁰¹.

При этом в германских вооруженных силах много внимания уделялось тому, чтобы данные аэрофотосъемки (и разведанные из других источников) не оставались в виде «коллекций» в высших штабах, а немедленно размножались и в требуемом количестве срочно рассылались в войска ¹⁰².

Генерал-фельдмаршал люфтваффе А. Кессельринг в своих воспоминаниях отмечал, что завоевание господства в воздухе германскими ВВС в первые дни войны против СССР обеспечила «прекрасно проведенная аэрофотосъемка» (и в целом «непрерывная воздушная разведка»). Благодаря этому, по оценке Кессельринга, в больших количествах советские самолеты были поражены на земле.

К сожалению, успеху немецкой разведки во многом способствовал доверенный запрет высшего советского руководства сбивать гитлеровские самолеты, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР. В Кремле, видимо, не понимали значения авиафоторазведки, катастрофически недооценивали тот ущерб, который был нанесен Красной Армии такими практически беспрепятственными полетами немецких самолетов-разведчиков. В результате, по ряду оценок, люфтваффе смогли практически беспрепятственно осуществить сотни разведывательных полетов над войсками приграничных военных округов РККА в предвоенные месяцы 1941 года.

Ведение советскими ВВС авиафоторазведки над территорией, занятой будущим противником, Наркомату обороны СССР категорически запрещалось высшим руководством СССР, что существенно затрудняло для военных возможность своевременно вскрыть выход войск противника на границу Советского Союза. Жуков, занимавший в феврале — июле 1941 г. пост начальника Генштаба и заместителя наркома обороны СССР, позднее писал: «Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали. К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня» ¹⁰³. То есть накануне нападения на Советский Союз гитлеровское командование поступило точно

таким же образом, что и накануне развертывания наступательных действий на Западном фронте в мае 1940 г. против Франции и ее союзников.

Арсенал разведывательных средств вермахта не ограничивался технической разведкой. Практиковалось также массовое использование разведывательно-диверсионных групп, нацеленных, прежде всего, на определение местоположения штабов, транспортных узлов, аэродромов. Что касается вопросов деятельности германской стратегической разведки (как военной, так и политической), которой занималось VI управление РСХА (Главного управления имперской безопасности), то применительно к теме блицкрига они требуют особого рассмотрения. По имеющимся на сегодняшний день данным, успехи германской стратегической разведки в отношении СССР в целом были незначительными, что вело в частности к недооценке промышленного потенциала Советского Союза и мобилизационных возможностей Красной Армии. Во многом это было и следствием жесткого контрразведывательного режима на территории СССР, беспрецедентной цензуры печати и того, что в разведдеятельности гитлеровских спецслужб ставка делалась, прежде всего, на получение информации, необходимой для ведения «молниеносной войны». К. Типпельскирх писал, что определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. По его словам, «на протяжении двадцати лет Советский Союз, отгородившийся уже тогда железным занавесом от остального мира, жил своей особой жизнью». В результате, отмечал Типпельскирх, «в таких решающих областях, как, например, транспорт и военная промышленность, возможности русских сильно недооценивались. Техническая оснащенность армии оставалась тайной...»¹⁰⁴.

Как отмечалось выше, в оперативном искусстве вермахта ставка делалась не на физическое уничтожение массы людей противника, а на его дезорганизацию, на то, чтобы посеять панику, отсечь тылы, нарушить связь, управление; в конечном итоге окружить и взять в плен большое число людей¹⁰⁵. Расчет был также на то, что при этом снижались и собственные потери вермахта.

Применение германских танковых соединений и объединений во вторую мировую войну было ориентировано, прежде всего, на глубокие прорывы в оперативный тыл группировок противника, с тем чтобы личный состав соответствующих частей и соединений испытал страх быть отсеченным от соседей и от тыла, испытал бы страх оказаться окруженным и уничтоженным. Танковые соединения вермахта с минимальным числом моторизованной пехоты действовали на большом удалении от основных сил, от общевойсковых соединений и объединений. Часто они не создавали плотного окружения, но умело имитировали его. Они вводились в действие на стыках соединений противника, там, где не ожидалось сколько-нибудь серьезного сопротивления, где не было задач «взламывания» обороны, решение которых было чревато большими потерями в бронетанковой технике. И для этих задач больше всего подходили легкие (и отчасти средние) танки с небольшим потреблением горючего, что облегчало действия танковых соединений и частей на большом удалении от тыла.

Сила воздействия глубокого проникновения танков в боевые порядки и оперативные тылы противника была представлена в одном из рассказов известного французского писателя и военного летчика Антуана де Сент-Экзюпери, наблюдавшего с воздуха действия танковых войск вермахта в 1940 г. Он писал: «Враг уяснил себе одну очевидную истину и пользуется ею. Люди занимают немного места на необъятные просторах земли. Чтобы построить солдат сплошной стеной, их потребовалось бы сто миллионов. Значит, промежутки между войсковыми частями неизбежны. Устранить их, как правило, можно подвижностью войск, но для вражеских танков слабо моторизованная армия как бы неподвижна. Значит, промежуток становится для них настоящей брешью. От-

сюда простое тактическое правило: «Танковая дивизия действует, как вода. Она оказывает легкое давление на оборону противника и продвигается только там, где не встречает сопротивления. И танки давят на линию обороны. Промежутки имеются в ней всегда. Танки всегда проходят»». Далее Сент-Экзюпери писал: «Эти танковые рейды, воспрепятствовать которым за неимением собственных танков мы бессильны, наносят непоправимый урон, хотя на первый взгляд они производят лишь незначительные разрушения (захват местных штабов, обрыв телефонных линий, поджог деревень). Танки играют роль химических веществ, которые разрушают не сам организм, а его нервы и лимфатические узлы. Там, где молнией пронеслись танки, сметая все на своем пути, любая армия, даже если с виду она почти не понесла потерь, уже перестала быть армией. Она превратилась в отдельные сгустки. Вместо единого организма остались только не связанные друг с другом органы. А между этими сгустками, как бы отважны ни были солдаты, — противник продвигается беспрепятственно. Армия теряет боеспособность, когда она превращается в скопище солдат»¹⁰⁶.

Эти оценки Сент-Экзюпери — весьма ценный элемент для понимания того, как на деле реализовывались идеи блицкрига (нельзя не вспомнить, что Свечин предостерегал советских разработчиков теории «глубокой операции» против увлечения таранными ударами).

Германия не обладала тяжелыми танками вплоть до 1943 года. В кампании против СССР в 1941 г. немецкие танковые группы действовали на удалении в сотни километров от основных сил сухопутных войск, что долгое время никак не укладывалось в сознании высшего командного состава РККА. При этом действия танковых войск вермахта сдерживались консерватизмом германских командующих групп армий — классических пехотных командующих.

Такие действия были связаны с большим риском — противник гипотетически мог нанести удар по флангам прорывающейся танковой группировки¹⁰⁷.

Но нанесение фланговых ударов требовало бы соизмеримого уровня тактического и оперативного мастерства, наличия слаженных соединений, высокого качества работы разведки танковых и моторизованных частей и соединений, которая имела свою специфику, и ее взаимодействия с командованием. Напомним, что для этого была необходима и высокая степень радиофикации танковых войск. Для успешных ударов во фланги с выходом в оперативный тыл противника необходимо было иметь устойчивую связь во всех звеньях (в том числе по горизонтали) и самим иметь инициативных, грамотных в тактическом и оперативном отношении командиров. Советские мехкорпуса в июне 1941 г. таким требованиям, как правило, не отвечали. В первые дни войны, в ходе контрудара под Дубно (битва за Дубно-Луцк-Броды), советские механизированные корпуса действовали малоэффективно (в том числе по вине вышестоящего командования) и понесли огромные потери. Однако в то же время «благодаря танкам и авиации Юго-Западный фронт избежал (на тот момент. — А.К.) катастрофического развития событий в виде окружения львовского выступа и смог относительно организованно отойти на рубеж старой границы»¹⁰⁸, был сорван стремительный прорыв вермахта к Киеву.

Немецкие танки превосходили машины своих противников не в бронезащите, вооружении или проходимости, а, прежде всего, в решениях, обеспечивающих удобство, эффективность работы экипажей. К ним относится наличие командирской башенки с приборами наблюдения высокого качества; размещение наводчика вблизи центра тяжести танка, в силу чего он не подвергался большим колебаниям при движении машины и имел более выгодные условия для ведения стрельбы и т. д.¹⁰⁹.

У германских танков в целом имелось большее число смотровых приборов, лючков, что давало немецким танкистам значительные преимущества в обзорно-

сти ¹¹⁰. В этом отношении немецкий средний танк Т-3, например, превосходил советский Т-34 ¹¹¹, обладавший многими преимуществами и над Т-3, и над Т-4.

В обеспечении реальных боевых возможностей танков огромную роль, наряду со средствами связи, играют прицелы для танковых орудий. У советских танков на протяжении не одного года существовали проблемы и с качеством прицелов.

Для вермахта были характерны: высокий уровень радиофикации войск (прежде всего, танковых и моторизованных), высокое по тому времени качество радиоаппаратуры, полное обеспечение средствами радиосвязи (УКВ) каждого немецкого танка и самолета, хорошее знание штабами и командирами схем связи, ее режимов. По некоторым оценкам отечественных и зарубежных специалистов, в то время Германия обладала лучшей в мире радиоаппаратурой, превосходившей по своему качеству и американскую и английскую технику. Радиофицированная танковая дивизия вермахта была подобна осьминогу, нащупывавшему расположение противника щупальцами, в роли которых выступали ее мобильные разведывательные отряды ¹¹².

С обеспеченностью средствами связи у советских танковых войск накануне 22 июня 1941 г. дело обстояло значительно хуже. Это крайне негативно сказывалось на тактике бронетанковых войск РККА, которая длительное время уступала тактике немецкого «панцерваффе». Значительные проблемы со связью имелись перед началом Великой Отечественной войны и в авиации РККА. В целом дело со связью в Красной Армии, как уже говорилось, обстояло значительно хуже, чем у вермахта, на всех уровнях — от стратегического до тактического. Это ярко проявилось сразу же в начале советско-германской войны, когда, в частности, из-за утраты большей части связи было потеряно управление войсками со стороны командования Западного фронта РККА.

Жуков отмечал плохое положение дел в Красной Армии со связью и неумение командиров и штабов пользоваться современными средствами связи, прежде всего, радиосвязью ¹¹³. По его словам, «командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны — известно» ¹¹⁴. По свидетельству Жукова, недостаточное внимание к роли связи в советских вооруженных силах шло с самого политического верха.

Острые проблемы со связью в Красной Армии были еще в ходе боев у озера Хасан, во время похода в Западную Украину и в Западную Белоруссию в 1939 г., в советско-финскую войну в ноябре 1939 — марте 1940 года ¹¹⁵. В акте приема Наркомата обороны СССР Тимошенко от Ворошилова (декабрь 1940 г.) отмечалось наличие большого числа устаревшей техники связи в войсках, отсутствие быстродействующих и засекреченных приборов ¹¹⁶.

Для реальной боевой эффективности танковых войск вермахта большое значение имела мотопехота, особенно оснащенная бронетранспортерами. «Действия спешившейся мотопехоты были аналогичны действиям штурмовых групп», история которых восходит к завершающему периоду первой мировой войны ¹¹⁷.

Командующие и командиры сухопутных войск и люфтваффе благодаря многочисленным командно-штабным играм и учениям обеспечили, как отмечалось выше, исключительно тесное взаимодействие между частями и соединениями этих двух родов войск как на оперативном, так и на тактическом уровнях. Авиация, особенно пикирующие бомбардировщики люфтваффе «Юнкерс-87», наносила высокоточные удары по различным объектам противника, включая отдельные орудия, танки, дзоты и доты.

Как отмечал Гудериан, «главная задача ударной авиации, взаимодействовавшей с танковыми соединениями и частями, состояла в том, чтобы обеспечить самую непосредственную поддержку танковых атак» ¹¹⁸.

Авианаводчики люфтваффе находились в боевых порядках сухопутных войск в передовых частях. Большую роль играли офицеры связи от авиации в танковых войсках. Они постоянно информировали авиационный штаб об изменениях боевой обстановки и обеспечивали наведение самолетов на цель. Танковые части должны были незамедлительно использовать результаты ударов авиации, пока противник не оправился от ударов с воздуха ¹¹⁹. Одновременно офицеры связи от наземных войск направлялись в авиационные эскадры и разведывательные авиационные части. При каждой дивизии наземных войск имелись посты наведения, которые могли выделять более мелкие группы в части, откуда осуществлялось наведение самолетов на цель уже непосредственно в интересах той или иной части. Это обеспечивало экономное использование сил авиации и максимально эффективное применение наземными войсками результатов ударов авиации; к тому же наличие постов и групп наведения было призвано предотвращать поражение авиабомбами своих войск ¹²⁰.

За счет теснейшего взаимодействия между сухопутными войсками и люфтваффе во время кампании мая-июня 1940 г. на Западе пехота и танки могли получать поддержку ударной авиации в течение 45 минут после запроса. У союзников же на это уходили долгие часы, а нередко это занимало и более суток, в течение этого времени обстановка уже радикально менялась.

Кессельринг, командовавший воздушным флотом, приданным группе армий «Центр», отмечал «образцовое взаимодействие» между сухопутными войсками и люфтваффе. Он писал, что дал указание генералам подчиненных ему частей ВВС и зенитной артиллерии «относиться к пожеланиям коллег из сухопутных войск так, как если бы это были мои приказы, не смущаясь тем, что их непосредственным начальником был я...» ¹²¹.

Пилоты сравнительно тихоходных небронированных пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» обладали весьма хорошей подготовкой в пилотировании и в тактике. На нее в германских ВВС тратилось много времени и сил, что явно давало свои плоды. Уровень физической и летной подготовки пилотов пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» был таков, что многие из них осуществляли пикирование на цель почти вертикально, почти под углом 90° (испытывая огромные физические и психические перегрузки); а чем ближе угол пикирования к 90°, тем в большей мере траектория сбрасываемой бомбы совпадает с линией прицеливания. При этом, как правило, «Юнкерсы-87» пикировали устойчиво на сравнительно небольшой скорости (450 км/час при угле пикирования 70°). В результате летчик получал больше времени на прицеливание, чем, например, пилот советского пикирующего бомбардировщика Пе-2 (переделанный из высотного истребителя-перехватчика), который при пикировании развивал скорость до 680 км/час. К тому же медленно пикирующий «Юнкерс» мог начинать выход из пике на меньшей высоте, чем тот же Пе-2, в силу меньшей набранной инерции (пилоты советских пикирующих бомбардировщиков «Пе-2» с большой задержкой освоили пикирование под такими же углами, как пилоты «Ю-87», что сказывалось на точности бомбометания) ¹²².

У «Юнкерса-87» имелся специальный прибор для выхода из пикирования. Использовались не только авиабомбы, но и сирены, во многих случаях эффективно действовавшие на психику подвергавшихся бомбардировке войск. Р. Цитино сравнивает пикирующие бомбардировщики «Ю-87» с мобильной артиллерией, действовавшей по вызову танков ¹²³.

В качестве пикирующего бомбардировщика люфтваффе часто на советском фронте использовали и более тяжелую двухмоторную машину — «Юнкерс-88», у которой также имелось устройство по выводу этой машины из пикирования. Это устройство было приобретено для советских ВВС накануне войны. У пикирующих бомбардировщиков германских ВВС была и тщательно

отработанная тактика, позволявшая в частности снижать потери от действий истребителей противника ¹²⁴.

Успешность действий германских ВВС в обеспечении действий сухопутных войск была самым тесным образом связана с завоеванием люфтваффе господства в воздухе.

Одним из важнейших элементов завоевания господства в воздухе было нанесение внезапных ударов по аэродромам противника, уничтожение его самолетов на земле. Не следует забывать и о роли в реализации блицкрига артиллерии вермахта, которая обладала значительным числом весьма совершенных по тому времени систем. Особое значение имели так называемые штурмовые орудия — самоходная артиллерия на шасси немецких танков. Главной задачей штурмовых орудий сухопутных войск вермахта была непосредственная поддержка пехоты с дистанции 200 м, но при этом им приходилось решать и задачи борьбы с танками противника ¹²⁵.

К моменту нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. компоненты нацистской военной машины достигли исключительно высокого уровня развития и слаженности. Боевой дух вермахта после скоротечного разгрома Франции и ее союзников в мае-июне 1940 г. был весьма высок. Его значительная часть, не говоря уже о войсках СС, находилась под сильнейшим влиянием нацистской идеологии, проникнута чувством расового превосходства немцев, арийцев. Гитлер утвердил у большинства командиров вермахта свой авторитет полководца. Это был смертельно опасный противник.

Расистские представления Гитлера и его ближайшего окружения о внешней политике сказывались на военно-стратегических и оперативных взглядах германского командования. Это стало одним из важнейших источников фатальных ошибок руководства нацистской Германии в войне с СССР.

К июню 1941 г. в Германии имелись тщательно продуманная организация войск, отлаженная система боевого управления на всех уровнях, основная боевая и вспомогательная техника, во многом соответствовавшая задачам блицкрига. Нельзя не сказать еще раз о богатейшем военном опыте вермахта, который он обрел к лету 1941 г., — несравненно более богатом, чем к моменту наступления на Западе в мае 1940 г.; и этот опыт был тщательно проанализирован и осмыслен. Для германской промышленности и вооруженных сил была характерна высокоразвитая техническая и научная культуры. Важным фактором являлась общая образованность населения Германии.

Советский Союз, несмотря на все достижения индустриализации 1920—1930-х гг., значительно отставал от Германии в развитии науки и техники, в степени образованности населения. Это во многих случаях прямо сказывалось на сравнительной боеспособности вермахта и Красной Армии.

Высоким профессионализмом обладала значительная часть немецкого военного командования. В то же время у немецких военных профессионалов, в том числе генштабистов, имелись серьезные недостатки. Они усугублялись действиями такого верховного главнокомандующего вооруженными силами нацистской Германии, как Гитлер. Оценивая творцов немецкого блицкрига, вполне можно опереться на мнение Свечина относительно немецкого военного командования. Оно, по словам Свечина, сказанным сразу же после первой мировой войны, «было талантливое, быть может, оно было на дюйм ниже того роста, который необходим для победы, но этот недостающий дюйм — как раз тот, который отличает гения от простого смертного» ¹²⁶.

Советскому Союзу потребовались экстраординарные усилия, чтобы остановить победоносное наступление вермахта в 1941 г., сорвать реализацию «плана Барбаросса». Попытка блицкрига в отношении СССР, хотя в результате и не

удавшаяся, в сочетании с многочисленными ошибками, допущенными советским государственным руководством, и проблемами советских вооруженных сил поставила Советский Союз в 1941 г. на грань катастрофы.

Сила немецкой военной машины, являвшейся частью крайне идеологизированного нацистского государства, была такова, что и после краха блицкрига в результате масштабного поражения группы армий «Центр» под Москвой зимой 1941—1942 гг. потребовались еще несколько лет тяжелейших боев и сражений, прежде всего, на советско-германском фронте, а также совместные усилия СССР, США и Великобритании, направленные на то, чтобы добиться безоговорочной капитуляции «третьего рейха».

Примечания

1. СТАЛИН И.В. Ответ товарищу Разину. — Большевик. 1947, № 3.
2. Цитируется по: СИМОНОВ К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М. 1988, с. 335.
3. WAITL F. The True Strategy of Blitzkrieg. www.militaryhistoryonline.com.wvii.
4. ВЛАСОВ Н.А. Гельмут фон Мольтке. Полководец индустриальной эпохи. СПб. 2011, с. 45.
5. ШЛИФФЕН А. Канны. С приложением избранных статей и речей. Т. 1. М. 1936, с. 14—15.
6. БЕЛЯКОВ В.И. Молниеносная война. Советская военная энциклопедия. Т. 5. М. 1978, с. 362.
7. НОВИЦКИЙ В.Ф. План Шлиффена и современная действительность. Война и революция, 1930. Кн. 3, с. 106.
8. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Первая мировая война. СПб. 2000, с. 74.
9. СВЕЧИН А.А. Четырехлетняя война 1914—1918 гг. Общий обзор сухопутных операций. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 46. М. 1927, с. 3—15, 136—139 (переиздано в кн.: Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М. 1999, с. 239).
10. Там же.
11. VAN EVERA S. The Cult of Offensive and the Origins of the First World War. Military Strategy and the Origins of the First World War. Princeton-N.Y. 1991, p. 61—62.
12. НОВИЦКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 105, 110.
13. ЛИДДЕЛ ГАРТ Б.Г. Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии. М. 2004.
14. ВИШЛЕВ О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М. 2001, с. 46; МЕЛЬТЮХОВ М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939—1941 гг. Документы, факты, суждения. М. 2002, с. 254; ГЕББЕЛЬС Й. «Под нашими знаменами нас ждет победа». Выдержки из дневников (май — начало июля 1941 г.). Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Смоленск. 2000, с. 310; Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. М. 1998, кн. 1, с. 102—103; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти томах. Т. 2. М. 2012, с. 474.
15. ФУЛЛЕР Дж.Ф.Ч. Операции механизированных сил. Лекции по 3-й части Полевого устава. М. 1933.
16. Там же.
17. Цит. по: МОЛЧАНОВ Н.Н. Генерал де Голль. М. 1973, с. 90.
18. ГОЛЛЬ Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942. М. 2003, с. 30.
19. МОЛЧАНОВ Н.Н. Ук. соч., с. 94.
20. Там же.
21. Там же, с. 100.
22. ЭЙМАНСБЕРГЕР Л. Танковая война. М. 1936.
23. Там же.
24. ТРИАНДАФИЛЛОВ В.К. Размах операций современных армий. — Военный вестник. 1926, № 5.
25. ЕГО ЖЕ. Характер операций современных армий. М. 1937, с. 28.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же, с. 30.
29. Там же.
30. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. О новом Полевом уставе РККА. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. II. М. 1964, с. 245—248.

31. Следует, однако, заметить, что Тухачевский не упоминал о взаимодействии пехоты и танков с авиацией.
32. Там же.
33. Там же.
34. Цит. по: КОРОТКОВ П.А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. М. 1980, с. 148.
35. ДРИГ Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах. М. 2005, с. 38—41.
36. ЗАХАРОВ М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М. 1989, с. 99—100; ДАЙНЕС В.О. Жуков. М. 2005, с. 72.
37. КИПП Дж. Истоки советского оперативного искусства, 1917—1936. http://www.war-game.org/blog/moltke_starshij_i_istoki_operativnogo_urovnja_voennykh_dejstvij_chast_1/2011-07-11-4.
38. ЛОПУХОВСКИЙ Л.Н., КАВАЛЕРЧИК Б.К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М. 2010, с. 90.
39. СВЕЧИН А.А. Опасные иллюзии. — Военная мысль и революция. 1924, март, с. 49; ЕГО ЖЕ. Эволюция военного искусства. Т. 2. М. 1927, с. 227; ЕГО ЖЕ. Эволюция стратегических теорий. Война и военное искусство в свете исторического материализма. Сб. статей. М. 1927, с. 74.
40. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. О стратегических взглядах профессора Свечина. Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина. М. 1931, с. 4—7, 10; НИКИФОРОВ Н.И. Свечин и Тухачевский. К истории противостояния. — Новый часовой. 2000, № 10, с. 110—122.
41. ГАРЕЕВ М.А. М.В. Фрунзе — военный теоретик. М. 1985; ЖУКОВ Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1990, с. 323.
42. ВЛАСОВ Н.А. Ук. соч., с. 135.
43. СВЕЧИН А.А. Эволюция военного искусства, с. 664.
44. Цит. по: КРАУЗЕ М.Д. Мольтке-старший и истоки оперативного искусства военных действий. http://www.war-game.org/blog/istoki_sovetskogo_operativnogo_iskusstva_chast_1/2012-02-17-20.
45. МЮЛЛЕР-ГИЛЛЕБРАНД Б. Сухопутная армии Германии. 1939—1945. М. 2002, с. 277.
46. МАНШТЕЙН Э. Утерянные победы. М.-СПб. 1999.
47. Великая Отечественная (серия «Русский архив»). Т. 12 (1) М. 1993, с. 145.
48. Великая Отечественная война 1941—1945 гг., т. 2.
49. Там же; МЮЛЛЕР-ГИЛЛЕБРАНД Б. Ук. соч., с. 280.
50. Военная коллегия Верховного суда СССР на заседании 31 января 1957 г. установила, что уголовное дело об обвинении М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и др. было сфальсифицировано, и постановила отменить приговор. См.: Великая Отечественная, т. 13 (2—1), с. 310.
51. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. 1939, с. 274.
52. Великая Отечественная, т. 12 (1), с. 97.
53. Приказ о боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год. № 30. 21 января 1941 г. Великая Отечественная, т. 13 (2—1), с. 207.
54. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 4, оп. 15, д. 30, л. 739.
55. Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки, кн. 1, с. 48.
56. ГУДЕРИАН Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999, с. 54—55.
57. В записке ВРИД начальника Разведуправления РККА А.Х. Артузова о военных приготовлениях Германии от 15 марта 1935 г. говорилось, что к 1 апреля 1935 г. в вермахте должно быть закончено формирование 7—9 танковых батальонов, 1 моторокорпуса (состоящего из нескольких бригад и одной мотодивизии); о формировании трех танковых дивизий не упоминалось. См.: Записка ВРИД начальника Разведуправления РККА Наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову. 1941 год. Сб. документов. Кн. 2. М. 1998, с. 518.
58. Великая Отечественная война 1941—1945 гг., т. 2, с. 467.
59. ЯКУШИН В.З. Танковые войска. Советская военная энциклопедия. Т. 7. М. 1979, с. 669—670.
60. СОЛОНИН М.С. 22 июня. Анатомия катастрофы. М. 2008, с. 30.
61. В доступных на сегодняшний день материалах советской разведки, материалах по изучению иностранных армий нет данных о наличии в германских ВВС воздушных флотов в 1940 г. и об их роли в войне на Западе.
62. Великая Отечественная война 1941—1945 гг., т. 2, с. 466.
63. Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. М. 1998, кн. 1, с. 84.
64. Там же.
65. СВЕЧИН А.А. Стратегия. — Военный вестник. 1927, с. 184.

66. FRIESER K.-H., GREENWOOD J.T. *The Blitzkrieg Legend: the 1940 Campaign in the West*. Naval Institute Press. 2005, p. 18—19.
67. ЛИДДЕЛ ГАРТ Б.Г. *История Второй мировой войны*. М. 2011, с. 39.
68. БАСЮК И.А. Генерал армии Д.Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. — *Вопросы истории*. 2010, № 5, с. 47—48.
69. ТИППЕЛЬСКИПХ К. *История Второй мировой войны*. М. 1956, с. 27.
70. FRIESER K.-H., GREENWOOD J.T. *Op. cit.*, p. 21—22.
71. *Ibid.*, p. 19.
72. MAY E.R. *Strange Victory: Hitler's Conquest of France*. N.Y. 2000, p. 456.
73. DEIGHTON L. *Blitzkrieg, from the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk*. With foreword by Gen. W.K. Nehring. London. 1979, p. 192.
74. *Ibid.*, p. 192.
75. *Ibid.*, p. 193.
76. *Ibid.*, p. 189.
77. ЯКОВЛЕВ А.С. *Цель жизни*. М. 2000, с. 127, 188.
78. DEIGHTON L. *Op. cit.*, p. 189.
79. FRIESER K.-H., GREENWOOD J.T. *Op. cit.*, p. 47.
80. DEIGHTON L. *Op. cit.*, p. 198.
81. DOUGHERTY R.A. *The French Armed Forces, 1918—1940*. In: MILLETT A.R., MURREY W. (eds.), *Military Effectiveness, Vol. II. The Interwar Period*. Boston. 1988, p. 45.
82. DEIGHTON L. *Op. cit.*, p. 199.
83. *Ibidem*.
84. ДАЙНЕС В.О. Фельдмаршал Манштейн — лучший полководец Гитлера. М. 2013, с. 84—87.
85. МИХАЛЕВ С.Н. *Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени*. М. 2003, с. 135.
86. БАРЯТИНСКИЙ М.Б. *Танковый блицкриг*. М. 2009, с. 38—39.
87. ПРОЭКТОР Д.М. *Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939—1945*. М. 1972, с. 205.
88. HOBSON R. *Op. cit.*, p. 631.
89. Цит. по: MAY E.R. *Strange Victory*, p. 459.
90. ПРОЭКТОР Д.М. *Ук. соч.*, с. 127—128.
91. *Заключительная речь наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. 31 декабря 1940 г. Великая Отечественная*, т. 12 (1), с. 339—340.
92. См., например: БЕЛЯНОВСКИЙ Б.С. *Действия танковых и моторизованных войск в Польше, Бельгии и Франции*. — *Военная мысль*. 1940, № 8, с. 39—58; ИОНОВ П.П. *Использование ВВС в войне на Западе*. — Там же, 1940, № 10, с. 34—47; КИСЛЯКОВ П.Д., УСОВ В.И. *Управление и связь по опыту 2-й Империалистической войны*. — Там же, 1940, № 11—12, с. 77—97; КОНОНЕНКО А.А. *Краткий обзор военных действий на Западе*. — Там же, 1940, № 7, с. 3—12; КОРКОДИНОВ П.Д. *Характер современных боев*. — Там же, 1941, № 2, с. 72—86; НИКОЛЬСКИЙ М.Н. *ВВС в войне на Западе*. — Там же, 1940, № 11—12, с. 50—59; РАТНЕР М. *Прорыв на Маасе (На участке Динан-Седан, май 1940 г.)*. — *Военно-исторический журнал*. 1941, № 5, с. 3—21; ТОЛЧЕНОВ М.П. *Вторая Империалистическая война на Западе*. — *Военная мысль*. 1940, № 8, с. 16—38.
93. *Выступление Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА в Кремле. 5 мая 1941 г. 1941 год. Сб. документов. Кн. 2*. М. 1998, с. 161.
94. ПАВЛОВ В. *Трагедия советской разведки*. М. 2000, с. 91—135, 336—392; МИЛЬШТЕЙН М.А. *Сквозь годы войны и нищеты. Воспоминания военного разведчика*. М. 2000, с. 51—58; КОЛПАКИДИ А.И., ПРОХОРОВ Д.П. *Империя ГРУ. Очерк истории российской военной разведки*. М. Кн. 1, с. 228—252; ПАВЛОВ А. *Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны*. — *Новая и новейшая история*. 1995, № 1, с. 51—54; НИКОЛЬСКИЙ В.А. *Аквариум-2*. М. 1997, с. 28—32.
95. MAY E.R. *Op. cit.*, p. 457.
96. АРАЗИ Д. *Немецкая военная радиоразведка во Второй мировой войне. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. М. 1997, с. 397, 400.
97. PRAUN A. *German Radio Intelligence. All World Wars*. <http://allworldwars.com/German-Radio-Intelligence-by-Albert-Praun.html>; *German Traffic Analysis of Russian Communications*. Army Security Agency. 1 May, 1946. Top Secret. Vol. 9. *European Axis Signal Intelligence in World War II*. National Security Agency. Central Security Service. http://NSD.gov/public_info/declass/european_axis_signit.shtml; АРАЗИ Д. *Ук. соч.*, с. 400—401.
98. АНИН Б.Ю. *Радиоэлектронный шпионаж*. М. 2000, с. 59—60.
99. Там же.
100. БОРИСОВ Ю. *Самолет-разведчик Фоке-Вульф FW189 «Рама»*. М. 2007.

101. MESSERSHMIDT M. German Military Effectiveness between 1919 and 1939. Military Effectiveness. Boston. 1988, vol. II, p. 247—248.
102. МИДДЕЛЬДОРФ Э. Русская кампания. Тактика и вооружение. М.-СПб; 2001, с. 285.
103. ЖУКОВ Г.К. Ук. соч., с. 363.
104. ТИППЕЛЬСКИРХ К. Ук. соч., с. 172.
105. Известно, что захваченные в плен советские граждане использовались для рабского труда в германской промышленности, сельском хозяйстве, направлялись в концентрационные «лагеря смерти».
106. СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ А. Планета людей. Военный летчик. Письмо заложника. М. 1997, с. 223—224.
107. Уже имея тяжелые танки «Тигр» (Т-VI) и «Пантера» (Т-V), модернизированные Т-IV и мощные штурмовые орудия («Фердинанд»), вермахт действовал по-иному летом 1943 г. в ходе Курской битвы.
108. ИСАЕВ А.В. Дубно 1941: Величайшее танковое сражение Второй мировой. М. 2009, с. 175.
109. ЛОПУХОВСКИЙ Л.Н., КАВАЛЕРЧИК Б.К. Ук. соч., с. 43—44.
110. ИСАЕВ А.В. Ук. соч., с. 8.
111. STOLFI R.H.S. Hitler's Panzers Cast: World War II Reinterpreted. Norman-Oklahoma. 1992, p. 165.
112. ИВАНОВ С. Блицкриг как технология войны: эффективный военный менеджмент. <http://www.pormech.ru/article/214>.
113. ЖУКОВ Г.К. Ук. соч., с. 315.
114. Там же.
115. БУТЫРСКИЙ Л.С., ЛАРИН Д.А., ШАНКИН Г.П. Криптографический фронт Великой Отечественной войны. М. 2012, с. 294—296.
116. Великая Отечественная, т. 13 (2—1), с. 304.
117. ГУДЕРИАН Г. Танки — вперед! Нижний Новгород. 1996, с. 240.
118. Там же, с. 257.
119. Там же.
120. МИДДЕЛЬДОРФ Э. Ук. соч., с. 267—268.
121. КЕССЕЛЬРИНГ А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала третьего рейха. 1933—1947. М. 2004, с. 128—129.
122. СМИРНОВ А.А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М. 2006, с. 344.
123. CITINO R.M. The Path of Blitzkrieg: Doctrine and Training in the German Army. 1920—1939. Boulder, Co, Lynne Reiner Publisher. 1999. <https://www.questia.com>.
124. СМИРНОВ А.А. Ук. соч., с. 344.
125. МИДДЕЛЬДОРФ Э. Ук. соч., с. 43.
126. СВЕЧИН А. Итоги гражданской стратегии. — Военное дело. 1919, № 20. с. 658.

Алексей Ермолаевич Эверт

М.В. Оськин

Среди высших генералов русской армии периода первой мировой войны генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт не отличался выдающимися победами, но и не терпел крупных поражений. Он был упорен и гибок в обороне, но весьма нерешителен в наступлении. Тем не менее, главнокомандующий армиями Западного фронта с августа 1915 по март 1917 г. находился на вершине армейской иерархии русской военной машины эпохи последней войны Российской империи — первой мировой.

Алексей Ермолаевич Эверт родился в Московской губернии 20 февраля 1857 г. в семье офицера, и с самого начала ему была предписана военная служба. 1-й Московский кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище стали началом военной карьеры русского военачальника. В преддверии русско-турецкой войны 1877—1878 гг., 10 августа 1876 г. А.Е. Эверт стал подпрапорщиком, выпущенным в лейб-гвардии Волынский полк.

В составе Волынского полка он принимал участие в русско-турецкой войне, ставшей борьбой за освобождение славян Балканского полуострова от многовекового турецкого владычества. Первоначально русское военно-политическое руководство рассчитывало на относительно непродолжительность военных действий, а потому Гвардия временно оставалась в России. В августе 1877 г. Эверт был произведен в прапорщики Гвардии, а затем — в подпоручики. После ряда неудач, показавших упорство противника, гвардейские дивизии были отправлены на фронт. Первое боевое крещение молодой офицер получил 19 декабря 1877 г. в составе отряда генерала И.В. Гурко под Ташкисеном. Затем, после зимнего перехода через Балканы, Гвардия победоносно дошла почти до стен турецкой столицы — Стамбула. Наградami Эверту за русско-турецкую войну в 1878 г. стали чин поручика и орден Св. Анны 4-й степени. В 1879 г. поручик Эверт был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Дальнейшая служба протекала гладко и обыкновенно для невоенной эпохи императора Александра III Миротворца. В 1882 г. Эверт по 1-му разряду окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба (ГШ), после чего был

Оськин Максим Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института законовeдения и управления Всероссийской полицейской ассоциации.

произведен в штабс-капитаны. Он состоял при штабе Московского военного округа, а затем служил старшим адъютантом 3-й пехотной дивизии, получив на этом посту очередную награду — орден Св. Анны 3-й степени. Окончание Академии внушило Эверту благоговение перед аксельбантом генштабиста. Современники вспоминали, что в годы первой мировой войны Эверт при комплектовании своих штабов неизменно отдавал предпочтение офицерам ГШ в обход армейского офицерства.

В 1886 г. капитан Эверт состоял для поручений при штабе Варшавского военного округа, приобшившись тем самым к театру будущей войны против Германии. Затем, будучи произведен в подполковники, служил старшим адъютантом в штабе округа. Был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Необходимое для повышения по служебной лестнице цензовое командование батальоном подполковник Эверт проходил в 1889—1890 гг. в 40-м пехотном Кольванском полку.

В 1888—1893 гг. Эверт являлся штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа. Здесь в 1891 г. он был произведен в полковники и спустя 2 года занял должность начальника штаба 10-й пехотной дивизии. Был награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Немногим более года, в 1899—1900 гг., полковник Эверт командовал 130-м пехотным Херсонским полком. В 1900 г. был произведен в генерал-майоры, после чего получил должность начальника штаба 11-го армейского корпуса (АК). Как видим, большую часть своей военной карьеры, вплоть до производства в генералы, Эверт провел на разнообразных штабных должностях. Эта традиция продолжилась и в новом столетии. С апреля 1901 г. вплоть до русско-японской войны Эверт являлся начальником штаба 14-го, а затем, 5-го АК. В 1903 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

Русско-японская война 1904—1905 гг. стала новым этапом в военной карьере генерала, позволив ему набраться опыта вооруженного противоборства. Как и другие главкомы первой мировой — М.В. Алексеев и Н.В. Рузский — Эверт потребовался на Дальнем Востоке лишь со сменой главнокомандования — после отстранения Наместника адмирала Е.И. Алексеева. Развертывание трех Маньчжурских армий из одной потребовало присылки из России большого числа офицерских кадров высшего звена. Но, в отличие от Алексеева и Рузского, отправленных в штабы 2-й и 3-й армий, Эверта ждало более высокое назначение. В октябре 1904 г. генерал-майор Эверт был назначен на должность генерал-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. Новый главнокомандующий А.Н. Куропаткин уволил своего прежнего помощника В.И. Харкевича, взяв на его место Эверта: «Преемник Харкевича — Алексей Ермолаевич Эверт, будущий главнокомандующий Западным фронтом в мировую войну, был в ту пору еще совсем молодым генералом. Высокий стройный брюнет с тщательно подстриженной бородкой, в широких шароварах с красными лампасами, в мягких сапогах с большими шпорами, он в церкви истово крестился, перед обедом выпивал рюмку водки и ни на минуту не терял подобающего генералу величия»¹.

Работа генерал-квартирмейстера заключалась в оперативно-стратегической работе штаба армии. Генерал-майор Эверт столь «пришелся ко двору» Куропаткину, что после своего смещения с поста главнокомандующего в результате проигранного Мукденского сражения, Куропаткин взял к себе в начальники штаба 1-й Маньчжурской армии именно Эверта. Казалось бы, Эверт должен был приобрести громаднейший опыт руководства целой армией, а то и группой армий. Так оно и было. Но, помимо этого, генерал Эверт всецело поддался влиянию своего патрона — Куропаткина. В ходе первой мировой войны это

скажется самым негативным образом: вверенные Эверту войска (сначала армия, а потом фронт) умели прекрасно обороняться, но почти не умели наступать.

К.А. Залесский справедливо пишет, что Эверт «получил свое боевое воспитание в школе ген. Куропаткина и оставался его прилежным учеником до конца»². Эверту были присущи все недостатки куропаткинской школы. Это и тщательная подготовка сражения при нехватке волевого фактора для проведения составленных планов в жизнь, и мелочное вмешательство в действия подчиненных командиров, и «заваливание» низших штабов массами разнообразных инструкций, наставлений, записок и прочее. Вся эта документация, по идее, должна была служить укреплению боевой мощи войск. На деле же не хватало одного — методов и приемов проведения в жизнь тех постулатов, что провозглашались на бумаге. И главное — личного примера воли и силы духа.

Читая документы той эпохи, можно подумать, что генерал Эверт являлся одним из лучших полководцев русской армии в 1914—1917 гг., столь подробны и толковы были его боевые наставления. К сожалению, большая их часть была неисполнимой и потому ненужной, а то и вредной. Часто вместо того, чтобы руководить боем, штабы оказывались под прессом канцелярской работы, а страдало дело, за что солдаты и офицеры расплачивались своей кровью. Такая составляющая куропаткинской школы была замечена в Европе, готовившейся к первой мировой войне. Германский военный теоретик Ф. фон Фрейтаг-Лорингофен отмечал: «недостаток русского управления: в момент, когда надо делать дело, принимать решение и отдавать приказания — у русских возникают чисто принципиальные, академического порядка, пререкания об обстановке»³.

В то же время, крайности в командовании, которые были присущи Куропаткину, — мелочность, канцеляризм, высокая степень нерешительности — все это у Эверта проявилось куда слабее. Поэтому, вверенные генералу войска отлично оборонялись, неплохо контратаковали и, в целом, выглядели не хуже своих соседей. Но вот в наступлении они отставали от многих других. Принцип — «Лучше не допустить поражения, нежели рисковать победой», стал путеводной звездой Эверта. Он предпочитал синицу в руках журавлю в небе. На дерзость, которую А.В. Суворов называл «мужеством генерала», Эверта и не хватало.

Русско-японская война закончилась для Российской империи бесславным Портсмутским мирным договором. Да, к этому моменту Маньчжурские армии были сильны и готовы обрушиться на врага, как о том эмоционально писали современники, предсказывая несомненную русскую победу в случае перехода в наступление с Сынгайских позиций. Но воля полководцев, надломленная неудачами, не была готова к перелому в ходе войны. А потому Портсмутский мир, вырванный у японцев искусной дипломатией С.Ю. Витте, явился объективной неизбежностью. В 1905 г. Эверт был произведен в генерал-лейтенанты. Наградами за русско-японскую войну в 1906 г. стали Золотое оружие и орден Св. Станислава 1-й степени с мечами.

Окончание конфликта на Дальнем Востоке и последствия революции 1905—1907 гг. потребовали от российского политического руководства реорганизации Вооруженных Сил. В июне 1905 г. был создан Совет Государственной Обороны, образованный по инициативе великого князя Николая Николаевича, который и возглавил новый орган управления армией. В 1906 г. Эверт стал начальником Главного штаба, чьей основной работой являлись кадры армии. Назначенный по выбору военного министра А.Ф. Редигера и его помощника А.А. Поливанова (военный министр в 1915—1916 гг.), генерал Эверт на новом посту должен был выполнить «трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленившихся работников, и упорядочивания его работы». Редигер сообщал: до нового назначения «я его видел всего раз, но он произвел на меня самое

лучшее впечатление... всеобщий отзыв о нем из армии был отличный». На посту начальника Главного штаба «он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком с большим здравым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я его за это очень уважал и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно по организационным) я совершенно расхо-дился»⁴.

В 1907 г. Эверт был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. В связи с неоднократными просьбами о переводе в строй, пусть даже на должность командира дивизии, что для бывшего начальника Главного штаба было бы понижением, а также, вследствие разногласий с военным министром по проблемам реформирования армии, в мае 1908 г. генерал-лейтенант Эверт был назначен на должность командира 13-го АК, а в 1911 г. произведен в полные генералы — от инфантерии. В июне 1912 г. Эверт занял пост командующего войсками Иркутского военного округа и войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Здесь он получил последнюю предвоенную награду — орден Св. Владимира 2-й степени.

Начало первой мировой войны и объявление всеобщей мобилизации застало генерала Эверта в Иркутске. Согласно расписанию высшего командования, он должен был командовать одним из Сибирских корпусов, так как должности командующих армиями уже были заняты представителями пограничных и центральных военных округов. В связи с тем, что Сибирские корпуса по мобилизации собирались достаточно длительное время и не сразу перебрасывались в европейскую часть страны, они должны были составить второй эшелон вторжения в Германию и Австро-Венгрию. Таким образом, в самом начале войны Эверт оказался не у дел, ибо существовавшие Сибирские корпуса уже имели своих командиров, смещать которых было бы неправильно. Единственной вероятной вакансией мог стать 6-й Сибирский корпус, образуемый при мобилизации, так что, вероятнее всего, первоначально генерал Эверт предназначался именно на эту должность.

Тем не менее, не успели еще фактически начаться военные действия, как в действующей армии, которая, по мобилизации, должна была состоять из 6 армий на фронте и 2 в тылу, открылись еще 2 армейские вакансии. Это было связано с просьбой французских союзников о помощи, вследствие стремительного броска германских армии к Парижу в начале войны. Выполняя союзнический долг, 1-я и 2-я русские армии Северо-Западного фронта (СЗФ) уже 4 августа 1914 г. (1-я армия) перешли государственную границу против немецкой Восточной Пруссии. В то время во Франции начиналось Пограничное сражение, в котором французы рассчитывали перемолоть германскую военную машину. Расчеты союзников были опрокинуты: смяв французов гигантским маневром через Бельгию и отбросив их в центре в Арденны, немцы неудержимо катились к Парижу, откуда уже эвакуировалось правительство.

Французский посол М. Палеолог лично умолял императора Николая II «спасти прекрасную Францию». В связи с тем, что Северо-Западный фронт Я.Г. Жилинского увяз в укрепленной Восточной Пруссии, обороняемой инициативным и решительным противником, а помощь требовалась немедленно, Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич повелел образовать в районе Варшавы две новых армии. Эти армии — 9-я и 10-я — должны были отправиться по кратчайшему операционному направлению сразу на Берлин. Уже 26 июля был отдан приказ об образовании 9-й армии, включавшей Гвардейский и 1-ый армейский корпуса. Через 4 дня, 30 июля, была

создана 10-я армия в составе 18-го и 22-го АК. В 20-х числах августа эти армии должны были быть пополнены до 4—5 корпусов прибывающими на театр военных действий Сибирскими корпусами. Командующим 9-й армией был назначен командующий войсками Приамурского военного округа, войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск П.А. Лечицкий. Командующим 10-й армией — командующий войсками Иркутского военного округа, войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска Эверт.

Карьера генерала Эверта сразу же выросла на целую ступень. Пока войска стягивались к Варшаве (22-й АК, например, перебрасывался из Финляндии), Эверт должен был сформировать армейский штаб. Выполняя распоряжение начальства, он выехал на фронт, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей, когда судьба совершила еще один кульбит, переименовав 10-ю армию на 4-ю.

Юго-Западный фронт (ЮЗФ) Н.И. Иванова должен был провести охват сосредоточенной в Галиции главной австро-венгерской группировки и образовать двойное кольцо окружения противника. Но накануне войны австрийцы изменили свое оперативное планирование, и главный удар наносили по северному крылу русского ЮЗФ (4-я и 5-я армии), одновременно ведя оборону против восточного русского крыла (3-я и 8-я армии). Австрийский главком Ф. Конрад фон Гётцендорф рассчитывал разгромить 4-ю и 5-ю русские армии прежде, чем будет разгромлена 3-я австрийская, закрывавшая Львов от 3-й и 8-й русских армий Н.В. Рузского и А.А. Брусилова.

10 августа 1914 г. русское северное крыло перешло в наступление, и одновременно по нему ударили австрийцы, которые рассчитывали сначала уничтожить 4-ю и 5-ю русские армии, а потом, отбросив 3-ю и 8-ю, двинуться на Варшаву. В результате, австро-венгерская группировка на северном фланге гигантской операции (1-я и 4-я армии и группа Куммера) насчитывала в своих рядах до 530 тыс. штыков и сабель при 1036 орудиях. В свою очередь, русские 4-я (А.Е. Зальца) и 5-я (П.А. Плеве) армии имели 260 тыс. чел. при 882 орудиях. Двукратное превосходство в живой силе, наряду с 15%-м преимуществом в артиллерии, должно было принести австрийцам победу.

В этот момент в состав 4-й русской армии входили Гренадерский, 14-й и 16-й АК, 13-я кавалерийская дивизия и Отдельная гвардейская кавалерийская бригада, а также входившие в состав 4-й армии и выдвинутые на левый берег Вислы 14-я кавалерийская дивизия, Уральская казачья дивизия и 3-я Донская казачья дивизия, при поддержке 72-го пехотного Тульского полка имели перед собой германский ландверный корпус Р. фон Войрша в 50 тыс. штыков при 36 орудиях. Общая численность закрывавшей люблинское направление 4-й армии — 109 тыс. штыков и сабель при 426 орудиях, а численность надвигавшихся на Люблин 1-й австрийской армии В. фон Данкля и группы Г.-Р. Куммера фон Фалькенфельда — 278 тыс. штыков и сабель при 574 орудиях. Таким образом, на люблинском направлении противник имел тройное превосходство в количестве войск. Положение русских облегчало то, что группа Куммера (50 тыс. при 106 орудиях) не успевала к началу сражения. За это время в 4-ю армию были влиты 3 второочередные дивизии — 80-я, 82-я и 83-я.

В ходе встречного сражения под Красником 10 августа был разбит 14-й АК. На следующий день — Гренадерский и 16-й АК. Таким образом, русские потеряли около 20 тыс. чел. (пятую часть армии) и 30 орудий. 4-я армия стала отступать на север, к Люблину. В Ставке решили, что главная вина за поражение лежит на командарме, поэтому 12 августа генерал Зальца был смещен с занимаемого поста. Пост командующего 4-й армией занял не успевший возглавить 10-ю армию и, тем более, создать ее штаб, генерал Эверт. Ему досталось тяжелейшее наследство — разгромленная и обескровленная армия. Тем не ме-

нее, возложенную на него Ставкой задачу он выполнил превосходно: ударная австро-венгерская группировка была обескровлена и потеряла все выигранные при сосредоточении темпы ведения операции. Искусно маневрируя немногочисленными резервами и артиллерией, командарм сдержал атаки вдвое превосходящего противника, удержав Люблин.

В этот момент, когда отчетливо проявилось распределение сил противника, начальник штаба ЮЗФ М.В. Алексеев, который фактически и руководил фронтом, составил новый план операции. Вместо окружения, предполагаемого перед войной, которое было уже невозможно, Алексеев намеревался совместным наступлением 5-й и 3-й армий выйти в тылы главной австрийской группировки, наступавшей на 4-ю армию. Для исполнения этого плана 4-я русская армия должна была удержаться на своих позициях и не допустить сдачи Люблина. Эта задача, с подходом подкреплений, была блестяще выполнена генералом Эвертом. В свою очередь, отказавшись от охвата русского правого фланга, соединенного с линией Вислы, Данкль потерял первоначальное превосходство и теперь мог только шаг за шагом теснить русских к Люблину большой кровью и с потерей драгоценного времени, так как к русским спешили подкрепления. Влив три второочередные дивизии в оборону Эверт смог насытить ее и людьми. Главная задача — выигрыш времени впредь до подхода резервов — была успешно выполнена.

Штабы армий ЮЗФ уже получили от Алексеева примерный план последующих действий — командарм знал, что вскоре его армии предстоит перейти в контрнаступление, поэтому Эверт сумел устоять от соблазна бросать в бой по частям подходившие на помощь полки дивизий 18-го АК, собрал весь корпус целиком, уступом за правым флангом своей армии, чтобы иметь возможность контрудара. Бросать войска в бой «пакетами», в отличие от нерешительного противника, командарм не стал, ибо при неравенстве сил это грозило растрепыванием резервов. Сравнивая сошедшихся в поединке командармов, Н.Н. Головин считает: «Распоряжения генерала Эверта делали 4-ю армию готовой в ближайшие дни к переходу к активным действиям и, таким образом, сохраняли в его руках свободу действий для последующих дней. Командование армией ген. Эвертом в эти дни стоит много выше командования ген. Данкля»⁵. В те дни часть своего времени генерал Эверт проводил в войсках, лично инструктируя подчиненных командиров, чтобы своевременно получать сведения о маневрировании австрийцев, он полагался на разведку, в том числе и авиационную. Летчик В.М. Ткачёв вспоминал о встрече с командармом: «массивный, внушительного вида мужчина с рыжеватой окладистой бородой»⁶.

Тем временем, получая успокоительные заверения из 4-й армии М. фон Ауффенберга о якобы свершившемся «разгроме» 5-й русской армии, австрийское командование приступило к перегруппировке. Ф. Конрад фон Гётцендорф приказал ослабить накал боев под Люблином впредь до подхода группы Куммера и германского ландверного корпуса Войрша. Эти три дня, потерянные австрийцами, были использованы русской Ставкой для переброски в район Люблина резервов из-под Варшавы, которые должны были составить 9-ю и 10-ю армии для наступления на Берлин.

Лишь 17 августа группа Куммера перешла на правый берег Вислы и стала подтягиваться к месту сражения. Вслед за ней двигались немцы. В замыслах фон Данкля стоял двойной охват 4-й русской армии: группой Куммера при поддержке немцев с правого фланга и частями 5-го АК — с левого. Для этого австрийское наступление на Люблин было приостановлено, чтобы не терять людей в напрасных атаках на укрепленные позиции. Однако русские не позволили австрийцам прорвать свой фронт и активной обороной так сковали 1-ю австрийскую армию, что фон Данкль отказал в поддержке 4-й австрийской

армии, требовавшей резервов для развития успеха на Холмском направлении. Эверт наносил постоянные контрудары, чтобы не дать неприятелю возможности разъединить единство обороны 4-й и 5-й армий.

К 19 августа под Люблин прибыл Гвардейский корпус, и теперь Эверт мог уверенно смотреть в будущее. В тот же день противник прорвал русскую оборону у станции Травники, на короткое время перерезав железнодорожную линию Люблин — Холм. Но 20 августа 1-я Гвардейская пехотная дивизия и Петровская бригада (Преображенский и Семеновский гвардейские полки) ударом на Владислав во встречном бою разорвали стыки 10-го и 5-го корпусов неприятеля, вынудив его к отходу.

В результате предпринятой Конрадом перегруппировки 4-й армии подо Львовом и переброски русской Ставкой под Люблин 9-й армии, на северном участке ЮЗФ русские получили превосходство. Теперь здесь австрийцы имели 19 пехотных и 4 кавалерийские дивизии против 28 пехотных и 10,5 кавалерийских дивизий у русских. Это означало, что Алексеев решил наносить главный удар на северном фланге силами 4-й, 9-й и 5-й армий. Русское командование должно было торопиться, так как 17—18 августа в Восточной Пруссии была уничтожена 2-я русская армия А.В. Самсонова, и в Ставке опасались, что немцы бросятся в Польшу на помощь австро-венграм. Ключом к наступлению должно было стать Люблинское сражение (21 августа в Люблине Иванов и Алексеев провели совещание с командармами), и разыграть его должен был командарм 4-ой армии.

22 августа фронт противника был прорван, и 1-я австрийская армия попятилась на юг. 25—26 августа русские перешли в общее наступление. В этот день командарм отдал приказ за № 49: «Обращение через меня за помощью не всегда может быть своевременным, а потому вновь напоминаю командирам корпусов оказывать друг другу взаимную поддержку, стремясь к достижению общей цели, поставленной армии. Для того, чтобы командирам корпусов приобрести свободу маневрирования, необходимо... иметь сильные резервы, а между тем наблюдается равномерное растягивание войск по всему фронту, вследствие чего, естественно, управление боем быстро выходит из рук высших начальников». 27-го числа в плен было взято более 15 тыс. австрийцев. В сражении 28—30 августа под Рава-Русской и на Городокских позициях 3-я и 8-я русские армии сдержали натиск противника, пытавшегося переломить ход операции, после чего Конраду не оставалось ничего иного, как отдать приказ об общем отступлении к Карпатам. Русское преследование 8 сентября застопорилось, упершись в австрийскую крепость Перемышль, для штурма которой сосредоточивались русские армии.

Галицийская Битва стала первым реальным испытанием для Эверта как самостоятельного военачальника уровня командующего армией. Здесь отчетливо проявились те полководческие качества, которые были присущи ему во время первой мировой войны: великопение в обороне и проведении контратак, наряду с недостатком волевых качеств в наступлении. Комендант крепости Ивангород А.В. фон Шварц, который в августе 1914 г. подчинился Эверту, так характеризует полководца: «Он имел вид очень энергичного человека, но на самом деле таковым не был. Я не могу сказать, чтобы он был нерешительным, но в продолжение всего его командования 4-й армией он обнаружил большую растерянность и ни разу не принял такого решения, которое при умелом проведении дало бы громкий успех или нанесло бы удар при обратных обстоятельствах. Однажды он мне сказал: “Моя армия никогда не имела большого успеха, но никогда и не несла больших потерь”. Лично я считаю такую излишнюю осторожность недостатком для военного начальника, так как во многих случаях, решительным ударом можно было нанести неприятелю неисчерпаемый вред.

Но он не предпринимал ничего, принимая все меры для отражения наступления противника, теряя время, уступая неприятелю инициативу действий и окончательно упуская подходящий случай. Другим недостатком его характера было пристрастие к офицерам Генерального штаба. Принадлежа к этой корпорации, он отдавал офицерам Генерального штаба явное предпочтение и часто совершенно несправедливо. Однако, за всеми этими свойствами, скрывалось доброе сердце»⁷. Как бы то ни было, но отрицать заслуги генерала Эверта в обороне Люблина невозможно. Особенно, если учитывать тяжесть обстановки, неожиданность назначения на пост командарма, ведение борьбы с превосходящим противником. За доблесть и полководческое умение, проявленные в период Галицийской битвы, 18 сентября Эверт был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Получив сообщение о поражении австрийцев в Галиции и одновременно вытеснив 1-ю русскую армию из Восточной Пруссии германское командование на Востоке, по приказу кайзера Вильгельма II решило оказать помощь своему австрийскому союзнику, которому угрожал разгром. Образование 9-й германской армии А. фон Макензена позволило немцам перенести боевые действия на линию Средней Вислы.

В ходе Варшавско-Ивангородской наступательной (15 сентября — 26 октября) и Лодзинской оборонительной (29 октября — 6 декабря) операций 4-я армия генерала Эверта действовала на стыке Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, входя во второй. В середине сентября 4-я армия оборонялась против 9-й германской армии, стремившейся овладеть переправами через Вислу (Ивангород и Варшава) и тем самым запереть русских в Польше. К 22-му числу соединения 4-й армии были прижаты наступающим противником к Висле, в районе крепости Ивангород, которая в оперативном отношении подчинялась командарму. Русские были вынуждены отойти на правый берег Вислы, а попытки создания плацдармов на левом берегу были отбиты немцами. Однако 3-й Кавказский корпус В.А. Ирманова сумел зацепиться за небольшой плацдарм под Козеницами, куда затем был переправлен и 17-й АК. Тем самым была создана база для последующего контрнаступления. Как и ранее, генерал Эверт показал себя выдающимся знатоком оборонительного боя, сумев удержать позиции.

В преддверии контрнаступления пополненная 4-я армия насчитывала почти 2 тыс. офицеров, 155 тыс. солдат при 643 орудиях и 317 пулеметах. В этот день русские приступили к расширению Козеницкого плацдарма. Бои под Козенице принесли с собой массу жертв с обеих сторон, сходящихся во встречных атаках, и характеризовались обескровливанием противоборствующих армий. В ходе контрнаступления австро-германцы были отброшены от Вислы и, пользуясь железнодорожным транспортом, быстро отступили, уничтожая за со-

бой всю инфраструктуру. Ставка предполагала удар на Берлин, где понесшая большие потери 4-я армия вновь должна была играть роль связующего звена между СЗФ, образующим ударную группировку в районе Варшавы, и ЮЗФ, готовившимся штурмовать Краков.

Проведя молниеносную перегруппировку, 9-я германская армия 29 октября бросилась вперед, стремясь окружить и уничтожить выдвинутую вперед 2-ю русскую армию С.М. Шейдемана в Лодзи. В то время как немцы совершали обходной маневр, разделив 1-ю и 2-ю русские армии, австрийцы, оборонявшиеся под Краковом и в Карпатах, должны были сковать и русский центр, который состоял из 4-й и 5-й армий.

2-я австро-венгерская армия Э. фон Бём-Эрмолли своими атаками сумела остановить 4-ю русскую армию, вынужденную в очередной раз обороняться против превосходивших сил противника, так как 5-я русская армия должна была идти на помощь войскам Шейдемана. В свою очередь, Эверт не позволил австрийцам сдерживать движение 5-й армии, маршировавшей к Лодзи, и та сумела разомкнуть «клещи», образованные немцами вокруг 2-й русской армии. Одна из причин этого успеха — самоотверженные оборонительные действия 4-й русской армии, остановившей австрийцев. В декабре 4-я армия была отведена за Вислу, имея на противоположном берегу ряд плацдармов, в расчете на переход в наступление в кампании 1915 года.

Упорство и воинское искусство противника показали, что предвоенные расчеты на скоротечный характер войны не оправдались. Спустя полгода с начала военных действий, высшие военачальники это прекрасно понимали. Письма с фронта отражают осознание русскими полководцами неоспоримого факта затягивания войны. Так, 5 декабря 1914 г. Эверт писал своей супруге Надежде Игнатьевне (урожденной Познанской), от брака с которой у него было семеро детей: «...дела не так хороши как бы хотелось, и война, хотя и победоносная, но затянется наверно надолго...»⁸.

Начало 1915 г. прошло для 4-й армии в позиционных стычках локального характера. В то время, как части 8-й, 9-й и 11-й армий участвовали в Карпатской наступательной операции, 3-я и 4-я армии ЮЗФ бездействовали. 4-я армия, отделенная от 3-й армии Вислой, должна была удерживать занимаемые позиции, взаимодействуя с армиями СЗФ, закрепившимися на левобережных плацдармах. Натиск русских в Карпатах поставил Двуетидную монархию на грань военного крушения, и лишь своевременная поддержка немцев, образовавших ударные группировки на наиболее важных направлениях, позволила австро-венграм удержать свои позиции.

К декабрю 1914 г. в Российской империи оказались исчерпанными мобилизационные запасы боеприпасов. Сознывая необходимость помощи Австро-Венгрии, зная о кризисе вооружения в России и, наконец, не добившись решительной победы во Франции, германское военно-политическое руководство приняло решение в кампании 1915 г. перенести главные усилия на Восток с целью вывода России из войны. Для этого севернее Карпат сосредоточивалась германская ударная 11-я армия фельдмаршала Макензена, которая была составлена из соединений, выведенных с Французского фронта.

19 апреля 1915 г. превосходящие силы австро-германцев начали Горлицкий прорыв. Главный удар неприятеля был нанесен по 3-й русской армии Р.Д. Радко-Дмитриева, которая через две недели перестала существовать. К сожалению, соседи не смогли оказать ей своевременной помощи. Части 8-й армии А.А. Брусилова, находившиеся южнее, также были атакованы, и должны были отступать под натиском неприятеля, чтобы не оказаться запертыми и затем неминуемо уничтоженными в Карпатах. Части 4-й армии Эверта были заблокированы противником между реками Дунаец и Висла. К концу мая русские были практи-

чески вытеснены из Галиции. 4-я армия, оборонявшаяся на Висле, еще в середине мая была передана в состав СЗФ. В первой декаде июня она удерживала фронт от Лодзи до Вислы, противостоя при этом германской 9-й армии фельдмаршала принца Леопольда Баварского и австрийской 4-й армии эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Таким образом, летом 1915 г. генерал Эверт сошелся в поединке с весьма высокопоставленными особами Центральноевропейских держав.

В ходе Вилколазской армейской операции в конце июня, предпринятой войсками 3-й и 4-й армий, австрийцы потерпели тяжелое поражение на правом берегу Вислы. Наступление четырех русских корпусов опрокинуло врага на участке между районом Красника и Вислой. Тем самым был предотвращен прорыв неприятеля в тыл русскому СЗФ с юга. Неприятель потерял более 50 тыс. чел., в том числе пленными — 297 офицеров и 22 464 солдата. Ошеломленный неожиданным русским контрнаступлением противник смог возобновить наступление на люблинском направлении только через неделю⁹. В оборонительных сражениях кампании 1915 г., которые велись и против немцев, и против австрийцев, Эверт проявил себя с лучшей стороны.

Авторитет командарма Эверта в русской армии находился на очень высокой ступени. Так, его кандидатура рассматривалась при назначении на пост Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего в августе 1915 года. При смене состава Ставки император Николай II 23 августа сам занял пост Верховного Главнокомандующего. Так как все понимали, что роль царя в управлении армией будет номинальной, встал вопрос о выборе его ближайшего помощника. Одним из кандидатов и был выдвинут Эверт, которого, в пику Алексееву, поддерживал Н.В. Рузский. По некоторым данным, кандидатура Эверта была отклонена из-за его немецкой фамилии, что в условиях развязанной Ставкой кампании шпиономании могло иметь самые негативные последствия во внутриполитическом отношении. Сам император Николай II решительно высказался в пользу Алексеева.

Интересно, что во Франции почему-то придавали преувеличенное значение Эверту в период перестановок в иерархии высшего генералитета. Говоря о телеграмме из Петрограда, посвященной смене русского Верховного Главнокомандования, французский президент Р. Пуанкаре писал: «Николай II встанет лично во главе армии, ему будут помогать при ведении военных операций генералы Эверт и Алексеев»¹⁰. Таким образом, в то время военный талант Эверта расценивался не ниже таланта Алексеева. В свое время Алексеев, занимая пост генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, находился в подчинении Эверта — генерал-квартирмейстера главнокомандующего на Дальнем Востоке. С тех пор Алексеев, питавший определенный пиетет в отношении чиновничества, уважительно относился к Эверту. Однако, в августе 1915 г. предпочтение было отдано Алексееву, что, несомненно, являлось верным решением царя.

В то же время, Эверта также ожидало повышение в должности. Еще осенью 1914 г. Ставка намеревалась образовать третий фронт, который должен был наступать в Германию — на Берлин. Однако владение оперативной инициативой позволило немцам сдержать русских в Польше, и тем самым образование третьего фронтового управления было отложено на будущее. Перемена Ставки требовала одновременно провести и разукрупнение разросшегося СЗФ. В состав Северного фронта (СФ), который возглавил Рузский, вошли 5-я, 12-я, а затем и 10-я армии. В состав Западного фронта (ЗФ) — 1-я, 2-я, 3-я, 4-я армии, которые и возглавил Эверт. Это назначение, вне всякого сомнения, явилось следствием достойной оценки оборонительных действий, предпринятых Эвертом в кампании 1915 года.

Не успев еще принять новое назначение Эверт был вынужден противостоять новому наступлению противника: 10-я германская армия 26 августа броси-

лась на Вильно, имея целью окружить и уничтожить 10-ю русскую армию. 29 августа немцы ворвались в Свенцяны, 1 сентября подошли к Молодечно, до Минска оставалось 25 верст. Железнодорожные линии Полоцк — Молодечно и Молодечно — Вильно оказались перерезанными. Но импровизированный штаб ЗФ не растерялся и, наряду с ведением оборонительных действий, стал готовить базу для нанесения контрудара. Удержав Минск, 9 сентября 2-я армия В.В. Смирнова при поддержке сводных кавалерийских корпусов перешла в общее контрнаступление. Под командованием В.А. Орановского была образована конная армия из 6 кавдивизий численностью в 18 тыс. сабель. В ходе Свенцянского прорыва 4—16 сентября русские успешно отошли восточнее линии Вильно — Огинский канал, спрямив фронт и не допустив окружения ни одной русской части. К этому времени пять армий ЗФ насчитывали в строю всего 369 722 человека. Советский исследователь, сравнивая управление со стороны Эверта с деятельностью Рузского и Алексеева, писал: «Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов... прямую противоположность выказал командующий Западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов... Упустив в свое время перегруппировку к стыку фронтов, русские, благодаря весьма компетентному оперативному руководству командующего Западным фронтом Эверта, исправили свое положение предпринятой перегруппировкой сперва 4, затем 6 корпусов, а всего 9 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий, снятых из линии фронта, выведенных в резерв и брошенных преимущественно походом на сотни километров вдоль фронта в сторону образовавшегося прорыва. Вывод корпусов в резерв из армий фронта в процессе их отхода или обороны, хотя бы против слабого противника был, до известной степени, сложным, а также и рискованным: фронт мог быть прорван противником на другом участке. Однако командующий фронтом не опасался этого, смело выводил свои корпуса в резерв, в противоположность начальнику штаба главкома, который продолжал в течение всей операции колебаться, опасаясь за весь фронт и его отдельные участки. При этом все выводимые в резерв корпуса были своевременно направлены в наиболее важный район действий на стык фронтов»¹¹.

Проведенный маневр предотвратил прорыв австро-германцев между Двинском и Сморгонью. Правда, русским пришлось сдать противнику Вильно, Молодечно и Барановичи, но был прочно обеспечен Минск. Русские отступили, но на втором этапе операции сами перешли в контрнаступление. В сентябре 1915 г. генерал Эверт сумел остановить наступление противника. Но вот в кампании 1916 г., когда потребуется наступать, он, к сожалению, не сумеет проявить «страсть» к победе.

В новой должности Эверта ожидала очередная награда, ставшая для него наиболее высокой. За бои 4-й армии в мае под Опатовом и в июне под Люблином, а также за проведение Виленско-Свенцянской операции 8 октября 1915 г. он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, а в декабре произведен в генерал-адъютанты.

Первой наступательной операцией Эверта в новом качестве стало наступление на озере Нарочь весной 1916 года. Германское командование приняло решение обескровить французскую армию и тем самым склонить ее к сепаратному миру. Ближе к концу зимы немцы ударили по крепостному району Вердена. Уже 7 февраля 1916 г. французы обратились с просьбой к Николаю II об оказании немедленной помощи. Таким образом, повторялась ситуация августа 1914 г., когда не успевшие сосредоточиться русские армии бросились в Восточ-

ную Пруссию, чтобы ударом в затылок не позволить немцам овладеть Парижем. Гибель армий СЗФ в Восточной Пруссии остановила русский натиск, но побудила немцев ошибиться в стратегии и перебросить на Восток 2 корпуса из ударной группировки, уже заходившей на Париж. Итогом стала Битва на Марне и переход войны в позиционную фазу.

Характерно, что русские командиры предвидели такой расклад событий. Эверт в начале 1916 г. писал Алексееву: «Мы обязаны начать наступление тотчас, как только определится германское наступление на французов, не теряя времени, со всей энергией и стремительностью». И далее он сообщал свое видение проблемы: «Агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-Западном, несмотря на предпринятое нами там недавно наступление, — все это, в связи с выводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на их Западном фронте... Если это случится, то мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни в коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям»¹².

Таким образом, предвидение генералом Эвертом грядущих событий, вне сомнения, говорит о его уме и дальновидности. Он, во-первых, верно понял, что немцы будут наступать во Франции, во-вторых, говорил о необходимости оказания помощи союзникам. Наконец, Эверт настаивал на производстве ударов на Востоке именно зимой, пока весенняя распутица не привела к невозможности наступать, после чего ждать пришлось бы до лета, а за это время германцы имели бы шансы на вывод Франции из войны. При этом русское наступление должно было быть превентивным, дабы не позволить немцам воспользоваться климатическими условиями весны.

Все это свидетельствует о том, что Эверт был полностью уверен в необходимости проведения наступления еще за три месяца до Совещания 1 апреля, на котором было принято решение о продвижении вперед летом 1916 г., чего добивался Брусилов. К сожалению, провал Нарочской наступательной операции привел Эверта к выводу о невозможности прорыва германской обороны без надлежащей поддержки тяжелой артиллерии, каковой в 1916 г. у русских не было.

Прорыв эшелонированной обороны противника, укреплявшейся несколько месяцев кряду, требовал как героизма войск, так и надлежащего технического обеспечения для поддержки этого героизма. К 15 ноября 1915 г. в русских армиях находилось 3177 пулеметов при минимальной потребности в 4426. За 4 месяца зимы 1915—1916 гг. единственный в России завод, производивший пулеметы, — Тульский оружейный — дал еще 2 176 пулеметов¹³.

В качестве ударной группы на ЗФ, который должен был играть главную роль в предстоящей операции, должна была выступить 2-я армия В.В. Смирнова, наступавшая на Свенцяны — Вилькомир. Также предполагалось сковать противника по всему фронту, для чего 10-я армия Е.А. Радкевича наступала на Вильно. Взаимодействие с армиями СФ, где Рузского сменил А.Н. Куропаткин, должно было упрочить шансы на успех. Основные военные действия, по выбору Ставки, должны были развернуться в районе озера Нарочь¹⁴. Климатические условия затрудняли проведение широкомасштабного наступления, однако в Ставке надеялись достичь положительных для себя итогов операции еще до весенней распутицы. Наступление по льду Нарочского озера позволяло задействовать в ходе операции сразу крупные силы и действовать на широком фронте, отвлекая усилия противника от направлений главных ударов. К сожалению, подготовка операции заняла те три недели, что потребовались погоде,

чтобы превратиться в весеннюю распутицу. Это обстоятельство свело на нет возможность наступления.

27 февраля командарм 2-ой армии заболел, и его временно заменил командарм 4-ой армии А.Ф. Рагоза. Сложилась парадоксальная ситуация: за неделю до решительного наступления ударную армию возглавлял человек, не знавший ни войск, ни штаба армии, ни их возможностей, ни местной обстановки. При этом он параллельно командовал и соседней армией. Ответственность за создание столь ненормальной обстановки целиком лежала на Эверте, который не догадался передать командование ударной армией на время проведения операции (или хотя бы самого тактического прорыва) начальнику штаба 2-й армии М.А. Соковнину.

К моменту наступления 2-я армия, по существу, имела двойную по сравнению с обычной, численность, что неизбежно должно было затруднить управление войсками как при подготовке удара, так и непосредственно в бою. И плюс еще 4-я армия. Под Нарочью по сути, армейский штаб руководил тремя армиями нормального состава. Ввиду этого, Эверт старался лично контролировать обстановку, что приводило к неизбежным трениям между его штабом и штабом Рагозы. Участники войны сообщали, что «ни на одном из фронтов телеграф не работал так много, как у Эверта. Он самым старательным образом подготовлял все операции, вмешивался во все детали работы командующих армиями и корпусных командиров, но не решался атаковать. Очевидно, наполеоновская равнодействующая у этого военачальника сильно уклонилась в сторону ума и в ущерб характера»¹⁵.

Общее превосходство русской стороны в численности над 10-й германской армией Г. фон Эйхгорна составляло 4,6 раза. Такой перевес побуждал высшее командование надеяться на успех даже при техническом отставании и силе немецкой обороны. Эверт делал все, чтобы исключить даже намек на элемент риска и действовать наверняка: «Никогда ни один военачальник не работал столько, сколько работал генерал Эверт. Заваленный отчетами, таблицами, ведомостями, он в свою очередь засыпал войска бесчисленным количеством приказов, указаний, наставлений, стремясь обязательно все предусмотреть до последней мелочи. Генерал Эверт и начальник его штаба генерал Квещинский не умели мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, стремясь с совершенно негодными средствами воспроизвести и так невысокие образцы Шампанской битвы сентября 1915 года... Создать же свое, новое, найти выход из стратегического тупика, куда завела русские войска чужая мысль, они были не в состоянии. За суетливой работой штаба Западного фронта чувствовалась большая нервность, неуверенность в себе и в войсках»¹⁶. Следовательно, атака была подготовлена очень хорошо — перевес в силах и средствах, несомненно, давал массу шансов на победу.

И вот здесь-то и сказалась отвратительная организация управления. Перенасыщенность 2-й армии людским контингентом и личное незнание войск и их командиров вынудили Рагозу разделить армию на три группы и резерв: получалось раздробление сил и средств на отряды с импровизированными и потому неизбежно слабыми штабами, что не позволило создать сильной ударной группы на направлении главного удара.

Нарочская операция началась 5 (18) марта. После непродолжительной артиллерийской подготовки (снаряды следовало экономить) русские войска бросились в прорыв. Атаки продолжались 10 дней, с каждым новым шагом увеличивая число жертв. Расследование действий артиллерии, проведенное генералом-инспектором, великим князем Сергеем Михайловичем, показало, что высший командный состав не умел правильно использовать артиллерию: «многие старшие общевойсковые и пехотные начальники, и даже некоторые

старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии при наименьшей затрате снарядов»¹⁷. Возможность маневрирования резервами позволила германскому командованию успешно отразить русские атаки на всех участках фронта. Чем дольше продолжалась операция, тем больше русское численное превосходство над противником теряло свое значение, столь могущественное на бумаге перед началом наступления.

Отмечая недостатки в тактической подготовке пехоты и ее качество к весне 1916 г., Рагоза заметил, что перед атакой не всегда даже высылались разведчики для определения сделанных проходов в проволочных заграждениях, что при атаке не только передние, но и последующие цепи залегали. Причем солдаты, начиная бежать во весь рост со слишком далекого расстояния, останавливались для стрельбы, «так как не хватает духа сойтись на штык...»¹⁸. Даже признавая справедливость мнения командарма, нельзя не спросить, почему сам Рагоза не сумел должным образом подготовить прорыв неприятельских оборонительных линий артиллерийскими ударами?

Германцы сумели отразить наступление, нанеся русским громадные потери — до 90 тыс. человек. Тем не менее, немцам пришлось перебросить из Франции две пехотные дивизии и приостановить атаки на Верден, дав французам возможность отправить на этот участок оборонительного фронта все наличные резервы. По сути, это и стало главным результатом Нарочской наступательной операции, ибо для самого Восточного фронта никаких позитивных результатов провала наступления найти нельзя.

В конце апреля, подводя итоги мартовским боям у озера Нарочь, в Ставку была представлена «Записка» по поводу выполнения операций на ЮЗФ в декабре 1915 г. (сражение на Стрыпе), а также Северном и Западном в марте 1916 года. Этот документ впоследствии был использован А. А. Брусиловым при подготовке прорыва в мае 1916 г. «Записка» решительно осудила бессознательную храбрость, пассивное упорство под огнем пулеметов и определила фронт атаки для армии не менее, чем в 20 верст, а в идеале — до 30. Для успеха атак документ требовал «обратить больше внимания на выучку, тренировку и особенно на воспитание нижних чинов»¹⁹.

Эверт считал, что одной из существенных причин поражения стало невнимание низших штабов и строевых командиров к указаниям штаба фронта. Так, в Приложении к приказу № 723, посвященному недочетам в организации мартовских боев 2-й армии, указывалось, что «значительная часть их может быть объяснена недостаточно внимательным отношением к своевременно разосланному проекту “Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы”». Также в качестве предпосылки к итоговой неудаче выделялось «неумелое обращение с новейшими техническими средствами ведения боевых действий или пренебрежением общими правилами управления в бою». Сам Эверт отметил такие основные моменты неудачи наступления, как: отсутствие надлежащей точности в разведке неприятельских позиций для выработки твердого плана атаки и успеха артиллерийской подготовки; поверхностность и нецелесообразность подготовки исходного положения для атаки; недостатки в устройении позиционных дорог и колонных путей; непродуманность расположения телефонных линий; невнимание к обучению войск атаке укрепленной позиции, в частности — к умению держать правильное направление и быстрому закреплению в занятых окопах; неумение использовать корректировку артиллерийской стрельбы посредством авиации; возложение необоснованных надежд на тяжелую артиллерию со стороны ряда пехотных и артиллерийских начальников, ввиду малого знакомства с ее свойствами²⁰.

Выходило, что штаб фронта сделал все для успеха, а уже на местах все это было утрачено. При этом Эверт не потрудился понять, что войскам надо не

только указывать: их еще надо непосредственно учить. Главным результатом Нарочской операции лично для Эверта стал психологический надлом. Он пришел к твердому убеждению, что прорвать германскую оборону имеющимися техническими средствами невозможно, невзирая ни на какой героизм войск. Громадные потери ужаснули его. Как пишет западный автор, «Успешными генералами 1-й мировой войны были те, кто не слсмался и не впал в пессимизм, когда им выпала тяжкая участь иметь дело с цифрами потерь»²¹. Таковы были объективные проблемы наступательных усилий в позиционной борьбе. Генерал Эверт не оказался в данном смысле «успешным генералом». Им был сделан вывод, что русская армия должна отказаться от прорывов впредь до насыщения ее техникой. Но произойти это насыщение могло разве что в 1917 г., а посему кампания 1916 г. на Восточном фронте, по его мысли, должна была быть пассивной.

В кампании 1914—1915 гг. Эверт неплохо руководил 4-й армией, в качестве командарма от обороны он был превосходен. Его усилия по ликвидации Свенцянского прорыва немцев в сентябре 1915 г. это отчетливо показывают. Но вот в наступлении он себя не проявил. Вероятно, пост командующего фронтом был для Эверта слишком высоким, не соответствующим ни его способностям, ни волевому настрою: «Если легче разбираться в способностях и продвигать людей во время войны, то *предназначения* на высокие командные посты сопряжены с большими трудностями и часто ошибками. Тем более, что характер и способности, проявляемые человеком в мирное время, зачастую совершенно не соответствуют таковым в обстановке боевой. Достаточно вспомнить блестящую и вполне заслуженную мирную репутацию генерала Эверта, далеко не оправдавшуюся на посту главнокомандующего Западным фронтом...»²². Эверт не выдержал испытания высоким назначением. Это позволило западным исследователям, и во многом справедливо, отнести русских главнокомандующих Северным и Западным фронтами к представителям армии старого образца периода русско-японской войны 1904—1905 гг. по сравнению с Брусиловым в период Луцкого (Брусиловского) прорыва: «Типичным примером неумелых действий “старой” русской армии (в отличие от “новой армии” во главе со “здоровыми специалистами”, появившейся летом 1916 г.) было наступление у озера Нарочь в 1916 году»²³. По мнению одного из критически настроенных участников войны, Эверт «не обнаружил никаких талантов, кроме способностей к канцелярскому сидению»²⁴. Летом 1916 г. психологический фактор проявится в еще большей степени, ибо если относительно Нарочи можно говорить об объективных недостатках командования, то о Барановичах — уже как о саботаже лично генералом Эвертом. Разумеется, из лучших побуждений — сбережения людей.

1 апреля 1916 г. в Ставке под председательством Верховного Главнокомандующего императора Николая II состоялось Сопещание высшего генералитета, которое должно было утвердить оперативное-стратегическое планирование на летнюю кампанию. Алексеев указал обязательное условие — «к решительному наступлению без особых перемещений мы способны только на театре севернее Полесья, где нами достигнут двойной перевес в силах», после чего должны были последовать прения. Куропаткин и Эверт решительно выступили против наступления в принципе. В качестве основных причин отказа от удара выдвигались: недостаток тяжелой артиллерии, способной взломать оборону противника, мощь неприятельской обороны и, наконец, нежелание союзников оказать помощь России летом 1915 года. «Слова генерала Эверта — это русское офицерство, спрашивающее себя в негодовании на французов и англичан — в военном союзе надо ли быть честным в отношении бесчестных союзников? Ответом русской воинской чести на эти слова было повеление Верховного Главнокомандующего: наступать»²⁵.

Совещание 1 апреля должно было бы закончиться нерешительным компромиссом мнений, что грозило уничтожением любого плана кампании. Алексеев, умный, но недостаточно волевой полководец, не мог противиться мнению Куропаткина и Эверта в категорической форме, так как свято соблюдал воинскую иерархию, а эти военачальники некогда были его командирами. Планирование Ставки могло оказаться несостоятельным, однако, Брусилов решительно поддержал Алексеева и настоял на наступлении. Бесспорно, Куропаткин и Эверт были по-своему правы. Оснащение русской армии техникой отставало от тех условий, что требовались для прорыва германского оборонительного фронта. Но поражение в Нарочской наступательной операции надломило волю генерала до той степени, когда нежелание исполнять приказы Верховного Главнокомандования вырастает до степени саботажа.

Тем не менее, согласно плану Ставки, Эверт получал задачу нанесения главного удара, СФ обязывался содействовать ему, а ЮЗФ должен был наносить вспомогательный удар с целью недопущения переброски противником резервов на направление главного удара. Таким образом, Эверт, невзирая на откровенное нежелание наступать, должен был организовать главный удар на Восточном фронте в кампании 1916 года. Именно это стало главной ошибкой — ни в коем случае нельзя было передавать главный удар на тот фронт, главнокомандующий которого не желал наступать. Но Алексеев знал ум Эверта, не сомневался в его полководческом таланте, а потому пришел к мнению, что наступление состоится так, как это следует сделать. Сместить же Эверта с занимаемого им поста Алексеев не мог, так как данное право являлось прерогативой императора.

Главный удар должен был быть нанесен в направлении на Вильно, приблизительно 28—29 мая. Этот момент стал пиком ответственности Эверта, а, значит, и его славы в случае победы. На деле же все обернулось сплошным негативом, который должен был бы предвидеть Алексеев. Как обычно, Эверт рьяно принялся за подготовку поставленной ему задачи. Даже не веря в возможность прорыва неприятельской обороны, как и в собственные силы, он старался лично контролировать ход организации наступления: «Подготовка войск состояла в обучении частей атаке укрепленных позиций на учебных городках. Особое внимание было обращено на подготовку главной ударной группировки на молодецненском направлении. Главкозап Эверт лично входил в детали работ, посещал занятия, давал подробные указания. Ряд начальников штаба фронта командировался в войска и низшие штабы для проверки хода подготовки»²⁶. В преддверии готовившегося наступления, следует обратить внимание и на характеристику генерала как человека и начальника. Журнал «Нива», помещавший на своих страницах впечатления о встречах своего корреспондента с русскими военачальниками, в № 26 сообщал читателям: «Высокого роста, брюнет, с легкой проседью, в простой солдатской рубахе защитного цвета, с белым Георгиевским крестом на груди, в шароварах с желтыми лампасами сибирского казака, А.Е. Эверт производит впечатление человека железной воли, решительного характера. Каждое движение его говорит об уверенности и сознании своей духовной силы. Но, несмотря на все эти качества, составляющие отличительные черты его, Алексей Ермолаевич поражает всех своей необычайной простотой и доступностью. Он внимательно выслушивает каждого, какое бы тот ни занимал положение в военной иерархии. Как начальник, Алексей Ермолаевич требователен и настойчив, но требователен не только к другим, а и к себе, причем к себе еще более, чем к другим. Он пользуется неограниченным авторитетом и любовью у подчиненных. Будучи главнокомандующим армиями Западного фронта, имея у себя в подчинении миллионы людей, генерал Эверт своей скромностью более напоминает ротного командира, чем заслуженного и закаленного в боях вождя... Алексей Ермолаевич — солдат до мозга костей, и

вопросы политики его интересуют лишь постольку, поскольку внутренняя политика содействует успешному выполнению задач, поставленных армии ее Верховным Вождем. Он всецело душой с армией и уверен в конечной нашей победе так же, как в этом уверена на фронте, в окопах, вся армия, от генерала до последнего солдата». Данная характеристика если и не исчерпывающая, то, несомненно, верна и достаточно объективна. Генерал Эверт был тем человеком, который не мог искренне и достойно исполнять дело, которое он считал невыполнимым в принципе. Поэтому, «железная воля» и «решительный характер» Эверта в такой ситуации играли против полученной задачи.

Как известно, Брусилов наносил главный удар своего прорыва 8-й армией А.М. Каледина, стоявшей на стыке с ЗФ. То есть, Брусилов оттягивал на себя часть тех неприятельских резервов, что могли быть посланы против Эверта. Он всегда мог объединить порыв своих войск с прорывом, который будет совершен армиями соседа. Правда, Брусилов не учел нежелание Эверта не только наступать, но и взаимодействовать с ним.

22 мая армии ЮЗФ бросились вперед. Начало прорыва, перенесенное по просьбе итальянцев на неделю раньше предполагаемого, позволяло рассчитывать, что за то время, пока Брусилов будет громить австрийцев, германцы окажут своему союзнику посильную помощь, что облегчит главный удар на виленском направлении силами ЗФ. Действительно, уже с 27 мая германские части появились перед соединениями Каледина. Однако этот же день стал переломным в кампании 1916 г. на Восточном фронте. Видя невероятный успех соседа, и желая отделаться от наступления, но в то же время не имея воли открыто отказаться от удара, Эверт попросил об отсрочке начала наступления. И Ставка не сумела ему отказать: директива от 27 мая разрешала ЗФ отложить удар до 3 июня (1 июня Эверт выпросит отсрочку до 6 июня).

Таким образом, наносивший всего только вспомогательный удар ЮЗФ должен был драться в одиночку не неделю, а уже все две. Между тем, тяжелая артиллерия и резервы заблаговременно сосредоточивались у Эверта. Не имея этого, Брусилов не мог надлежащим образом развить успех прорыва и был вынужден сдерживать войска, понесшие большие потери в тактической зоне неприятельской обороны. Понимая, что его удача может захлебнуться, он требовал от Ставки давления на штаб Эверта, чтобы побудить его наступать как можно быстрее. При этом Брусилов даже пытался обвинить его в «предательстве», как нарушении интересов стратегического наступления, что повторил впоследствии и в мемуарах²⁷. В свою очередь, Эверт не желал «работать во славу Брусилова».

ЮЗФ выполнил свою задачу и перевыполнил — противостоявшие ему австро-венгерские армии были разгромлены. Теперь следовало бить севернее Полесья, однако сроки наступления откладывались. Выходило, что ЗФ, который должен был наносить главный удар, бездействовал, позволяя противнику наращивать свое сопротивление против ЮЗФ. Выхода было два: немедленно передать Брусилону главный удар или развернуть его армии на Рава-Русскую и Львов. Однако Эверт всячески стремился поощрить движение войск Брусилова на Ковель — на помощь ЗФ, который при этом оставался в бездействии.

Желая совершенно увильнуть от атаки, Эверт сообщил Алексееву, что, в связи с успехами ЮЗФ, лучше будет перенести направление главного удара с виленского на барановичское. То есть, вся весенняя подготовка местности к атаке пошла насмарку. Учитывая, что на подготовку фактически совершенно иной операции требовалось время, Эверт просил Ставку о новой отсрочке. При этом он ясно намекнул, что провал атаки на виленском направлении очевиден и несомненен, в то время, как на барановичском направлении, находящемся по соседству с районом атаки 8-й армии ЮЗФ, можно получить успех. Не решив-

шись спорить, Алексеев дал свое согласие на перегруппировку. Правда, С.Г. Нелипович считает, что, напротив, это Алексеев убедил Эверта «передать Брусилову еще два корпуса и перенести направление главного удара от Вильно к Барановичам»²⁸.

Эверт надеялся, что армии Брусилова возьмут ковельский район, прорвутся в тыл врага, стоящего против 3Ф, после чего наступление станет делом сравнительно легким, ибо противник будет больше думать об отходе, а не о сопротивлении. В тот же самый день 3 июня, когда армии 3Ф должны были наступать на Вильно после первой отсрочки, Эверт сообщил Алексееву, что пока будет проходить переброска войск на барановичское направление, необходимо, чтобы Брусиллов по-прежнему наступал на Ковель. Преследуя обще-стратегические цели, Алексеев его поддержал, в тот же день 3 июня телеграфируя Брусиллову: «Ближайшей задачей фронта является сосредоточение сил и нанесение удара теперь же на Ковель...»²⁹.

Узнав о переносе удара на барановичское направление и, следовательно, новом откладовании срока наступления Западного фронта, Брусиллов справедливо ответил Алексееву, что в этом случае успехи прорыва ЮЗФ «ограничатся лишь тактической победой и... на судьбу войны никакого значения иметь не будут». Брусиллов считал, что даже самый факт наступления всех фронтов разом, пусть даже и без определяющего успеха, уже не даст противнику возможности продолжать переброску своих немногочисленных резервов под Ковель³⁰. Тем не менее, Эверт вплоть до провала операции под Барановичами, полагал свой удар главным. А потому он не отказывался ни от резервов, ни от запасов боеприпасов, ни от услуг ЮЗФ, вынужденного целый месяц наступать в одиночестве, в то время как перенасыщенный войсками 3Ф все еще «готовился» к наступлению. Единственным плюсом стало лишь то, что, получив информацию о переносе русского удара на барановичское направление, немцы перебросили в этот район 13 дивизий, но и те в основном были взяты из той группировки, что готовилась отбить атаку на Вильно.

Всего для атаки только в 4-й ударной армии Эверт сосредоточил 19,5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии общей численностью в 325 тыс. штыков и сабель при 1324 пулеметах, 742 легких и 258 тяжелых орудиях. Для развития успеха создавался резерв в 5 корпусов. Со стороны противника район Барановичей оборонялся армейской группой Р. фон Войрша в 80 тыс. штыков при 248 орудиях. Простое сравнение: в начале Луцкого прорыва Брусиллов имел в своих 4 армиях 168 тяжелых орудий. Здесь же только в одной армии находилось 258. Какой же успех должен был бы последовать при надлежащем использовании этих сил?

19 июня 1916 г. части 4-й армии Рагозы бросились в прорыв. В первый же день атаки войска 9-го и 25-го АК ворвались в первые линии неприятельской обороны. Гренадерский и 35-й корпуса атаковали двумя днями позже. Но все атаки были отражены немцами, а те русские подразделения, что все-таки вклинились в оборону, выбивались контратаками. На третий день наступления были введены в бой резервы — 3-й Кавказский и 3-й Сибирский корпуса. Сменяя друг друга, русские атаковали и атаковали, лишь увеличивая количество жертв, ибо неверна была сама организация наступления: «Стремление удержать везде достаточные для занятия всего позиционного фронта силы привело к тому, что больше 80% дивизий в момент решительного наступления сидела, ничего не делая, в окопах»³¹. Ситуация с Нарочским наступлением повторилась точь-в-точь, с той поправкой, что тогда можно было свалить вину за неудачу на климат. 22, 24, 25 июня русские атаки продолжались с неослабевающей яростью. Результат остался прежним — поражение с громадными и бесцельными потерями в 80 тыс. человек.

25 июня Эверт вновь сообщил Алексееву о своей неготовности к новому прорыву. Не сумевший организовать ни взаимодействие артиллерии с пехотой, ни маневр резервами во время уже развернувшегося сражения, он переложил значительную часть ответственности за неудачный исход операции на рядовой состав. Генерал с негодованием заметил, что в начале боя многие солдаты самовольно оставляют окопы и уходят в тыл, а возвращаются уже после атаки. Эверт призвал офицерский состав дивизий беспощадно расстреливать таких бойцов «на глазах нижних чинов их частей»³². Стоит ли винить не желавших напрасно погибать солдат? Ведь каждый боец видел, что при таких командирах ничего хорошего не выйдет, но репрессалии коснулись низов армии, чего и следовало ожидать.

После передачи главного удара Брусилову, 3Ф остался в полосе рядовых стычек и активно передавал войска соседу. Приказ Ставки теперь гласил: «Целью ближайших действий армий Западного фронта поставить удержание находящихся перед ним сил противника, держа их под угрозой энергичной атаки или продолжения операции в барановичском направлении». Весь июль прошел в не имевших определенной цели перегруппировках, так как Эверт по-прежнему наступать не желал. Поддаваясь требованиям Ставки, 3 августа новое наступление было назначено на 15-е число. Затем — на 23-е. Однако 22 августа, после проведения артиллерийской подготовки, операция была вновь отменена под предлогом наступающей осенней распутицы. 27 августа армии 3Ф произвели частный удар на Червищенском плацдарме, после чего фронт замер в мелких локальных стычках.

С другой стороны, в крови захлебнулся и Брусиловский прорыв. Громадные потери при небольших видимых результатах поразили страну и позволили готовившей государственной переворот оппозиции воспользоваться этим козырем в борьбе против Николая II. Современники не сумели сразу оценить, что русские неудачи были не хуже неудач союзников, гораздо более богато оснащенных техникой. Завязанная русскими «мясорубка» на Восточном фронте, вывела из строя не меньше людей противника, нежели потеряли русские (С. Г. Нелипович считает, что русские потери были, как минимум, в 1,5 раза выше).

Разочарование итогами кампании 1916 г. было столь велико, что 7 октября такой выдающийся офицер и военный теоретик как А.Е. Снесарев записал в дневнике: «Не надо нам гениальных, которые решают дивные задачи, а дайте нам средних, но храбрых, *честных в труде* и исполнительных. Дивизия, в которой будут такие, непобедима; она не будет, может быть, иметь ярких разгромов, но она обеспечена от поражений и осечки не даст»³³. Именно таков был генерал Эверт. Тот самый Эверт, который ни разу не был тяжело разбит, но и ни разу блестяще не победил, который своим бездействием провалил кампанию. Уж если такие офицеры как Снесарев предпочли бы Эверта Брусилову, то надо отметить высочайшую степень недоверия войск к своим руководителям.

17—18 декабря на Совещании в Ставке решались две задачи — реорганизация Действующей армии («реформа Гурко») и оперативно-стратегическое планирование на будущий год. Эверт утверждал, что теперь, когда противник сконцентрировал против ЮЗФ значительные силы, «едва ли наше наступление на этом фронте будет иметь большое развитие и значение». Еще меньше шансов на успех, по мысли Эверта, имело бы наступление на Балканы через Румынию, ибо использовать для главного удара Румынский фронт ударом на Болгарию невозможно, так как уже теперь нельзя должным образом питать находящиеся там войска, вследствие единственной железнодорожной колеи, соединяющей армии Румынского фронта с Россией. А затем будет невозможно вывезти оттуда войска, а противник нанесет контрудар на каком-либо ого-

ленном участке другого фронта. Поэтому Эверт вновь выдвинул идею о проведении главного удара опять-таки армиями Западного или Северного фронтов. То есть, провалив атаки лета 1916 г., он еще раз предлагал себя для главного удара весной 1917 года. 10 ноября Эверт сообщил Алексееву, что операции кампании 1917 г., «если и не приведут войну к полному окончанию, то, во всяком случае, предрешат с очевидностью ее исход...»³⁴. Дело в том, что войска получили технику для прорыва, что давало уверенность в успехе. Теперь для наступления Эверт испрашивал только для ударной армии около 2 тыс. орудий, в том числе не менее 700 средних и тяжелых калибров. Однако нанесение главного удара все-таки отводилось Брусилову.

В отличие от других высших генералов, Эверт не сыграл выдающейся роли во время отречения от престола Николая II и падения российской монархии. Эверт и Сахаров (помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта) являлись наиболее лояльно настроенными по отношению к царю главнокомандующими. Оппозиционные заговорщики прекрасно знали это, а потому Эверт и Сахаров остались вне связей с либеральными кругами Государственной Думы. Началом участия Эверта в переломных событиях февраля 1917 г. явилась телеграмма Алексеева главнокомандующим фронтами, где он прямо предложил положительно ответить на вопрос о необходимости отречения императора от престола в пользу сына при регентстве брата великого князя Михаила Александровича.

Известно, что Эверт пытался, насколько возможно, уклониться от ответа на вопрос Ставки относительно отречения. Только убедившись, что весь высший генералитет, кроме него самого и Сахарова, поддержал переворот, Эверт вынужденно присоединился к общему мнению своих коллег. Безусловно, все это отнюдь не оправдывает Эверта и Сахарова, по сути дела, нарушивших присягу Верховному Главнокомандующему, но их колебания и нерешительность подтверждают точку зрения, что, вероятнее всего, они не обладали точной информацией о готовящемся перевороте. А главное, в условиях, когда Ставка (Алексеев) и герой прошлогодней кампании (Брусилов) поддержали идею отречения, другие не решились на поддержку императора, находившегося к тому же в руках сторонника отречения (Н.В. Рузский). В своей телеграмме от 2 марта на имя императора Эверт указал: «При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженном им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно видимо способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии». Ссылка на М.В. Родзянко и Рузского показывает, что Эверт до последнего момента был отстранен от того объема информации, которым располагали поддерживавшие планы дворцового переворота генералы.

Первое время после свержения монархии в среде русского офицерского корпуса, в большинстве своем исповедовавшего монархическое мировоззрение, царило смятение. Гучкову так рассказывали о происходившем в Минске: «первые же дни революции, но уже государь отрекся, идет митинг в каком-то большом правительственном здании. В этом зале герб Российской империи. Солдатами заполнен весь зал. Эверт на эстраде произносит речь, уверяет, что был всегда другом народа, сторонником революции. Затем осуждали царский режим, и когда эта опьяненная толпа полезла за гербом, сорвала его и стала топтать ногами и рубить шашками, то Эверт на виду у всех аплодировал этому»³⁵. Подобного рода поведение обычно характеризуется в диапазоне от «хамелеонства» до «предательства». Прежде всего, такие термины употреблялись эмигрантами по отношению к Брусилову. Однако же, вне сомнения, внешнее отре-

чение от монархии было присуще всему высшему генералитету, в большинстве своем не ожидавшему того, что случилось. Генералы рассчитывали на «ответственное министерство», либо, в крайнем случае, — на перемену фигуры монарха. Лишь единицы, вроде начальника 3-го кавалерийского корпуса графа Ф.А. Келлера, открыто выступили в поддержку монархии. Свою роль, бесспорно, сыграл и конформизм — власть есть власть, от которой будет зависеть твое существование. Таким образом, Эверт явился обычным русским генералом высокого ранга, против своей воли втянутым в революционный процесс, а потому и достаточно некрасиво ведшим себя в первые дни революции. А.Е. Снесарёв писал в дневнике: «Эверт, Щербачёв и т.д. чуть ли не заделались “товарищами”... Спешат, упали, о достоинстве забыли»³⁶. По отношению к генералу Эверту это не совсем справедливо. Из 5 наиболее высокопоставленных генералов, лишь 2 были лояльны существующей власти. Они первыми и поплатились за свою лояльность царю.

Уже 11 марта 1917 г. Эверт был отправлен в отставку с мундиром и пенсией. Осторожный, монархически настроенный, обманутый заговорщиками полководец никому не был нужен. Алексеев не настаивал на смене Эверта, но военный министр Временного правительства Гучков заявил, что Эверт не может командовать фронтом: «полная неспособность которого известна всем, начиная от вас и кончая последним солдатом». Всего через месяц после отставки Эверта в отставку отправится и сам Гучков — в результате Апрельского кризиса.

Эверт являлся убежденным монархистом, и его поведение можно объяснить исключительно растерянностью. К счастью, в отличие от Рузского, Алексеева и Брусилова, играть неприглядную роль ему пришлось недолго. Всего лишь 7 дней. О настоящих же убеждениях генерала при встрече в Смоленске свое свидетельство оставил минский губернатор: «А.Е. Эверт, человек изумительно цельный и определенный, не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве Государя... Он полагал, что главным вопросом момента было обеспечение возможности продолжать войну, и думал, что эта возможность сохранится при удовлетворении требований взбунтовавшегося Петроградского гарнизона и возглавившей этот бунт Государственной Думы о смене личности царствующего Монарха»³⁷. Как и прочие высшие генералы, Эверт рассчитывал, что после бескровной смены власти, страна продолжит войну, а не скатится в революционную смуту. Это говорит не о политической близорукости или наивности генералитета, а о неадекватности оценок ситуации и перспектив ее развития в данных конкретных условиях. По словам Друцкого-Соколинского, Эверт сказал: «Я, как и другие главнокомандующие, предал Царя, и за это злодеяние все мы должны заплатить своей жизнью».

В дальнейшем Эверт не принимал участия в революции и гражданской войне. В 1918 г. старый полководец, как и многие другие «бывшие», был арестован ВЧК, что позволило некоторым эмигрантам говорить о нем, как о расстрелянном в результате «красного террора». Однако эти годы Эверт проживал в Смоленске, а затем в Верее, где на закате дней занимался пчеловодством. В этом городе он и скончался 10 мая 1926 г., пережив всех главнокомандующих фронтами эпохи первой мировой войны.

В генерале Эверте, как ни в ком другом из русских полководцев, наблюдается раздвоение наполеоновской формулы квадрата ума и воли. Ум Эверта вряд ли можно оценить ниже ума других русских полководцев. Воля же сочетается в себе, если можно так выразиться, «упорную осторожность». Если Рузский всегда действовал при превосходстве сил, теряя имевшиеся возможности в ходе противоборства с противником, то Эверт не смущался этим (Лодзинская или Августовская операция Рузского и Виленско-Свеняцкая операция Эвер-

та). Если Куропаткин, все подготовив самым тщательным образом, пасовал перед волей неприятеля, то оборонительные действия 4-й армии в 1914—1915 гг. показывают, что Эверт, в случае необходимости, вполне мог противопоставить воле врага свою волю. 4-я армия часто отлично дралась против превосходящих сил врага. Но вот стремления к риску, на что отваживались, например, Брусилов и особенно Юденич, у Эверта почти не было. В тот момент, когда ситуация требовала бросить в дело последний фактор — риск, основанный на воле и суворовском мужестве генерала, Эверт не мог переломить себя. И если в обороне имевшейся у полководца воли вполне хватало, то для наступления, где требовался риск, ибо инициатива принадлежит наступавшему, уже нет. Поэтому в оценке Эверта как крупного полководца, проваленная кампания 1916 г. сводит на нет его достижения в кампаниях 1914 и 1915 годов.

Примечания

1. ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. М. 1986, с. 218—219.
2. ЗАЛЕССКИЙ К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М. 2003, с. 698.
3. Сборник ГУГШ. СПб. 1913, вып. 52, с. 88.
4. РЕДИГЕР А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М. 1999, с. 43.
5. ГОЛОВИН Н.Н. Галицийская Битва. Первый период, Париж. 1930, с. 253.
6. Цит. по: ГРИБАНОВ С.В. Пилоты Его Величества. М. 2007, с. 275.
7. ШВАРЦ А.В. Оборона Ивангорода в 1914—1915 гг. М. 1922, с. 71.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5956, оп. 1, д. 5, л. 128об.
9. СЫРОМЯТНИКОВ А. Наступление и оборона в условиях позиционной войны. Лекции. Пг. 1917, с. 143—144.
10. ПУАНКАРЕ Р. На службе Франции 1915—1916: Воспоминания. Мемуары. М.-Минск. 2002, с. 48.
11. ВСЕЕВ Н. Свенцянский прорыв (1915 г.). М. 1936, с. 232, 238.
12. Цит. по: ПОДОРОЖНЫЙ Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 года. М. 1938, с. 5—9.
13. История Тульского оружейного завода, 1712—1972. М. 1973, с. 122.
14. История Первой мировой войны 1914—1918. Т. 2. М. 1975, с. 185.
15. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. М. 1923, ч. 6, с. 32.
16. КЕРСНОВСКИЙ А.А. История русской армии. Т. 4. М. 1994, с. 33.
17. БАРСУКОВ Е.З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). Т. 4. М. 1948, с. 143.
18. ГАРФ, ф. 826, оп. 1, д. 368, л. 4.
19. Там же, ф. 5956, оп. 1, д. 13, л. 24, 26об., 29, 31, 34.
20. Там же, ф. 826, оп. 1, д. 349, л. 27—28об.
21. КИГАН Д. Первая мировая война. М. 2002, с. 364.
22. ДЕНИКИН А.И. Старая армия. Офицеры. М. 2005, с. 107.
23. БРИГГС Э., КЛЭВИН П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М. 2006, с. 230.
24. ЗАЛЕССКИЙ П. И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин. 1925, с. 191.
25. МЕССНЕР Е. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы, Н.-Й. 1968, с. 57.
26. ОБЕРЮХТИН В.И. Барановичи. 1916 год. М. 1935, с. 46.
27. БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 1983, с. 200, 203.
28. НЕЛИПОВИЧ С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.-Цейхгауз. 2006, с. 13.
29. Российский военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 142—143, 148об.
30. ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 3, л. 168.
31. СНИТКО Н., ШЛЯХТЕР Я. Использование войск. Часть 1: Германская армия в 1914—1919 годах. М. 1930, с. 132.
32. ГАРФ, ф. 826, оп. 1, д. 368, л. 23.
33. Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М. 2003, с. 269.
34. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 277, л. 25.
35. Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 102.
36. Цит. по: Военно-исторический журнал. 2004, № 11, с. 54.
37. ДРУЦКОЙ-СОКОЛИНСКИЙ В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора. Орел. 1994, с. 58.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С. А. Нефедов

Массовый набор в полки регулярной армии начался в январе 1699 г., когда планировалось набрать 13 700 даточных и 4200 вольнонаемных солдат. Даточных набирали, как во времена Алексея Михайловича, по одному человеку с 25 монастырских и боярских дворов или по человеку с 50 дворов служилых дворян¹. Этот набор предназначался для замены распущенных стрельцов. В ноябре был объявлен наем в солдаты для вольных людей, а затем произведен второй большой набор даточных, но на этот раз предписывалось брать только дворовых людей, причем боярам было приказано представить списки своих холопов. В Преображенском Петр вместе с генералами смотрел холопов по спискам и зачислял годных; если же годных холопов не хватало до положенного по разверстке числа, то бояре платили по 11 руб. за человека². Дж. Перри писал, что «царь... приказал составить список всех лиц, находящихся без должности около боярских домов, и велел отправить их в войско. Это было им весьма не по нутру, и они стали сильно ходатайствовать об изменении этого закона; за многих из людей этих вносили значительные деньги, чтобы избавить их от службы; преимущественно же делалось это в отношении тех лиц из дворни, которые сами были настоящие дворяне и находились при этих господах единственно в ожидании повышения»³.

Как уже отмечалось, дворяне имели свои небольшие дружины, состоявшие из «боевых холопов», которых в народе называли «нахалами». В эти дружины входили и дворяне из боярских свит, «знакомцы». Сообщение Перри помогает понять цель, которую ставил перед собой Петр: это не был обычный набор даточных — производилась ликвидация боярских дружин. Отстранив от власти Боярскую думу, Петр решил полностью разоружить бояр и отправить боярских дружинников в свою армию.

Новая армия Петра I создавалась по австрийско-саксонскому образцу. Беря пример с европейских армий, Петр полагал, что настоящими солдатами могут быть только наемники, которым хорошо платят, поэтому он пытался переи-

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1, 2, 4.

Нефедов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

ти от набора даточных к вербовке добровольцев. Петровский солдат получал 11 руб. в год, вдвое больше, чем прежде получали стрельцы. Кроме того, солдаты получали паек по нормам австрийской армии: два фунта хлеба, один фунт мяса и один гарнец пива в сутки. Неудивительно, что две трети новобранцев 1699 г. составляли добровольцы⁴.

К осени 1700 г. из новобранцев было сформировано 27 полков. Генерал Ланген, видевший русскую армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу: люди все были рослые, молодые, хорошо обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступали немецким полкам⁵. Командирами дивизий («геральств») были «преображенцы»: Автомон Головин, Адам Вейде и князь Аникита Репнин. Среди командиров полков не было ни одного русского, офицерами тоже были преимущественно иностранцы. Однако этот новый офицерский состав был набран наспех, и Автомон Головин писал Петру, что многие из них были «гуляки великие», некоторые «за мушкет взяться не умели»⁶. В ответ царь распорядился расширить подготовку офицеров в Преображенском. Преображенский полк превратился в центр обучения офицеров новой армии; летом 1700 г. сюда прибыли около трех тысяч дворян, из которых были признаны годными 940 человек⁷.

В 1698—1699 гг. Петр был связан войной с Турцией, и реализация «каспийского проекта» Витсена была отложена на будущее. Однако в сентябре 1699 г. в Москву прибыл посол саксонского курфюрста и польского короля Августа III, который настоятельно призывал царя вступить в союз против Швеции. Август III желал приобрести шведскую Лифляндию, а для Петра, писал король, «всего важнее открыть через Россию торговый путь между востоком и западом с исключительным правом на все выгоды»⁸. Другим важным обстоятельством было то, что пострадавшее от редукции Карла XI лифляндское дворянство обещало открыть ворота Риги — момент для нападения был чрезвычайно удобным, и союзники надеялись закончить войну в два года⁹. После этого, быстро реализовав план Витсена, Петр мог получить деньги, необходимые для финансирования регулярной армии, и, таким образом, обойтись без повышения налогов. Эти аргументы возымели действие, и Петр распорядился ускорить заключение мира с Турцией. Со своей стороны, Витсен писал из Амстердама, что голландскому послу в Константинополе дано указание содействовать заключению мирного договора¹⁰. По некоторым сведениям, царь поручил дьяку Андрею Виниусу заручиться поддержкой Голландии против шведов, но Голландия в то время находилась в союзе со Швецией и в условиях назревавшей войны за испанское наследство не могла расторгнуть этот союз. Впрочем, официальная поддержка Штатов и не требовалась: Ост-Индская компания, президентом которой был Витсен, была «государством в государстве» и могла проводить собственную политику. Очевидно, что во время этой поездки Виниус договорился с Витсеном о поставках в Россию оружия, которое тот впоследствии посылал из Амстердама, несмотря на формальный правительственный запрет¹¹.

В августе 1700 г. русские войска двинулись к Нарве. Однако под Нарвой это состоявшее из новобранцев войско встретилось с лучшей регулярной армией Европы — и потерпело поражение. Наступила очередь России пережить «шведский шок», который в свое время испытали Бранденбург и Дания и который породил в этих странах абсолютизм. Последствия «шведского шока» были повсюду одинаковы: страны, потерпевшие поражение, были вынуждены вводить новые налоги и перераспределять доходы, чтобы восстановить армию. До 1700 г. помещичьи крестьяне платили в казну лишь 5 коп. со двора, в то время как налог на государственных, «черных», крестьян составлял минимум 80 копеек. Крепостные практически освобождались от налогов с тем, чтобы

могли платить своим хозяевам оброк, достигавший 1,5—2 руб. со двора. В 1700—1701 гг. Петр I ввел новые подати («драгунскую» и «корабельную»), одинаково распространявшиеся на поместных и государственных крестьян, в сумме они составляли 35 коп. со двора. Поскольку поместные крестьяне составляли подавляющее большинство населения, то прямые налоги увеличились на 310 тыс. руб., то есть в три раза¹². Однако это было только начало: после понесенного поражения Петр чувствовал себя неуверенно и опасался вызвать недовольство дворянства. За поражение пришлось заплатить церкви: указом 30 декабря 1701 г. царь отнял у нее все доходы, оставив на содержание каждого монаха по 10 руб. в год (позднее эта сумма была сокращена до 5 рублей)¹³. Это дало прибавку казенных доходов примерно в 100 тыс. рублей¹⁴. Но основные средства на воссоздание армии были получены путем чеканки медных денег и перчеканки серебряных монет с увеличением номинала¹⁵. Это было временное решение проблемы, которое позволяло отсрочить тяжелые для населения реформы на несколько лет, но избежать дальнейшего повышения налогов было невозможно.

В целом в 1701 г. военные расходы составили 2270 тыс. руб. — в три раза больше, чем во время предыдущей (в 1680 г.) войны с Турцией¹⁶. Такова была цена создания регулярной армии.

В соответствии с диффузионистской теорией военное поражение заставляет государство поспешно модернизировать свою военную, экономическую и социальную систему по образцу победоносного противника. «Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы», — писал Ключевский¹⁷. После Нарвы проявилось, на кого мог опереться Петр в трудную минуту. Гордона и Лефорта уже не было в живых, Вейде попал в плен, на первых ролях теперь стояли Ф.А. Головин и А.Д. Меньшиков, но они не обладали необходимыми техническими знаниями, чтобы строить мануфактуры. В этой обстановке ярко проявилась роль ближайшего друга и наставника Петра, думного дьяка Виниуса.

«Русский голландец» Андрей Виниус был тем человеком, который прежде выступал в роли наставника Петра и сумел привить ему любовь к мореплаванию и к голландской культуре. Познакомившись с достижениями европейской цивилизации, Петр после возвращения из Европы еще более сблизился с Виниусом, сделал его поверенным своих семейных дел, собирался поручить ему воспитание царевича Алексея и публично выделял его среди своих сподвижников¹⁸. Впрочем, Петр испытывал и некоторые подозрения в отношении связей Виниуса и Витсена, которые тесно сотрудничали в продвижении «каспийского проекта» и вели зашифрованную переписку — впоследствии эта переписка (наряду с доносами недругов) стала причиной отстранения Виниуса от руководства почтой¹⁹.

Вернувшись в Москву после нарвского разгрома, Петр обратился за советом к Виниусу. Главной проблемой была потеря всей полевой артиллерии, без которой было невозможно сдержать ожидавшееся наступление шведов, и Петр поручил Виниусу задачу восстановления артиллерии. Адресованные Петру письма Виниуса показывают всю сложность этой задачи. На Московском пушечном дворе в то время было лишь несколько мастеров, отливавших десятков-другой пушек в год, причем и эти пушки — устаревших моделей, изготовленные с нарушением технологии, «толстобрюхи и кривороты»²⁰. Как и везде, здесь процветало воровство, цены на подряды завышались вдвое, дьяки получали «откаты». Виниус навел порядок в Артиллерийском приказе, но ему удалось найти лишь одного дельного литейщика, Семена Леонтьева, для которого он сам переводил немецкие руководства по литейному делу. Рабочие чертежи для изготовления пушек брали также из немецких изданий, и «бомбардир» Петр

собственноручно их редактировал. Все упиралось в отсутствие меди, которую обычно закупали в Швеции. В этих условиях Петр I поступил рационально, но и кощунственно, приказав снимать колокола с церквей. Однако возможно, что эта идея принадлежала не Петру, а Виниусу, который предлагал идти дальше и снимать кровлю с кремлевских дворцов²¹.

В критической обстановке Петр был готов на все: «Ради бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть», — писал он Виниусу 8 апреля 1701 года²². И Виниус сделал невозможное: за несколько месяцев наладил производство и уже в апреле отправил в войска 80 новых орудий. Всего в 1701 г. в Москве было отлито 243 медных пушки, в том числе 109 трехфунтовых полковых пушек; остальные орудия были более крупных калибров²³. Этого количества было достаточно для полевой армии, но предстояло вооружить еще крепости и флот. В то время как армии требовались легкие медные пушки, в крепостях использовали тяжелые, но намного более дешевые чугунные орудия. Их отливали в Туле и в Карелии; кроме того, Виниус намеревался наладить производство чугунных орудий на основанных им уральских заводах, Каменском и Невьянском: в конце 1701 г. там были задуты первые домны. Однако несмотря на все усилия Виниуса, ему не удалось найти хороших мастеров-литейщиков; отлитые орудия имели многочисленные дефекты. Когда весной 1703 г. в Москву была доставлена первая большая партия уральских орудий (более 300 пушек), многие из них не выдержали испытаний²⁴.

Эта неудача подорвала авторитет Виниуса, который, наводя порядок в Сибири и в Артиллерийском приказе, приобрел много врагов. Обиженные им чиновники нашли союзника в лице Меньшикова, который считал Виниуса соперником в борьбе за власть и за влияние на царя. Меньшикову удалось оклеветать Виниуса, думный дьяк был отстранен от своих постов и впал в немилость. Через некоторое время Виниус бежал из России и оказался в Амстердаме, у своего родственника и покровителя Витсена²⁵. Витсен написал Петру письмо о том, что Виниус ни в чем не виноват, что он «печалью съедаем толико от двора Величества Вашего ради отлучения и тако заболел»²⁶, и в конечном счете Петр простил думного дьяка. Виниусу позволили вернуться в Россию, но он уже не занимал высоких постов и не имел прежнего влияния на царя.

Отставка Виниуса в 1703 г. ознаменовала окончание первого периода петровских реформ — периода, когда реформы проводились под сильным голландским влиянием. В этот период Петр совершил путешествие в Голландию и общился к голландской культуре; он приступил к созданию флота и заставил своих подданных сменить одежду. Виниус, выступавший в роли ближайшего компаньона царя, провел административные реформы в Сибири, основал уральские горные заводы, а также создал Навигацкую школу и заложил фундамент технического образования в России. Эта модернизация по европейскому образцу постоянно наталкивалась на традиционалистскую реакцию. Наиболее ярким проявлением этой реакции было восстание стрельцов; когда стрельцы подняли бунт, их вожаки кричали: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело... а государя в Москву не пустить и убить за то, что сложился с немцами!»²⁷. Астраханское восстание 1705—1706 гг. вынудило Петра пойти на уступки и приостановить в городах Нижней Волги действие указов о бородах и одежде²⁸. В условиях тяжелой войны реформы были отложены, и на первый план вышли чисто военные потребности.

Одной из основных проблем было снабжение солдат оружием. До войны в Туле делали только две тысячи ружей в год²⁹. «Ружье прежде хотя и делано было на Москве и на тульских заводах, однако зело было плохо, на старую маниру, и своих добрых мастеров не имели, и для сей новой войны как ружье, так и амуницию подряжали из Голландии», — говорит один из документов

кабинета Петра Великого³⁰. Заинтересованный в исполнении своего проекта, Витсен всеми силами помогал Петру прорубить окно на Балтику. Корабли с оружием выходили из амстердамского порта по ночам; ящики с фузеями прятали в трюмах под балластным песком³¹. Когда русские овладели Нотебургом и вышли к морю, Петр послал Витсену свой усыпанный бриллиантами портрет, а Витсен ответил царю горячими поздравлениями³². За десять лет (1701—1710) голландцы поставили в Россию 115 тыс. фузей и фузейных стволов, 88 тыс. фузейных замков, 40 тыс. пистолетов, 141 тыс. шпажных клинков — русская армия была вооружена по большей части голландским оружием³³.

Другая проблема была связана с обучением армии новому линейному порядку. В 1704 г. в Россию приехал приглашенный Петром австрийский фельдмаршал, барон Огильви. По словам К. Манштейна, именно Огильви русские «обязаны первоначальным наведением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте»³⁴. Фельдмаршалу удалось значительно повысить боеспособность русских войск, однако вскоре он столкнулся с не терпевшим соперников Меншиковым. В итоге, в 1706 г. Огильви подал в отставку и уехал из России. Меншиков стал единственным фаворитом; заменив собой «дебашана» Лефорта, он развлекал царя бесконечными кутежами³⁵. Прусский посол Кайзерлинг писал, что ненависть к Меншикову растет день ото дня, что «все знатные люди этой страны тоже очень недовольны, и надо опасаться, что если король Швеции с армией подойдет к самой границе, то может начаться всеобщее восстание»³⁶. Того же мнения придерживался Мартин Нейгебауэр, бывший воспитатель царевича Алексея, бежавший в Швецию после ссоры с Меншиковым. Он писал, что Петр снискал ненависть своих подданных многочисленными нововведениями — новым платьем, брадобритием, неуважением к духовенству, и советовал Карлу XII идти прямо на Москву³⁷.

Недовольство было связано не только с чужеземными новшествами, но и с возвысившимися налогами. Согласно теории военной революции, потребность в финансировании новой армии заставляет монархов увеличивать налоги и перераспределять доходы, отнимая их у дворянства. В 1710 г. военные расходы достигли 3158 тыс. руб., увеличившись в полтора раза по сравнению с 1701 годом и в 4,5 раза — по сравнению с 1680 годом³⁸. Чеканку медных денег из-за инфляции пришлось сократить; для пополнения казны остался один способ: чрезвычайные военные налоги. В 1710 г. в Архангельской губернии крестьяне платили по 1 руб. 30 коп. чрезвычайных налогов со двора, при том что обычные налоги с помещичьих крестьян составляли 52 коп., а с государственных — 1 руб. 42 копейки³⁹. Таким образом, помещичьи крестьяне платили 1 руб. 82 коп. налогов, в то время как раньше, до 1700 г., они платили лишь 5 копеек! Позднее обязанность помещичьих крестьян платить государственные налоги была закреплена введением подушной подати — это и была главная финансовая реформа Петра I.

Крестьяне лишь с большим трудом справлялись с выплатой налогов, и из-за их оскудения помещики часто недобирали оброк. Между тем расходы дворян значительно возросли, так как их служба стала постоянной. «Если добавить к этим трудностям тяжелые контрибуции (чрезвычайные налоги. — С.Н.) и другие невзгоды, то русский дворянин теперь не имеет и двадцатой доли того, чем владел до начала войны», — утверждал Ларс Эренмальм⁴⁰. Петр не отнимал у дворян земли, как это сделал Карл XI в Швеции, но, подобно Фредерiku III Датскому, он резко сократил налоговые привилегии дворянства. Сверх того, оставив дворянам право на крестьянские оброки, царь, однако, за сохранение этих уменьшившихся привилегий возложил на них обязанность нести постоянную военную службу начиная с самых низших должностей. По свидетельству датского посла Грунда, «князья и бояре» были до крайности недоволь-

ны тем, что Петр «забирал их сыновей в армию рядовыми или посылал в Англию и Голландию служить в матросах»⁴¹.

Мало того, поступая на службу в армии рядовыми, дворяне уравнивались в положении с крепостными рекрутами. А рекруты из крестьян — это были зачастую не просто крестьяне, а те пьяницы, воры, разбойники, которых крестьянская община отправляла в армию с тем, чтобы освободиться от них. Перспектива выйти в офицеры улыбалась не ранее, чем через 5—6 лет службы, причем нужно было доказывать перед лицом «холопов» свое превосходство в военных навыках⁴². Иногда это не получалось. Дворяне надолго запомнили эту «демократизацию» Петра I. Полвека спустя князь М.М. Щербатов возмущался тем, что «вместе с холопами... писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам... доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками»⁴³.

Недовольство усилилось как у дворян, так и среди простого народа, и Петр чувствовал себя неуверенно. Положение спасла победа под Полтавой. Карл XII недооценил силы новой русской армии, которая была обучена немецкими офицерами, за время долгой войны приобрела боевой опыт и к тому же обладала большим численным превосходством. «Эта победа невероятно усилила власть русского царя, — писал Бушкович. — Подобно большинству монархов начала Нового времени, он ничем не мог надежнее укрепить свой трон и престиж, чем решительной военной победой»⁴⁴. Так же как Фридрих-Вильгельм I и Карл XI, Петр I стал «монархом-полководцем» (*Kriegsherr*); который вознесся благодаря славе своих побед. Победа заставила смириться аристократическую оппозицию и примирила с царем часть дворянства. Тяготы военной службы окупались почестями и трофеями: так же как любая армия того времени, петровская армия жила за счет военных трофеев; взятые штурмом города нередко подвергались разграблению, а поработанных пленников продавали на рынке⁴⁵. При этом царь особенно заботился о том, чтобы трофеи достались и солдатам, поэтому офицерам категорически запрещалось отнимать добычу у своих подчиненных⁴⁶.

К 1709 г. Петр I стал самодержавным монархом, власть которого была абсолютной и неограниченной. До какой степени может прийти самовластие, можно понять из того, что Петр I иногда обращал в шутов прежних правителей России, бояр⁴⁷. «Его величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен», — гласил 20-й артикул Воинского устава⁴⁸. Мало того, что Монарх не должен никому давать ответ, в реальности петровское самовластие сводилось к тому, что царь был *вынужден* управлять единолично. В беседе с датским послом Юстом Юлем, Петр как-то посетовал на то, что «в важных делах почти что не имеет помощников, [вследствие чего] поневоле заведует всем сам»⁴⁹. «Петр принимал свои решения сам и ни с кем не советовался», — подтверждает Бушкович⁵⁰.

Царь стал абсолютным монархом, однако управленческий механизм оставался допотопным — это была старинная система приказов. В этой системе дьяки и воеводы получали плату «от дел» и могли, занимаясь вымогательством, сколько угодно «волочить» эти дела. «На этих людей смотреть иначе и нельзя, как на хищных птиц, — писал ганноверский резидент Генрих Вебер, — которые думают, что со вступлением в должность им в то же время предоставлено право высасывать крестьян до костей и на их разорении устраивать свое счастье. Поэтому-то какой-нибудь писец, хотя у него, при определении на место, всего имущества едва хватало на покрытие нагого тела, в четыре или пять лет так разживается, что там, где бегут крестьяне, он скорехонько выстраивает себе каменные палаты, которых, разумеется, он не мог возвести из своего жалованья... А так как высшие чины поступают не лучше и также желают получать свою часть незаконных поборов, как и подчиненные их, то вся страна оказыва-

ется в таком положении, что когда в самые тяжелые годы ни один двор не обязан был платить царских податей более 6 или 7 рублей, крестьянин вынуждаем был платить 13 и часто даже 15 рублей в год»⁵¹.

С началом войны положение стало хуже, чем прежде, так как многообразие способов взимания чрезвычайных налогов давало большие возможности для злоупотреблений и соблазн наживы оказался слишком силен даже для ближайших сотрудников Петра. «Такое угнетение страны продолжалось довольно долгое время, — свидетельствует Вебер, — отчасти потому, что сам царь мало бывал внутри государства своего, а отчасти и оттого, что не было никого, кто бы захотел открыть правде глаза и оскорбить вельмож, которые были в это замешаны. Наконец нашелся человек, который бедствия страны принял к сердцу ближе собственной опасности и отважился эти злоупотребления открыть царю... Это дало повод к огромному следствию, которое в начале 1715 года в Петербурге поручено было ведению... генерала Василия Долгорукого. В нем замешаны были все знатные лица государства: генерал-адмирал Апраксин, князь Меншиков, петербургский вице-губернатор Корсаков, обер-адмиралитетсгер Кикин, первый комиссар адмиралитета Синявин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, двое из Сенатской коллегии: князь Волконский и Алухтин, и бесчисленное множество царских чиновников второго и третьего чинов»⁵².

Было создано шесть «майорских канцелярий» — военных трибуналов, возглавляемых гвардейскими майорами. Эти трибуналы занимались расследованием злоупотреблений и судили сановных казнокрадов. Как в прежние времена, Петр пытался управлять страной с помощью своих верных преображенцев. «Таким образом в России дошло до того, что какой-нибудь почтенный член Сената, из важнейших родов государства, должен был являться перед лейтенантом и давать ему объяснения и ответы»⁵³. Указ, изданный 25 января 1715 г., приравнял казнокрадство к государственной измене⁵⁴. Петр рассматривал вскрывшееся воровство как измену ему лично. «Не знаю, кому теперь верить, все задумано, чтобы меня погубить, кругом одни предатели», — говорил он прусскому послу Мардерфельду⁵⁵. Иностранные дипломаты отмечали, что царь долгое время пребывал в угнетенном состоянии, но в конце концов решил отказаться от массовых казней — вместо этого он взялся за полное преобразование системы государственного управления⁵⁶.

Когда ресурсы оказываются исчерпанными, учит теория военной революции, приходит время совершенствовать административную и финансовую систему государства. Именно в этой обстановке Густав Адольф и Фредерик III создавали основанную на коллегиальном принципе систему военно-бюрократического управления. Коллегиальное принятие решений с открытым и протоколируемым обсуждением препятствовало развитию коррупционных влияний. Кроме того, совместное обсуждение способствовало выработке компетентных распоряжений. Андрей Остерман, один из ближайших советников Петра, комментировал принцип коллегиальности следующим образом: «Суть тут изрядно проступается... что один не ведает или не разумеет, другой объявит, и общими советами учинить могут»⁵⁷.

История введения коллегиального управления в России досконально изучена, и основные действующие лица этой реформы хорошо известны⁵⁸. «Кто же были те иноземцы, советам которых следовал Петр, вводя коллегиальное управление?» — спрашивал Э.Н. Берендтс и отвечал: «Уже давно известно, что таковыми были великий философ Лейбниц и... голштинец Генрих Фик»⁵⁹. Главную роль, конечно, играл авторитет Лейбница. Петр познакомился с великим философом в 1711 г. в Торгау; после этого они встречались еще четыре раза и провели в беседах много дней. Один из главных советов Лейбница заключался во введении коллегий, позволяющих установить слаженную работу

различных ведомств: «Ибо яко в часах одно колесо другим движется, тако и в больших статских часах один Коллегиум другим двигаться имеет» — так перевели московские писцы знаменитую фразу из письма Лейбница⁶⁰. Создание четко работающего административного механизма было одной из первостепенных задач военно-бюрократической монархии. Зная, что эта задача была уже решена в Швеции, Петр I послал туда Генриха Фика, и тот с риском для жизни раздобыл регламенты шведских коллегий, перевел их на русский язык и представил царю⁶¹. Однако Петр не удовлетворился этим, он сам взялся за дело: во время пребывания в Дании он собственноручно переписывал правила датских коллегий, а во Франции детально познакомился с французским административным устройством⁶². Шведский резидент с удивлением писал из Голландии, что «царь прилежно собирает всевозможные регламенты... общественных учреждений, которые им часто посещаются, и с большим вниманием все изучает... На заданный ему вопрос: “К чему он собирает упомянутые регламенты?” Он будто бы отвечал: “Чтобы убедиться, в чем я ошибался и постараться исправить”»⁶³. Более того, царь приказал переводить для него современные государственно-правовые трактаты. Любимым его пособием стал перевод книги Пуфендорфа «О должности человека и гражданина», который он с похоронной серьезностью читал вслух на светских вечерах⁶⁴. Должно быть, Петр зачитывал и то место, где Пуфендорф писал, что даже бедный простолюдин в Китае мог получить высокий пост, продемонстрировав свои знания⁶⁵.

В конечном счете Петр I решил создать коллегии по шведскому образцу⁶⁶. Одним из вопросов, особенно интересовавших Петра при введении коллегиального управления, был вопрос о том, следует ли предоставить молодым дворянам привилегии при поступлении на службу. Петр спросил у Генриха Фика, как решается этот вопрос в Швеции, и Фик дал на это классический ответ: «Порядок и манера, которыми молодое шляхетство к государственным службам и пристойным поступкам с молодых лет способно чиниться, состоит главнейше в воспитании сходно состоянию, в добром и благовременном обучении»⁶⁷. То есть дворяне могут передавать свое высокое положение, обеспечивая своим детям соответствующее воспитание и образование — и нет нужды в каких-либо законодательных привилегиях. Такой вывод вполне совпадал с принципом Петра I: «дворянство по годности считать»⁶⁸. Это означало, что «годный» простолюдин может стать дворянином, что старые понятия о «достоинстве» уже не соответствуют реальности и необходима «табель о рангах». Остерман, которому было поручено составить проект «табели», взял за образец соответствующий датский регламент, в котором дворянство давалось чиновникам начиная с третьего ранга. В последнем варианте проекта Остерман предложил давать дворянство чиновникам и офицерам начиная с шестого ранга. «Все служители российские или чужестранные, которые в шести первых рангах находятся... в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и аванжажах равно почтены быть», — гласил 10-й пункт таблицы в проекте Остермана⁶⁹. Петр собственноручно зачеркнул «шести» и написал «осьми», то есть предложил давать дворянство начиная с восьмого ранга⁷⁰. Позднее он включил в таблицу еще один пункт (ставший 14-м): «Кто из нижних чинов и каких-нибудь, кроме дворянства, произведен будет за службу до обер-офицерства, то есть до прапорщика... то оные и дети и наследники их имеют почтены быть дворянским достоинством»⁷¹. Таким образом, дворянином становился любой простолюдин, заслуживший первый офицерский чин. В то же время дворянство без заслуг теперь почти ничего не стоило: в новой системе управления имели значение только чины и ранги, а ранг можно было приобрести только за заслуги. «Однако ж мы для того никому какова ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут», — гласила 8-я статья «Табели».

В действительности «Табель о рангах» была лишь документальным оформлением принципов, которым уже давно следовал Петр I. «Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению или фамилии, но в каждом случае выдвигал за заслуги даже самых худородных плебеев», — писал Питер Брюс⁷². Австрийский посол Отто Плейер удивлялся эффективности этих методов: «Царь... храбрых офицеров не оставляет богатыми подарками и изъявлениями милости, а трусливых тяжело опалой, большими наказаниями и упорным нерасположением: такими средствами он внушил большинству русских господ самолюбие и соревнование»⁷³. Принцип повышения по заслугам воспринимался как удивительное открытие, и историки пишут о демократизации дворянства и о романтическом ореоле петровской эпохи⁷⁴. Но и китайские философы, на которых ссылались Пуфендорф и Х. Вольф, много писали о чудодейственной эффективности этого принципа⁷⁵.

Принцип повышения по заслугам был одним из основных принципов «регулярного государства», которое собирался построить Петр. Другим важным принципом было государственное регулирование. Теория государственного регулирования была разработана в трудах немецких камералистов, и, как писал Марк Раев, регламенты Петра I «являлись не чем иным как прямым копированием и переводом более ранних немецких административных правил»⁷⁶. В действительности при создании коллегий Петр переводил и копировал шведские регламенты, а влияние немецкого камерализма было более опосредованным. Тем не менее его можно заметить, например, в «Регламенте главному магистрату», где сказано, что, помимо охраны общественного порядка, полиция «принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, препятствует дороговизне, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призывает нищих, бедных, больных... воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках»⁷⁷. Таким образом, Петр заботился об «общем благе» с помощью полицейских предписаний — так же, как позднее это делали другие последователи немецкого камерализма, Фридрих Великий и Иосиф II Габсбург.

Однако в одном вопросе Петр I пошел гораздо дальше просвещенных монархов того времени. Русский царь не зря проводил дни и недели в беседах с Лейбницем. И Лейбниц не из праздного любопытства долго искал возможности познакомиться с Петром I. Для Лейбница коллегии и полиция были лишь средствами достижения цели, а цель подразумевала нечто неизмеримо большее: достижение всеобщего блага путем развития наук и искусств. «Я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширных государствах его величества... — писал Лейбниц Петру I. — Истинной целью науки состоит блаженство людей»⁷⁸. «Науки и искусства составляют настоящие сокровища человеческого рода, ибо посредством их искусство превозмогает природу... Я не находил только могущественного государя, который достаточно бы интересовался этим. Я надеюсь, что нашел такового в Вашем Величестве»⁷⁹.

Превозмочь природу, созданную Господом Богом, — это был неслыханный и дерзкий замысел. Он мог исходить только от великого ученого, который мог гордиться тем, что открыл законы природы. И теперь этот великий ученый предлагал великому монарху «план преобразования природы» в целях достижения «блаженства людей», притом план очень прагматичный и понятный любому непосвященному. По Лейбницу, необходимо было начать с издания технических руководств, которые содержали бы новейшие научные достижения в каждой отрасли и служили бы пособиями в создаваемых школах и университетах. Нужно было организовать Академию наук с лабораториями по механике, физике, химии, которые получали бы новые знания и указывали пути их практического применения. В задачу Академии входила также организация научных географических, этнографических и геологоразведочных экспеди-

ций. Берг-коллегия, которой подчинялись заводы и мануфактуры, должна была создавать новые производства и внедрять новые технологии. И, наконец, особая Коллегия наук должна была объединять всю деятельность по развитию и распространению научных достижений⁸⁰.

Лейбниц был поражен реакцией Петра: «Я не могу довольно удивиться живости и уму этого великого государя. Он со всех сторон собирает вокруг себя сведущих людей, и когда он с ними говорит, они совершенно поражены: с таким пониманием их дела он ведет с ними речь. Он осведомляется о всех механических новшествах, но главный его интерес основывается на всем, что относится к мореплаванию»⁸¹. Дело в том, что план Лейбница имел много общего со старой мечтой Петра — «сделать из России Голландию». Разница, однако, состояла в том, что Голландия развивалась сама собой, а Петр намеревался преобразовать Россию с помощью абсолютной власти — современные социологи называют это «диктатурой развития»⁸².

Следуя рекомендациям Лейбница, Петр I организовал перевод экономических и технических пособий, в том числе пособий по сельскому хозяйству⁸³. На базе Навигацкой школы была организована Морская академия — первый технический университет. «В целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына или другого родственника... — писал Вебер, — поэтому в Петербурге встречаешь этих молодых новобранцев из всех уголков и мест России»⁸⁴. Царь заставил учиться инженерному делу даже офицеров Преображенского полка⁸⁵. «Генерал-майор Геннинг отправился в Германию, Францию и Италию, чтобы... приобретать рисунки всякого рода полезных и любопытных машин и заказать там и постройку моделей с этих рисунков»⁸⁶. Петр пригласил Христиана Вольфа возглавить создаваемую Академию наук, и хотя Вольф отказался, он уговорил отправиться в Россию некоторых знаменитых ученых, в том числе Леонарда Эйлера.

Десятки указов Петра I были посвящены привлечению западных мастеров, созданию новых мануфактур и основанию заводов. «Можно без преувеличения утверждать, — отмечает Анисимов, — что в первой четверти XVIII в. в России произошел резкий экономический скачок, равный по значению и последствиям индустриализации советского периода»⁸⁷. Но более всего Петра интересовали географические проекты Лейбница: исследование новых земель и поиск путей в Китай и в Индию. По существу, это был все тот же план Витсена: ведь Витсен и Лейбниц были знакомы и делились своими идеями. Мираж Востока стоял перед глазами Петра даже в разгар Северной войны. «Он говорил о намерении потом начать войну с Персией, — писал в 1710 г. Грунд, — чтобы отнять у этого государства провинцию Гилян, расположенную на Каспийском море и отделенную от Персии большими горами... Тем самым он с лихвой возместил бы все расходы войны, ведь эта страна одного только шелка дает 3 тыс. тюков в год, а тюк продается в Амстердаме по цене до 800 ригсталеров»⁸⁸.

Экспедиции на Каспийское море и на поиски «реки в Индию» отправлялись одна за другой, а в 1719 г. была отправлена первая экспедиция для разыскания морского пути в Китай⁸⁹. Прорубив окно на Балтику и заключив мир со шведами, Петр приступил к реализации «каспийского проекта». В 1723 г. он направил войска в Персию и захватил «шелковую» провинцию Гилян. Голландским купцам было направлено приглашение открыть шелковую торговлю через Россию и обещана «всякая возможная помощь». Разрабатывались планы завоевания Закавказья, организовывались новые экспедиции по поиску дороги в Индию. «Петр был полон оптимизма, он считал, что стоит у ворот сокровищницы Азии»⁹⁰.

Однако внезапно все кончилось. 28 января 1725 года Петр Великий умер.

- Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».
1. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Дневниковые записи. В кн.: Рождение империи. М. 1997, с. 312.
 2. Там же, с. 319, 323—324; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 3. М. 2007, т. 4, с. 193.
 3. ПЕРРИ Д. Другое и более подробное повествование о России. — Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1871, № 2, с. 130—131.
 4. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958, с. 22, 23; ЛЕОНОВ О.Г., УЛЬЯНОВ И.Э. Регулярная пехота. 1698—1801. М. 1995, с. 50; ПСЗ-1. Т. 5. № 3006, с. 317.
 5. Цит. по: УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1858, с. 348.
 6. Цит. по: там же, с. 365.
 7. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 197.
 8. УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 333.
 9. БОБЫЛЕВ В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990, с. 32.
 10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 50, оп. 1, д. 7, л. 3об.
 11. VOTERBLOEM K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641—1716. London. 2013, p. 186.
 12. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 107, 108, 118.
 13. ПСЗ-1. Т. 3. № 1886, с. 181.
 14. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 114, 118; БУЛЫГИН И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М. 1977, с. 74—77, 103.
 15. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 91.
 16. Там же, с. 76, 120.
 17. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Ч. 4. М. 1937, с. 63.
 18. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 184—185; ЮРКИН М.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641—1716. М. 2007, с. 222.
 19. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII в. Канд. дисс. М. 2000, с. 97—98.
 20. МИЛЮКОВ С.Г. Неизвестное письмо А.А. Виниуса к Петру Первому. — Документ. Архив. История. Современность, 2010, вып. 10, с. 261.
 21. Там же, с. 260—262; МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк, с. 91—94; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., т. 4, СПб. 1863, с. 70—72; ХМЫРОВ М.Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого (1696—1725). — Артиллерийский журнал, 1865, № 10, с. 615—616.
 22. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб. 1887, с. 258.
 23. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 382.
 24. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк, с. 186—217.
 25. Там же, с. 222—251; VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 193—194.
 26. РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 9 (1708 г.), л. 3.
 27. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 7. М. 1991, с. 545.
 28. БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 249.
 29. ГАМЕЛЬ И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1828, с. 29.
 30. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 21.
 31. KONINGSBRUGGE VAN H. In war and peace: the Dutch and the Baltic in early Modern times. — Tijdschrift voor Skandinavistiek, 1995. vol. 16, № 2, p. 194—195.
 32. РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 8 (1703 г.), л. 2.
 33. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. 1996, с. 225.
 34. МАНШТЕЙН К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону. 1998, с. 405.
 35. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 240, 242.
 36. Цит. по: там же, с. 239.
 37. Цит. по: там же, с. 263.
 38. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 141.
 39. Там же, с. 141, 210.
 40. ЭРЕНМАЛЬМ Л.Ю. Описание города Петербурга вкуче с несколькими замечаниями. В кн.: БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 95.
 41. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 287.
 42. ВОЛКОВА И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России. — Вопросы истории, 2006, № 3, с. 40.
 43. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие Радищева. М. 1983, с. 27.
 44. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 295.

45. ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 188—189.
46. ПСЗ-1, т. 5, № 3006, с. 351.
47. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 91.
48. ПСЗ-1, Т. 5, № 3006, с. 325.
49. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 180.
50. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 341.
51. ВЕБЕР Ф. Записки Фридриха Вебера о Петре Великом. — Русский архив, 1872, с. 1136—1137.
52. Там же, с. 1121—1122.
53. Там же, с. 1430.
54. ПСЗ-1, т. 5, № 2877.
55. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 383.
56. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1110; ФОККЕРОДТ И.Г. Россия при Петре Великом. В кн.: Неистовый реформатор. М. 2000, с. 36.
57. РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 16, л. 51об.
58. PETERSON С. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Stockholm. 1979.
59. БЕРЕНДТС Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб. 1891, с. 4.
60. ВОСКРЕСЕНСКИЙ Н.А. Законодательные акты Петра I. М.-Л. 1945, с. 279.
61. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Генрих Фик и его участие в реформах Петра Великого. В кн.: Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк. 2000, с. 5—18.
62. БАГГЕР Х. Реформа Петра Великого в России. В кн.: Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М. 1999, с. 121—155.
63. Извлечения из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса (Preis) о пребывании Петра Великого в Голландии. — ЧОИДР, 1871, № 2, с. 4—5.
64. БАГГЕР Х. Ук. соч., с. 138.
65. DEMEL W. China in European political thought, 1570—1750. In: China and Europe: Images and influences in 16th—18th centuries. Hong Kong. 1991, p. 55—57.
66. ПСЗ-1, т. 5, № 3197, с. 564.
67. РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 18, л. 6.
68. ПСЗ-1, т. 7, № 4589.
69. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 391об.
70. Там же.
71. Там же, ф. 370, оп. 1, д. 17, л. 4об.
72. БРЮС П.Г. Из «Мемуаров». В кн.: БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 184.
73. ПЛЕЙЕР О.А. О нынешнем состоянии государственного управления в России. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 399.
74. ВОЛКОВА И.В. Ук. соч., с. 41; БАГГЕР Х. Ук. соч., с. 147.
75. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). М. 1993, с. 185—186.
76. РАЕВ М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме. В кн.: Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара. 2000, с. 61.
77. ПСЗ-1, т. 6, № 3708.
78. Цит. по: ГЕРЬЕ В. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб. 2008, с. 648.
79. Там же, с. 702.
80. Там же, с. 648, 690—691.
81. Там же, с. 751.
82. ДЕРЛУГЬЯН Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М. 2013, с. 55.
83. ЛЬВОВ А.Н. Попытки Петра I к распространению среди русского народа научных и сельскохозяйственных знаний. — ЧОИДР, 1892, № 1, с. 1—8.
84. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1415.
85. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 2, ч. 2, д. 55, л. 40—41.
86. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1691.
87. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 121.
88. ГРУНД Г. Доклад о России в 1705—1710 годах. М. 1992, с. 145.
89. ПСЗ-1, т. 5, № 2993, № 3205, с. 207.
90. АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 428.

Советские газеты в годы Великой Отечественной войны

С.В. Шпаковская

Любая война с момента изобретения печатного станка это еще и война информационная. Поскольку на 22 июня газеты были напечатаны заранее, сразу с началом Великой Отечественной к ним были тут же выпущены бюллетени, в которых было напечатано «Выступление по радио заместителя председателя Государственного Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова» от 22 июня 1941 г. о нападении фашистской Германии на СССР и начале войны. Вместе с выступлением Молотова были напечатаны указы Президиума Верховного Совета СССР об установлении военного положения в некоторых местностях СССР и о мобилизации военнообязанных по ряду военных округов ¹.

В газетах сообщалось и о реакции жителей различных областей страны на вражеское вторжение. Например, в пензенском бюллетене областной газеты «Сталинское знамя» в статьях «На предприятиях Кузнецка», «Митинг в селе Анненково», «Готовы дать сокрушительный отпор» были напечатаны материалы о многолюдных митингах и выступлениях на них представителей местной власти, интеллигенции, рабочих, крестьян, принятых патриотических резолюциях, готовности жителей города и области идти добровольцами на фронт. Местные материалы тут же дополнялись материалами ТАСС.

Разумеется, вся «политкорректность» советских газет и прогерманская риторика, имевшие место в отношении гитлеровской Германии после подписания «Пакта Молотова—Риббентропа» были тут же отброшены. Так, например, в публицистическом памфлете В. Юнеева «Собака, показавшая зубы» нападение Германии на Советский Союз изображалось как страшное преступление, а на примерах отечественной истории показывалось, что русский народ всегда воздаст агрессору по заслугам ².

Ежедневный выход «Сталинского знамени» возобновился 24 июня 1941 г. и продолжался до конца войны. Каждый номер, почти каждая полоса газеты открывались лозунгом, цитатой из выступлений И.В. Сталина или Молотова. Многие заголовки носили характер «лозунгов-заклинаний»: «За Родину, за Сталина!» ³, «На провокационный удар врага советский народ ответит могучим

Шпаковская Светлана Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного университета.

тройным ударом», «Во главе с Великим Сталиным могучий советский народ сметет с лица земли фашистских варваров!»⁴, «Под водительством Сталина — на разгром врага!»⁵. Здесь же была опубликована и первая сводка Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 г., сообщавшая о том, что нашими войсками в этот день было сбито 65 самолетов противника, а его удары практически повсюду были отражены⁶.

На четвертой странице помещалось «Выступление Черчилля по радио», в котором он говорил, что «мы окажем России и русскому народу любую помощь, какую только сможем» и что «опасность для России является и нашей опасностью и опасностью для США...»⁷. Днем позже было опубликовано заявление президента США Рузвельта о помощи Советскому Союзу и снятии секвестра с советских фондов⁸, введенного после нападения СССР на Финляндию осенью 1939 г. одновременно с исключением его из Лиги наций. Не обошлось и без заметок о том, что в Румынии наблюдается тяжелое положение крестьян, в Венгрии водой залиты посевы пшеницы, а в Италии спекулируют продовольствием⁹.

Наряду с местными материалами были опубликованы дополнявшие их по смыслу статьи известных людей страны: академика П.Л. Капицы («Сталин приведет нас к верной и окончательной победе»), Героя Советского Союза летчика М.М. Громова («Враг будет разбит»), академика Е. Тарле («Губители человеческой культуры») и других авторитетных лиц¹⁰.

Первые фронтовые корреспонденции представляли собой перепечатки из центральных газет. А вот свидетельствовали они, прежде всего, о крайне низком профессиональном уровне их авторов. Так, в материале «Атака танков» М. Рузова от 25 июня (перепечатка из газеты «Известия») сообщалось о том, что наш танкист-пулеметчик, находясь в танке, был ранен осколком снаряда¹¹. Об этом не следовало писать, хотя бы уже потому, что танки в принципе не должны пробиваться осколками снарядов, и эта была как раз та самая «правда», о которой вполне можно было бы умолчать.

Здесь же был опубликован рассказ пленного немецкого летчика, заявившего, что «с русскими воевать не хотим, деремся по принуждению, война надоела, за что деремся, не знаем» и данные о потерях Красной Армии за 22—24 июня, где сообщалось, что советская авиация потеряла, главным образом на аэродромах, 374 самолета, а у противника уничтожен 161 самолет в воздухе и 200 на аэродромах¹². Согласно данным сводки Главного Командования Красной Армии за 23 июня, «на Шауляйском направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника». Авиация «вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные объекты от воздушных атак противника и содействуя контратакам наших войск». Сообщалось также о том, что «за 22 и 23 июня нами взято в плен около пяти тысяч германских солдат и офицеров»¹³.

В Сводках Совинформбюро, заменивших сообщения Главного командования Красной Армии, с первых дней войны регулярно подводились итоги военных действий, которые, опять-таки были не в пользу противника. Причем манера подачи материалов при этом сохранялась точно такая же, что и при освещении событий в Испании в 1936—1939 годах. То есть наши войска повсеместно имели успех, солдаты и офицеры РККА действовали с высокой эффективностью, а противник нес большие потери. Сообщалось, что «советские войска, несмотря на их позднее развертывание, продолжают защищать советскую землю, нанося врагу жестокие удары»¹⁴, что потери германской армии за первые три недели войны были поистине угрожающие: «Советская авиация, которую гитлеровские хвастуны еще в первые дни войны объявили разбитой, — по уточненным данным уничтожила более 2300 немецких самолетов и продолжает

систематически истреблять самолеты противника... Немецкие войска потеряли более 3000 танков. За этот же период мы потеряли 1900 самолетов и 2200 танков»¹⁵. Однако в итоге становилось непонятно, почему после всех этих успехов советские войска отступают все дальше и дальше, а германская армия, состоящая в основной своей массе из солдат, которые «не хотя воевать», продолжает успешно наступать.

Естественно, что статьи и сообщения о положении дел на советско-германском фронте помещались на первой полосе и здесь же печатались постановления и указы правительства, сообщалось о важнейших событиях в политической жизни и международных отношениях СССР. Однако международная жизнь освещалась на последней, четвертой, полосе рядом с объявлениями, репертуаром театра драмы и кинотеатров. При этом показательно, что уже в первые дни войны в газетах появилось сообщение о выходе на экраны кинофильма «Александр Невский», героическая тема и патриотический настрой которого были в это время очень актуальны. На четвертой полосе также давались консультации «Как строить бомбоубежище», «Новый порядок обучения нормам ПВХО»¹⁶, «Как потушить зажигательные авиационные бомбы и пожары от них в населенных пунктах»¹⁷. Подъему патриотических настроений должны были служить статьи о том, как женщины заменяют ушедших на фронт мужчин, а, например, колхозники Марийской АССР досрочно оплачивают облигации займа¹⁸.

Подвалы четвертой полосы нередко отводились под небольшие рассказы и публицистические эссе. Причем в этих материалах звучала критика фашизма как явления, совершенно исчезнувшая из содержания советских газет после 23 августа 1939 года. «Затаенные мысли трудящихся Германии»¹⁹, «Странатюрма»²⁰, «Голод в фашистской Германии»²¹ в пропагандистских целях рисовали исключительно мрачную картину бытия германского народа, что, с одной стороны, отвечало чаяниям и надеждам советских граждан, но с другой, также не могло не порождать «вопросов без ответов». При этом тут же сообщалось про обилие продуктов на киевских рынках²². Газеты даже писали, что германская печать расхваливает конину, собачье и кошачье мясо, «парафиновое масло» и «древесный маргарин» — то есть образ «ненавистного врага» лепился слишком уж примитивно.

Большое внимание уделяла местная печать поддержанию боевого духа с помощью публикации материалов на исторические темы. О победах русского оружия в минувших войнах и о героизме русского народа рассказывали такие статьи, как «Народный полководец» (о А.В. Суворове), «Разгром Наполеона», «Подвиг Сусанина», «Ледовое побоище». Причем последняя статья повествовала о том, как «вооруженные домашними топорами, рогатинами, луками с деревянными стрелами» простые крестьяне и ремесленники побивали «псов-рыцарей»²³, что было явным искажением исторических реалий, отраженных в текстах древнерусских летописей, которые в то время были уже изданы. Аналогичным образом трактовался и разгром рыцарских войск Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве. Автор статьи всю славу победы в этом сражении приписал исключительно трем русским полкам, в то время как «литовцы с поля сражения бежали», а «польские войска заколебались»²⁴. Подъему патриотического духа должны были способствовать и публикуемые в газете тексты таких песен, как «Семен Буденный», «Бейте с неба, самолеты!», «Кликнул войско Ворошилов». Был напечатан даже «отрывок из «народной сказки» «Жив Чапаев!»²⁵.

Главная задача советской периодической печати всех уровней в годы Великой Отечественной войны заключалась, прежде всего, в том, чтобы сформировать зримый образ врага, вызвать чувство ненависти к оккупантам. Основной темой, вокруг которой формировался этот образ, стали публикации о чудовищных зверствах фашистов на территории СССР. Сообщения об изде-

вательствах гитлеровцев над гражданским населением²⁶ и над советскими военнопленными²⁷ появились в первые же дни войны. Однако и здесь совершенно явно прослеживается определенный «социальный заказ», причем реализуемый слишком уж примитивно. Так, например, во всех публикациях об издевательствах германских фашистов над советскими военнопленными те попадали к ним ранеными. «Вывавшийся из немецкого плена сержант И. Карасев... стал свидетелем расправы над ранеными пленными красноармейцами...»²⁸. Получалось, что здоровые бойцы Красной Армии в плен не попадали, а тяжелораненые даже в таком состоянии бежали из плена, как это сделал, например, «тяжелораненый красноармеец Фесенко на берегу реки П»²⁹.

В данном случае необходимо отметить еще одну важную деталь: материалов об освобождении из плена бывших бойцов Красной Армии в газетах практически не было. Например, в 1943 г. в сводках Совинформбюро появилось всего лишь два сообщения об освобождении наших солдат из немецкой неволи³⁰. В 1945 г. пресса упоминала о бывших советских военнослужащих, возвращающихся из немецкого плена, вскользь, в статьях, посвященных освобождению узников лагерей³¹. Значительно больше внимания уделялось судьбам советских граждан, угнанных в Германию³².

Интересно, что в конце войны советские газеты начали публиковать материалы, имевшие своей целью создание отрицательного образа уже не только военных, но и гражданского населения Германии. После того, как наши войска вступили на немецкую территорию, оказалось, что мирные немецкие граждане отнюдь не пребывали в полной нищете, голоде и холоде, как об этом писали в советских газетах в начале войны.

Напротив, газеты писали, что они обогащались за счет населения оккупированных государств³³. Их квартиры были буквально забиты «вещами и продуктами, которые немецкая армия грабила во всех городах Европы»³⁴, а что касается солдат немецкой армии, оказавшихся в плену в США, то они продолжали бесчинствовать даже там³⁵.

О военных действиях в Европе советская пресса сообщала сухо и бесстрастно³⁶, а вот о местных партизанах — эмоционально и пафосно³⁷. Подчеркивалось, что на оккупированных территориях вспыхивают антифашистские восстания³⁸, а в борьбу против оккупантов включаются все слои населения, включая интеллигенцию³⁹, и даже иностранные рабочие на заводах в Германии и те постоянно занимаются саботажем⁴⁰. То есть, иными словами характер подачи материалов о жизни за рубежом в советской печати с 1930-х гг. нисколько не изменился и всецело зависел от развития внешнеполитического курса самого СССР.

Однако особой популярностью среди советских журналистов, равно как и санкционировавших появление таких материалов руководителей, пользовались свидетельства взятых в плен, либо перебежавших на нашу сторону солдат вермахта, а также найденные на телах убитых немецких солдат и их союзников написанные домой письма. Так, едва ли не в каждой сводке Совинформбюро, уже в самом начале войны появлялись заявления немецких солдат, сдававшихся в плен буквально в первые же часы военных действий. Первым таким перебежчиком стал бывший солдат немецкой армии Альфред Лискофф⁴¹, воззвание которого к германским солдатам было напечатано во всех советских газетах. В нем сообщалось, что «германский народ ждет мира», что германская армия воевать с СССР не хочет, и только «палка офицера, угроза расстрела заставляет немецкого солдата воевать, но он не хочет этой войны, он жаждет мира, как жаждет этого мира весь германский народ»⁴².

29 июня 1941 г. на страницах газеты «Сталинское Знамя» было опубликовано еще одно воззвание. Теперь добровольно прекратить войну и сдаться в плен предлагали летчики Ганс Герман, Ганс Кратц, Адольф Аппель и Виль-

гельм Шмидт, перелетевшие линию фронта на своем бомбардировщике Юнкерс-88⁴³. При этом в сообщении, чтобы лишний раз подчеркнуть его достоверность, назывались даже города, откуда эти летчики были родом. Подобная правдивость с их стороны выглядит делом крайне безрассудным и удивительным, поскольку они не могли не знать, что их родственники будут немедленно подвергнуты репрессиям со стороны гестапо. Их примеру последовал Пауль Гофбауэр — ефрейтор-бортмеханик бомбардировщика Ю-88⁴⁴. А дальше сообщения о немецких солдатах и их союзниках, добровольно сдававшихся в плен бойцам Красной Армии, в сводках Совинформбюро появлялись регулярно⁴⁵. Все они были выдержаны в одном ключе и имели цель убедить советских граждан в том, что военные действия на территории Советского Союза скоро прекратятся, а победа в войне с фашизмом придет достаточно быстро. Все пленные со страниц советской прессы единогласно заявляли, что воевать они не хотят, «война надоела»⁴⁶, «спровоцированная Гитлером война приносит всем народам Европы, в том числе и германскому народу, только несчастья и смерть»⁴⁷. В войсках гитлеровских союзников, судя по материалам советских газет, солдат били стальными плетками и приковывали к пулеметам, чтобы заставить воевать, но они по войскам Красной Армии «не выпустили ни одной пули»⁴⁸, а сами немцы сбрасывали бомбы так, «чтобы они не причинили вреда»⁴⁹.

Дополнялись все эти нелепости письмами немецких солдат, убитых или раненых на поле боя. По-видимому, считалось, что это, с одной стороны, поможет укрепить дух народа в его борьбе с фашистскими захватчиками, а с другой, — создать выразительный образ врага. Из этих писем советские граждане узнавали, что в армии противника царят пораженческие настроения⁵⁰, к тому же ей были присущи такие глубокие изъяны, как отсутствие военной дисциплины, слабость и трусость военнослужащих⁵¹, боязнь военных тягот и лишений⁵², сбой в снабжении продовольствием⁵³, а уж моральный климат в среде немецких солдат был просто удручающим⁵⁴.

В письмах солдат с фронта рисовались яркие картины безысходности и отчаяния солдат германской армии, столкнувшихся в схватке с таким непобедимым противником, как РККА. Уже с первых дней войны, судя по содержанию, их авторы осознали, что «Красная Армия вооружена техникой, ничем не уступающей нашей»⁵⁵, «русские лучше и надежнее обмундированы для зимы... Трудности походов они переносят лучше... Командиры храбры и располагают большим опытом»⁵⁶, а сами солдаты германской армии без танков «не солдаты, а какие-то пугливые кролики»⁵⁷. Кроме того, военнослужащим германской армии часто приходилось голодать и испытывать другие тяготы и лишения походной жизни⁵⁸. На самом деле, многие солдаты и офицеры немецкой армии посылали своим родственникам, друзьям и близким письма совсем другого содержания. Воспитанные системой немецкой пропаганды на чувстве расового превосходства, они относились к населению СССР как к «недочеловекам» и, соответственно, так об этом и писали⁵⁹.

Особенно много «трофейных писем» появилось в советской печати в 1943 г. после Сталинградского сражения⁶⁰. Судя по их содержанию, солдаты немецкой армии были доведены до такого состояния, что вынуждены были есть собак и кошек⁶¹. И хотя, вне всякого сомнения, такие факты имели место в действительности, в частности среди частей вермахта, окруженных в «Сталинградском котле», они никоим образом не были массовым явлением, то есть не были тем, чем их постоянно пыталась представить советская пропаганда. Поэтому, выдавая единичное за всеобщее, она постоянно оказывалась перед необходимостью впоследствии корректировать свои же собственные сообщения, а поскольку подобная корректировка не производилась, количество взаимоисключающих друг друга фактов накапливалось в печатных изданиях как «снеж-

ный ком» и, безусловно, люди не могли не обращать на это внимание. К тому же оказавшись на фронте, советские граждане сразу видели несоответствие того, о чем они читали в газетах в тылу, с тем, что реально находилось у них перед глазами, что также подрывало у них доверие к пропаганде или, по крайней мере, заставляло относиться к ней скептически.

Необходимо отметить, что пик публикаций писем немецких солдат в советской прессе приходился на 1941—1942 гг., то есть на наиболее сложный для нашей армии период. В 1943 г. такие письма печатались все реже, а в 1944—1945 гг. исчезли со страниц нашей прессы совсем, уступив место устным показаниям пленных солдат германской армии.

Одновременно с письмами немецких солдат домой советские газеты публиковали и письма гражданского населения Германии своим родным и близким, воюющим на Восточном фронте. Читая эти письма, советские граждане могли узнать, насколько была тяжела жизнь в Германии, и, следовательно, сделать вывод о том, что крах военной гитлеровской машины дело скорого времени. В письмах сообщалось, что в Германии женщины и дети страдают от холода и голода⁶², а «среди детей свирепствуют различные заболевания»⁶³. С 1943 г. в письмах немецкого гражданского населения стали появляться известия о последствиях бомбардировок германских городов самолетами британских ВВС⁶⁴. Причем публикации писем немецкого гражданского населения из тыла были популярны в советской прессе опять же только до 1943 г., а уже в 1944—1945 гг. практически не появлялись.

Для создания картины бедственного положения населения Германии с первых дней войны, помимо писем из тыла, советские центральные и местные газеты использовали «сообщения из немецких газет» о том, что продовольственное положение Германии «становится угрожающе плохим. Полуголодные пайки ежемесячно сокращаются... В городах участились случаи заболевания цингой»⁶⁵. Затем пессимизм статей о Германии вырос еще больше⁶⁶. Печатались материалы о том, что «в германской промышленности обнаруживаются признаки настоящего распада»⁶⁷, «повсюду царит ужасная усталость»⁶⁸. Соответственно все заявления гитлеровской пропаганды о том, что за пять месяцев войны германскими войсками было захвачено 3 млн 806 тыс. советских пленных, всячески высмеивались, причем указывалось, что все потери советских войск за то же время составили 520 тыс. человек. При этом сами немцы, как отмечалось в заметке-опровержении, потеряли более 15 тыс. танков, 19 тыс. орудий и около 13 тыс. самолетов, что, понятно, совершенно не соответствовало действительности⁶⁹. По сообщениям же Совинформбюро с 22 июня по 31 декабря 1941 г. немцами был потерян 5191 танк и САУ⁷⁰.

Не способствовало укреплению доверия к советской пропаганде и то, что как только Германия напала на Советский Союз, вся прежняя прогерманская риторика изменилась на прямо противоположную, а Британия и США из поджигателей новой империалистической войны превратились едва ли не в лучших друзей нашей страны. Оказалось, что «озверелый германский фашизм находится в окружении великих демократических держав, и на индустриальном фронте ему противостоит могучая оборонная промышленность Советского Союза, военная индустрия Великобритании и доминионов, и быстро растущая мощь Соединенных Штатов Америки»⁷¹. Советские газеты печатали статьи, из которых можно было узнать о том, что народ Великобритании в единомысленном порыве поддерживал советских людей в их борьбе против захватчиков и организовывал митинги⁷². Появились фотографии из цехов английских военных заводов, буквально сплошь заставленных танками⁷³. При этом одновременно сообщалось, что в честь побед Красной Армии и заключения соглашений между СССР и Великобританией британцы устраивают народные гуляния⁷⁴. Дру-

гие материалы имели своей целью создать положительный образ британских военнослужащих⁷⁵ и рассказать о том, что рядовое население США и Великобритании проявляет к жизни в нашей стране самый живой интерес⁷⁶.

Приоритетной темой большинства публикаций о США в 1941—1945 гг. стало наращивание их военной мощи. Советские центральные и областные газеты регулярно информировали население о расширении военного производства в этой стране, приводя цифры и детали, поражающие советских читателей своей точностью, вплоть до количества произведенных боевых самолетов и кораблей⁷⁷. Так же обстояло дело и с публикацией в советских центральных и областных газетах официального сообщения о поставках в СССР по ленд-лизу⁷⁸, где были раскритикованы данные не только о количестве поставленного нам вооружения, боеприпасов, продовольствия и сотнях тысяч автомобилей, но и миллионах пар обуви из США, Англии и Канады. Причем публикация этих последних данных за год до конца войны не может быть объяснена ничем иным, как стремлением оказать психологическое воздействие как на свое собственное население — «вот как много нам всего поставляют, весь капиталистический мир за нас», так и на наших противников — пусть видят какова наша мощь и какую помощь нам оказывают наши англо-американские союзники.

При этом пропаганда военно-технических достижений США, равно как и их научного потенциала, носила в советской печати поистине всеобъемлющий характер. Не только на страницах центральных и местных газет, но и в самых различных журналах сообщения о перспективных разработках и научных открытиях, сделанных в этой стране, печатались практически из номера в номер. Газета «Сталинское знамя» стала помещать фотографии новейших американских боевых кораблей, и, в частности, линкора «Вашингтон» водоизмещением 35 тыс. т, еще до того, как США подверглись нападению со стороны Японии и превратились в участника войны и союзника СССР⁷⁹.

При этом пропаганда дополнялась жизненным опытом самих граждан СССР, а также солдат и офицеров, непосредственно владевших информацией по этому вопросу, так как в ходе войны они постоянно сталкивались с техникой и вооружением, поставлявшимися из Англии и США. Это были танки, артиллерия, знаменитые «джипы», «доджи» и «студебеккеры», самолеты, радиостанции, колесно-гусеничные бронетранспортеры (которых промышленность СССР не выпускала), в то время как ПВО Москвы осуществляли английские истребители «Спитфайр». Из США в СССР поставлялся высококачественный авиационный бензин и технические алмазы, многотонные прессы, штамповавшие башни лучшего танка второй мировой войны — советского Т-34, многие виды ценного военного сырья и металлопроката. Все это подтверждало информацию из газет и журналов о том, что США — это самая передовая во всех отношениях страна и то, что о ее достижениях сообщают газеты, — это все абсолютная правда.

Таким образом, именно советская пресса создала вокруг США ореол могущественной в техническом отношении и высокоразвитой державы, с которым ей же и пришлось бороться в период преследований «низкопоклонства перед Западом», когда в противовес «тлетворному» влиянию Запада, в Советском Союзе развернется борьба за приоритеты в научных и географических открытиях, в технических изобретениях и культурных достижениях.

Таким образом, в годы войны совершенно упускалось из вида, что США и Англия по-прежнему остаются странами с отличным от СССР общественным и экономическим строем и что сегодняшний друг может стать завтра врагом, что очень скоро и подтвердилось. Однако советские руководители видимо свято верили во всемогущество, как своей газетной пропаганды, так и репрессивных органов, и считали, что все издержки неумелого информирования населе-

ния с их помощью могут быть успешно преодолены, поэтому никакая «похвала» столь могущественному союзнику в этом плане именно сейчас не чрезмерна. Так, в 1943 г. в советской прессе появились публикации, посвященные десятилетию установления дипломатических отношений между СССР и США, крайне оптимистичные по своему содержанию. В них, в частности, отмечалось, что «советско-американские отношения на протяжении этих 10 лет становились все более дружественными», и «американцы могут радоваться той программе дружбы с Россией, которую президент Рузвельт начал проводить 10 лет тому назад»⁸⁰. Причем, разумеется, ни о какой революции, которая должна была вот-вот вспыхнуть в США, советская пресса уже не сообщала. Зато о том, что перспективы дружественных отношений между США и Советским Союзом в послевоенное время весьма благоприятны⁸¹, газеты писали теперь постоянно. В целях усиления симпатий к гражданам США в них сообщалось, что американцы очень интересуются советской культурой⁸², восхищаются успехами советской медицины⁸³ и даже стали отмечать у себя памятные для граждан СССР даты⁸⁴.

Впрочем, следует отметить, что советские газеты в годы войны, как и в предыдущее время, очень чутко реагировали на малейшие нестыковки, возникшие на внешнеполитической арене. Появление любых противоречий между СССР и США сразу вызывало на страницах советских газет публикации критического содержания. Так, в 1945 г. они вновь начали печатать материалы о бедственном положении американских трудящихся⁸⁵, когда позиции наших стран не совпали по вопросам послевоенного мироустройства.

Затем стали появляться критические материалы о якобы имевших место антисоветских публикациях в американской и европейской прессе⁸⁶, содержание которых шло вразрез с создаваемым в те годы советским правительством образом нашей страны как демократического государства и государства-миротворца. Например, сообщалось о том, что «с упорством, достойным лучшего применения, американская газета “Нью-Йорк Таймс” неоднократно заявляла, будто в Болгарии, Румынии и Венгрии имеют место “тоталитарные режимы”»⁸⁷. Публиковались статьи об антисоветских настроениях среди ряда американских и британских политиков⁸⁸. Однако в то время подобные заметки на страницах советских газет появлялись еще нечасто.

Если в довоенное время советские газеты рисовали главным образом картину тотальной ненависти капиталистов к СССР, то теперь создавалась уже другая картина. Подчеркивалась безграничная любовь народов всего мира к первой социалистической державе. Об этом свидетельствовали такие материалы, как отклики зарубежной прессы, обширность географии которых производила очень сильное впечатление⁸⁹, а главное — из-за того, что это были отклики, опубликованные в прессе, создавалось впечатление их полной достоверности, равно как и всех других, публикующихся в газетах статей. Прежде всего, это касалось тех материалов иностранных газет, в которых говорилось об успехах наших войск в военных действиях против гитлеровцев⁹⁰, причем особенно много их появилось в 1941—1942 годах. Из них советские люди узнавали, что «у русских имеются миллионы солдат и колоссальные ресурсы, их армия крепнет с каждым днем»⁹¹, что «Красная Армия гонит немцев с родной земли... Россия по-прежнему остается единственным фронтом, с которого поступает благоприятная информация»⁹². Причем непобедимость, судя по материалам советских газет, признавали даже японцы и румыны⁹³. А техническое и военное оснащение нашей армии уже в самом начале войны «превзошло все ожидания»⁹⁴ зарубежных журналистов. Необходимо отметить тот факт, что на страницах газет никогда не появлялись материалы зарубежной прессы с критическими замечаниями по поводу ведения Красной Армией военных действий.

Зато в период, когда наши войска испытывали военные неудачи, никаких откликов зарубежной печати о ходе войны на нашей территории не печаталось вообще.

Подводя итоги, можно сказать, что свою пропагандистскую функцию советская печать на всех уровнях в целом выполнила, но публикации осуществлялись на низком профессиональном уровне и зачастую вызывали больше вопросов, чем давали ответов.

Примечания

1. Бюллетень газеты «Сталинское знамя». 23 июня 1941, с. 1.
2. Там же, с. 1.
3. Сталинское Знамя. 24 июня 1941, № 146, с. 1.
4. Там же, 26 июня 1941, № 148, с. 2.
5. Там же, 21 июля 1941, № 170, с. 1.
6. Там же, 24 июня 1941, № 146, с. 1.
7. Там же, с. 4.
8. Сталинское Знамя. 26 июня 1941, № 148, с. 4.
9. Там же, 24 июня 1941, № 146, с. 4.
10. Там же, 25 июня 1941, № 147, с. 2.
11. РУЗОВ М. Атака танков. — Сталинское Знамя. 26 июня 1941, № 148, с. 1.
12. Там же, 26 июня 1941, № 148, с. 1.
13. Известия. 24 июня 1941, № 147, с. 1; Сталинское Знамя. 25 июня 1941, № 147, с. 1.
14. Известия. 1 июля 1941, № 153, с. 1.
15. Там же, 15 июля 1941, № 153, с. 1.
16. Сталинское Знамя. 9 июля 1941, № 159, с. 4.
17. Там же, № 160—163.
18. Мужа зовет под знамена война: встанет к станку патриотка — жена. — Сталинское знамя. 1 июля 1941, № 152, с. 3; Колхозники досрочно оплачивают облигации Займа Третьей Пятилетки. — Там же, 26 июня 1941, № 148, с. 4.
19. Там же, 29 июня 1941, № 151, с. 4.
20. Там же, 1 июля 1941, № 152, с. 4.
21. ЛИДИН Ю. Голод в фашистской Германии. — Сталинское Знамя. 29 июля 1941, № 174, с. 2.
22. Там же, 26 июня 1941, № 148, с. 4.
23. Там же, 29 июня 1941, № 151, с. 3.
24. РУБЕН С. Разгром немцев под Грюнвальдом. — Сталинское Знамя. 13 июня 1941, № 163, с. 4.
25. Там же, 29 июня 1941, № 151, с. 3.
26. Известия. 17 июля 1941, № 167, с. 1; Немецко-фашистские зверства в Бресте и Минске. — Там же, 10 августа 1941, № 188, с. 1; Лицо гитлеровской армии. — Там же, 31 августа 1941, № 206, с. 3; Проклятие. — Правда. 10 января 1942, № 10, с. 3.
27. Известия. 4 августа 1941, № 183, с. 1; 11 сентября 1941, № 215, с. 2; Издевательства гитлеровцев над советскими военнопленными в Норвегии. — Правда. 3 января 1942, № 3, с. 4; Зверское обращение немцев с советскими военнопленными. — Там же, 10 января 1942, № 10, с. 4; Фашистские мерзавцы сжигают пленных красноармейцев. — Там же, 13 января 1942, № 13, с. 3.
28. От Советского Информбюро. — Сталинское Знамя. 12 июля 1941, № 162, с. 1.
29. Там же, 27 июля 1941, № 175, с. 1.
30. Правда. 14 января 1943, № 14, с. 3; 4 августа 1943, № 193, с. 1.
31. Из немецкой неволи. — Там же, 5 марта 1945, № 55, с. 3.
32. Там же, 23 февраля 1943, № 54, с. 2; 12 марта 1943, № 69, с. 1; 14 мая 1943, № 123, с. 1; 22 мая 1943, № 130, с. 1; 17 июня 1943, № 152, с. 1; 16 августа 1943, № 204, с. 1; 9 марта 1944, № 59, с. 4; Насильственно угнанные советские люди не покоряются гитлеровским извергам. — Там же, 16 марта 1944, № 65, с. 4; Советские граждане возвращаются из румынской неволи. — Там же, 19 октября 1944, № 251, с. 4.
33. ШИЛКИН В. В Германии. — Сталинское Знамя. 28 февраля 1945, № 41, с. 1.
34. ПОЛЕВОЙ Б. В немецких домах. — Правда. 16 марта 1945, № 64, с. 3.
35. Расследование вопроса о поведении немецких военнопленных в США. — Там же, 16 февраля 1945, № 40, с. 4.

36. См., например: Сталинское Знамя. 12 января 1941, № 10, с. 4; 14 января 1941, № 11, с. 4; 15 января 1941, № 12, с. 4; 16 января 1941, № 13, с. 4.
37. Европа в борьбе против Гитлера. — Правда. 19 января 1943, № 19, с. 4; Партизанское движение — серьезная угроза тылам гитлеровской армии. — Там же, 8 июля 1943, № 170, с. 4.
38. Югославские крестьяне саботируют мероприятия оккупантов. — Правда. 9 июля 1943, № 171, с. 4; Антигерманские демонстрации в Дании. — Там же, 21 июля 1943, № 181, с. 4; Антигитлеровские демонстрации в Копенгагене. — Там же, 18 июля 1943, № 178, с. 4; Антигерманские выступления в Лионе. — Там же, 20 августа 1943, № 207, с. 4; Вооруженное столкновение между населением города Яссы и германскими войсками. — Там же, 4 марта 1944, № 55, с. 4.
39. Интеллигенция оккупированных стран в борьбе с гитлеризмом. — Правда. 29 ноября 1943, № 294, с. 4.
40. Саботаж иностранных рабочих в Германии. — Там же, 2 марта 1944, № 53, с. 4; Массовое бегство иностранных рабочих с германских предприятий. — Там же, 4 марта 1944, № 55, с. 4; Массовое бегство иностранных рабочих из лагерей в Германии. — Там же, 17 марта 1944, № 93, с. 4.
41. Сталинское Знамя. 27 июня 1941, № 149, с. 1.
42. Известия. 27 июня 1941, № 150, с. 1; Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа. — Там же, 27 июня 1941, № 150, с. 2; Сталинское Знамя. 27 июня 1941, № 149, с. 1.
43. Сталинское Знамя. 29 июня 1941, № 151, с. 1.
44. Мы не хотим воевать с Красной армией (рассказ финского солдата). — Там же, 2 июля 1941, № 153, с. 2.
45. Известия. 29 июня 1941, № 152, с. 1; 20 июля 1941, № 171, с. 1; 21 августа 1941, № 200, с. 2; Правда. 15 июля 1943, № 176, с. 3; 2 января 1944, № 2, с. 1.
46. Известия. 26 июня 1941, № 149, с. 1.
47. Сталинское Знамя. 29 июня 1941, № 151, с. 1.
48. Известия. 29 июля 1941, № 177, с. 1.
49. Сталинское Знамя. 29 июня 1941, № 151, с. 1.
50. Известия. 5 августа 1941, № 184, с. 1.
51. Там же, 19 августа 1941, № 195, с. 1.
52. Правда. 1 января 1942, № 1, с. 1.
53. Известия. 16 августа 1941, № 193, с. 1; Правда. 19 февраля 1942, № 50, с. 1; 1 марта 1942, № 67, с. 1.
54. Показания мертвых. — Правда. 12 января 1942, № 12, с. 2; 20 января 1942, № 20, с. 1; Размышления немецкого солдата. — Там же, 22 апреля 1942, № 112, с. 3.
55. Известия. 5 августа 1941, № 184, с. 1.
56. Правда. 14 марта 1942, № 73, с. 1.
57. Известия. 19 августа 1941, № 195, с. 1.
58. Унылый вой фашистско-немецкой газеты. — Правда. 11 января 1942, № 11, с. 4; 8 марта 1942, № 67, с. 1.
59. По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941—1945 гг. М. 1995, с. 202.
60. Правда. 10 января 1943, № 14, с. 3; 7 февраля 1943, № 38, с. 3; 10 мая 1943, № 120, с. 3.
61. Там же, 31 января 1943, № 31, с. 3.
62. Там же, 21 января 1942, № 21, с. 1; 26 мая 1943, № 133, с. 1; 7 июля 1943, № 169, с. 1.
63. Там же, 12 января 1942, № 12, с. 2.
64. Там же, 29 мая 1943, № 136, с. 1; 5 июня 1943, № 142, с. 3; 25 июня 1943, № 159, с. 1.
65. Население Германии накануне третьей военной зимы. — Известия. 5 сентября 1941, № 210, с. 4.
66. Инфляция в Германии. — Правда. 10 марта 1944, № 60, с. 4; Нехватка рабочих рук в Германии. — Там же, 26 марта 1944, № 74, с. 4; Рост пораженческих настроений в гитлеровской германии. — Там же, 27 марта 1944, № 75, с. 4; Рост недоверия в Германии к официальной гитлеровской пропаганде. — Там же, 5 апреля 1944, № 82, с. 4; Положение в Германии. — Там же, 10 апреля 1944, № 87, с. 4; Растущая деморализация населения Германии. — Там же, 16 апреля 1944, № 92, с. 4.
67. Положение в Германии. — Правда. 9 января 1944, № 11, с. 4.
68. Швейцарская печать о положении в Германии. — Там же, 16 апреля 1944, № 92, с. 4.
69. Очердная брехня Гитлера. — Сталинское Знамя. 17 декабря 1941, № 296, с. 1.
70. ШПАКОВСКИЙ В.О. Танки тотальных войн 1916—1945. СПб. 2003, с. 318.
71. Состав Военно-морского флота США. — Сталинское Знамя. 13 декабря 1941, № 293, с. 2.
72. Известия. 3 июля 1941, № 155, с. 1; Трудящиеся Англии выражают солидарность с Советским Союзом. — Там же, 15 июля 1941, № 165, с. 4; Мощное движение солидарности с Советским союзом. — Там же, 24 июля 1941, № 173, с. 4.

73. Сталинское Знамя. 20 ноября 1941, № 273, с. 2.
74. Народное гулянье в Англии, посвященное англо-советскому сотрудничеству. — Известия. 5 августа 1941, № 174, с. 1; Митинги в Англии, посвященные 27-й годовщине Красной Армии. — Правда. 4 марта 1945, № 54, с. 4.
75. О-кей, Британия! — Правда. 16 января 1942, № 16, с. 2; Английский солдат возвращается на Родину. — Там же, 16 марта 1945, № 64, с. 3.
76. Учительские семинары в Англии по ознакомлению с СССР. — Правда. 13 марта 1942, № 72, с. 4; Интерес в США к Советскому Союзу. — Там же, 28 марта 1942, № 87, с. 4; Конференция научно-исследовательских работников в Лондоне. — Там же, 6 февраля 1943, № 37, с. 4; Интерес в США к советской культуре. — Там же, 31 мая 1943, № 138, с. 4.
77. Военное производство в США. — Правда. 18 января 1942, № 18, с. 4; Темпы производства вооружений в США. — Там же, 26 января 1942, № 26, с. 4; Производство вооружений в США. — Там же, 16 января 1943, № 16, с. 4; Спуск на воду нового американского авианосца. — Там же, 25 января 1943, № 25, с. 4; Строительство грузовых судов в США. — Там же, 8 марта 1943, № 66, с. 4; Рост морской мощи Англии и США. — Там же, 13 мая 1943, № 122, с. 4; Рост вооруженных сил США. — Там же, 16 июня 1943, № 151, с. 4; Ассигнования на армию и флот в США. — Там же, 20 июня 1943, № 155, с. 4.
78. О поставках Советскому Союзу вооружения, стратегического сырья, промышленного оборудования и продовольствия Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Канадой. — Правда. 11 июня 1944, № 140, с. 1; О поставках Советскому Союзу вооружения, стратегического сырья, промышленного оборудования и продовольствия Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Канадой. — Известия. 11 июня 1944, № 138, с. 1.
79. Сталинское Знамя. 29 октября 1941, № 255, с. 2.
80. Десятилетие установления дипломатических отношений между США и СССР. — Правда. 17 ноября 1943, № 283, с. 1.
81. Перспективы американско-советской торговли. — Правда. 13 февраля 1944, № 38, с. 4; Митинг американско-советской дружбы. — Там же, 28 января 1945, № 24, с. 4.
82. Рост американско-советских культурных связей. — Там же, 22 октября 1944, № 254, с. 4.
83. Американская газета об успехах советской военной медицины. — Там же, 19 февраля 1944, № 43, с. 4.
84. Празднование в США 25-й годовщины Красной Армии. — Правда. 25 февраля 1943, № 56, с. 4; Подготовка в США ко Дню Красной Армии. — Там же, 20 февраля 1944, № 44, с. 4; Собрание в Нью-Йорке в честь Красной Армии. — Там же, 24 февраля 1944, № 46, с. 4; Празднование в США 27-й годовщины Красной Армии. — Там же, 24 февраля 1945, № 47, с. 4; Собрание в США в честь Международного женского дня. Международное обозрение. — Там же, 8 июля 1945, № 162, с. 4.
85. Забастовка в США. — Правда. 28 июля 1945, № 232, с. 4; Забастовочное движение в США. — Там же, 1 ноября 1945, № 261, с. 4; Забастовочное движение в США. — Там же, 5 ноября 1945, № 265, с. 4; Забастовочное движение в США. — Сталинское Знамя. 17 октября 1945, № 206, с. 2; Борьба американских профсоюзов за повышение зарплаты. — Там же, 17 октября 1945, № 206, с. 2.
86. Международное обозрение. — Правда. 8 июля 1945, № 162, с. 4; Конкурс клеветников. — Там же, 16 июля 1945, № 169, с. 4; Международное обозрение. — Там же, 30 сентября 1945, № 234, с. 4.
87. Международное обозрение. — Там же, 9 сентября 1945, № 216, с. 4.
88. Истерики госпожи Клэр Люс. — Там же, 14 июля 1945, № 167, с. 4; Статья Уэллеса о политике в отношении Германии. — Там же, 25 июля 1945, № 178, с. 4.
89. Печать Латинской Америки о боевых успехах советских войск. — Правда. 20 января 1943, № 20, с. 4; Австралийская газета об успехах советских войск. — Там же, 21 января 1943, № 21, с. 4; Иранская печать о победе Красной Армии под Сталинградом. — Там же, 8 февраля 1943, № 39, с. 4; Сирийская печать о наступлении Красной Армии. — Там же, 16 февраля 1943, № 47, с. 4.
90. Английский военный обозреватель о больших успехах Красной Армии. — Известия. 26 июля 1941, № 175, с. 4; Иностранная печать отмечает доблесть и военное искусство Красной Армии. — Там же, 27 июля 1941, № 176, с. 4; Иностранная печать о боевых операциях Красной Армии. — Правда. 7 января 1942, № 7, с. 4; Иностранная печать о боевых операциях Красной Армии. — Там же, 9 января 1942, № 9, с. 4; Успешное наступление Красной Армии в оценке иностранной печати. — Там же, 19 января 1942, № 19, с. 4; Югославская газета о 27-й годовщине Красной Армии. — Сталинское Знамя. 24 февраля 1945, № 38, с. 2.
91. Иностранная печать о новых победах Красной Армии. — Правда. 5 января 1942, № 5, с. 4.
92. Иностранная печать о наших успехах на фронте. — Там же, 16 января 1942, № 16, с. 4.
93. Известия. 6 июля 1941, № 158, с. 1; 26 августа 1941, № 201, с. 1.
94. Канадская печать об успехах Красной Армии. — Правда. 6 января 1942, № 6, с. 4.

Литературная деятельность женщин русского зарубежья. 1917—1939 гг.

О.Н. Баркова

Печатное слово на русском языке являлось важнейшим условием сохранения национально-культурной идентичности, средством общения, инструментом политической борьбы и формой предпринимательской деятельности в эмиграции. Ни личные контакты, ни иные средства массовой коммуникации не могли соперничать с ним в возможности влияния на общественную и политическую жизнь российских эмигрантов 1917—1939 годах. «Русское Зарубежье должно было заботиться об объединении своих разбросанных по свету граждан, сохранении и развитии их самосознания. Печатное слово — газеты, журналы, книги — были самым действенным средством достижения этих целей», — писал М.И. Раев¹. Наибольшее распространение в эмиграции получили ежедневные газеты, литературные и общественно-политические еженедельники и журналы, многие из которых выходили нерегулярно.

Интересы интеллигентной и образованной части эмигрантского сообщества, испытывавшей настоятельную потребность в чтении не только прессы, но и литературных произведений на родном языке, привели к возникновению немалого числа «толстых журналов». Перечень эмигрантских изданий (до 1930-х гг.) насчитывал 178 журналов, 36 вестников, 28 бюллетеней, 16 альманахов, 13 ежегодников². Во Франции, например, динамика издания русских журналов была такова: 1920 г. — 1 журнал, 1922 — 29, 1926 — 34, 1928 — 52³.

По сути, именно журнал в эмиграции стал своеобразным духовным «прибежищем» для русской интеллигенции. Ярким примером этому служит один из наиболее влиятельных журналов российского зарубежья «Современные записки», издававшийся в Париже с 1920 по 1940 год. Всего вышло семьдесят номеров этого журнала, а объем некоторых из них доходил до 500—600 страниц. Считается, что содержание этого журнала было наиболее характерно для русского «толстого журнала» конца XIX века. Тираж «Современных записок», составлявший 2 тыс. экземпляров, распространялся и читался в эмигрантской среде «первой послереволюционной волны» весьма активно. «Хотя журнал и имел антибольшевистскую направленность, тон его был далек от истерии, он давал взвешенную информацию о событиях в Советской России», — отмечал

Баркова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Раев⁴. Именно этот журнал достаточно долгое время, в количестве 25 экземпляров, постоянно приобретался для советской партийной элиты и библиотек.

Среди авторов, печатавшихся в разделе публицистики, была Е.Д. Кускова⁵; в разделе поэзии — М.И. Цветаева⁶; литературной критики — З.Н. Гиппиус⁷, писавшая под псевдонимом Антон Крайний. Считается, что сотрудничество с Гиппиус придавало особую остроту публикациям литературно-критического раздела журнала. Ее статьи были очень образными и интересными. В своих аналитических материалах она достаточно часто прибегала к резким оценкам деятельности Е. Кусковой, Н. Бердяева, И. Шмелева, М. Горького и др. Так, например, о Шмелеве она писала: «Слишком русский Шмелев так густ, что ложка стоит, а глотать — иной раз и подавишься. Чувства меры не имеет никакого»⁸. Известно, что особенно сложно для редакции журнала «Современные записки» было найти компромисс в ее конфликте с И. Буниным по поводу публикации очерка Гиппиус «Искусство и любовь», посвященного его повести «Митина любовь». Показательным в этом отношении является письмо И.И. Фондаминского к М.В. Вишняку от 12 февраля 1924 г.: «Лично я продолжаю думать, что, если мы выдержим характер и не поддадимся “ору” (ведь Антона Крайнего, вообще, как злого критика не любят), то в конце концов у нас будет талантливый и умный литературный критик»⁹. Вишняк даже утверждал, что редакция ради сотрудничества с Гиппиус опубликовала такое большое количество романов ее мужа Мережковского, так как «опасалась потерять нужного и ценного сотрудника журнала — Мережковскую-Гиппиус»¹⁰.

Одним из авторов, печатавшихся на страницах журнала, была Н.Н. Берберова¹¹, которая отмечала, что «...сотрудничество в “Современных записках” было своего рода знаком эмигрантского отличия»¹². В первых номерах журнала были опубликованы «Сказки» Софьи Федорченко¹³.

Для литературно-художественного отдела одного из традиционных журналов российской эмиграции «Русская мысль» (София-Прага, 1921—1923) писали Цветаева и Гиппиус. По замыслу редакции, работавшей под руководством П.Б. Струве, журнал должен был сплотить вокруг себя все духовные силы эмиграции, преданные идеалам национального возрождения российской государственности и культуры. Именно в этом журнале был опубликован «Дневник 1919 года» Зинаиды Гиппиус.

В журнале «Жар-птица», который профессиональный издатель И.В. Гессен называл «печатным шедевром» и «недосягаемым совершенством»¹⁴, достаточно часто публиковалась Н.А. Тэффи¹⁵. Журнал продолжал в эмиграции лучшие традиции российской журналистики, заложенные «Миром искусства» (Петербург, 1899—1904) и «Аполлоном» (Петербург, 1909—1918). «Лучшие немецкие типографии учились у него, как надо печатать художественные издания, а лучшие немецкие издательства учились у него, как надо оформлять и издавать книги»¹⁶.

Серию интересных статей о советской литературе в журнале «Социалистический вестник», занимавшем особое место в периодике российского зарубежья, опубликовала Вера Александрова¹⁷. Этот журнал долгое время оставался практически основным источником новостей об истинном положении дел в большевистской России для российских эмигрантов.

Известным поэтом, прозаиком и переводчиком в эмиграции была И.В. Одоевцева¹⁸. Ее рассказы «Жасминовый остров», «Елисейские поля», «Румынка», «Праздник», опубликованные на страницах журналов «Иллюстрированная Россия», «Числа», «Новый дом», романы «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1931), «Зеркало» (1939) вызывали неподдельный интерес эмигрантской аудитории. Один из ее первых рассказов — «Падучая звезда» — был высоко оценен Буниным.

В ежегоднике «Версты» (Париж, 1926—1928) была опубликована трагедия «Тезей» Марины Цветаевой, которая также вместе с Зинаидой Гиппиус в 1930-е гг. активно сотрудничала с отделом критики и философской публицистики журнала «Числа», задуманного его редактором, Н.А. Оцупом, как литературный сборник. Журнал стремился не касаться вопросов текущей политики. Каждый его номер был хорошо иллюстрирован, в том числе репродукциями произведений Н. Гончаровой, М. Шагала, М. Ларионова и других. С литературным отделом журнала сотрудничала также Одоевцева.

Политическая борьба в России в начале XX в. породила в обществе моду и привила вкус к полемике, выступлениям на митингах, политической фразеологии и публицистике. Огромная потребность анализа всего происшедшего в жизни русского зарубежья и Советской России определила содержание и потенциал развития журналистики, литературного и издательского дела в эмиграции. Типология журналов русского зарубежья, отражавшая интересы читательской аудитории, показательна. До 1930-х гг. литературные (64 названия), общественно-политические (48 названий), издания по вопросам культуры (28 названий) преобладали над религиозными (21 название) и историческими (15 названий) изданиями. Таким образом, особенности функционирования русской журналистики в эмиграции, сфера интересов и потребностей ее аудитории отчетливо формировали содержательную направленность периодики. Хотя, по мнению П.Н. Базанова, классификация российской эмигрантской прессы по принципу идейно-политической ориентации довольно сложна, поскольку помимо чисто партийных изданий, заявлявших о своей принадлежности, существовало множество изданий, формально независимых, но выражавших совершенно определенные установки¹⁹.

Несмотря на значительные экономические трудности, достаточно большое количество различных эмигрантских изданий, выходивших на русском языке, распространялось по низким ценам. Более того, на период с 1917 по 1939 гг. приходится необычайный рост и развитие печатного слова и журналистики в эмиграции. По подсчетам П.Е. Ковалевского, с 1919 по 1952 г. за рубежом издавалось 1571 периодическое издание²⁰. 90% эмигрантских газетно-журнальных изданий печатались на русском языке²¹. Так, только в Сербии в 1920—1940-е гг. выходило на русском языке 155 периодических изданий²².

Издание газет, журналов и книг на родном языке было особенно актуально для русской эмиграции первой послереволюционной волны. Основным издательским центром в начале 1920-х гг. стала Германия. Только в Берлине уже в 1922 г. насчитывалось 48 русских издательств. Они выпускали порядка 145 наименований различных газет, журналов, альманахов и т.п.²³. В целом в Германии, по данным «Союза русских издателей», работали 87 русских издательств, в то время как в Европе на 1924 г. их было 130²⁴. Показательно, что выпуск эмигрантской литературы на русском языке превосходил в Германии издание книг на немецком.

Среди наиболее популярных изданий русской эмиграции в Германии следует назвать газету «Руль» (1920—1931, тираж 20 тыс. экземпляров), журнал «Жар-птица» (1921—1923, 1925—1926), газету «Жизнь» (1920), журнал «Театр и жизнь» (1921—1923), сборник «На чужой стороне» (1923—1925), газету «Накануне» (1922—1924) — единственную эмигрантскую газету, разрешенную к ввозу в Советскую Россию, и другие. Все эти издания имели различную политическую ориентацию и, соответственно, свою читательскую аудиторию. По меткому замечанию Р. Гуля, «русская политическая периодика в эмиграции шла от монархистов справа до анархистов налево, через эсеров, эсдеков, энесов, кадетов, сменовеховцев и др. А журналы по искусству — от «мирискуссников» «Жар-птицы» до конструктивистов «Вещи»»²⁵.

Принято считать, что подобный расцвет издательского дела в Германии в 1920—1923 гг. был обусловлен благоприятной экономической ситуацией в стране, делавшей издательскую деятельность высокодоходным и прибыльным бизнесом. В редакционной статье «Германия, как центр возрождения русского книгоиздательства», опубликованной в журнале «Русская книга» в 1921 г., подчеркивалось: «Последнее время в области русского книгоиздательства в Германии проявляется кипучая жизнь. Этому подъему способствует: традиционно высокая техническая постановка печатного дела в Германии; привычка немцев работать для России; знание ими России... наличие в Германии значительной русской интеллигенции и даже русских капиталов; близость России и возможность вступить в контакт с советскими представителями, и особенно дешевизна издания, благоприятное соотношение валютного курса в пользу германского экспорта, и т.д., и т.д.»²⁶. На это особо обращал внимание И.В. Гессен, писавший, что некоторые богатые русские эмигранты в Германии, «не находя приложения вывезенным капиталам, сами возбуждали в качестве одного из предложений вопрос об основании за границей русских издательств»²⁷. Характерной особенностью «Русского Берлина», в отличие от остальных центров российского зарубежья 1920-х гг., стала беспрецедентная активность так называемого «диалога двух культур» — представителей эмиграции и Советской России.

В числе крупнейших русских издательств в Германии были: «Геликон», «Знание» С.Я. Шклявера и В.Б. Станкевича (поддерживавшегося фирмой Рудольфа Моссе), «Медный всадник», «Петрополис», «Слово» И.В. Гессена, А.И. Каминки и Б.Н. Элькина (сотрудничавшего с немецкой фирмой «Ульшштейн и К^о»), издательства З.И. Гржебина, С.Я. Эфрона, И.П. Ладыжникова, а также «Эпоха», «Скифы» Е.Г. Лундберга, «Мысль», «Беседа» и др., которые широко публиковали произведения не только писателей и поэтов российского зарубежья, но и советских авторов. Литературный критик, прозаик и эмигрант Р. Гуль подчеркивал, что «даже Париж, ставший центром политических сил русской эмиграции, не мог позволить себе иметь подобных громадных издательств»²⁸.

Издательской деятельностью в эмиграции занимались и женщины русского зарубежья 1917—1939 годов. Известно, что одной из первых была представительница русской «революционной эмиграции» Г.Ф. Бохановская²⁹. Владелица московской типографии, активный участник партии «Народная воля», она в 1883 г. уехала в эмиграцию. В 1900-х гг., вступив в ряды партии социал-революционеров, занималась изданием нелегальной эсеровской газеты «Революционная Россия», печатавшейся в Париже³⁰.

Широкую известность в Германии наряду с такими издательствами, как «Геликон», «Слово», «Знание», получило издательство О. Дьяковой. Старейшим русским издательством в США, просуществовавшим в эмиграции более 40 лет, было издательство жены известного футуриста Д. Бурлюка³¹ — М.Н. Бурлюк³², печатавшее только его произведения, и журнал «Color and ruhme» («Цвет и рифма»). Современники отмечали, что все это издательство умещалось лишь в «маленьком ящике специально сколоченным для этой цели сыном Бурлюков»³³. Достаточно важную роль в финансовом обеспечении издания одного из «толстых» журналов русского зарубежья «Новый мир», продолжающего традиции «Современных записок», в начале 1940-х гг. играла М.С. Цетлина.

Необходимо отметить, что значение русского печатного слова и издательского дела в эмиграции не ограничивалось только идеей сохранения традиций национальной идентичности в инокультурном окружении. Не менее важной была «коммуникативная» функция журналистики. Книги на русском языке, изданные в Германии, рассылались в самые разные части света, где находили себе приют беженцы из России. Газета «Руль» имела своих постоянных подписчиков более чем в двадцати пяти странах мира³⁴, а рассылалась в 396

городов 34 стран. К этой газете, выпускалось интересное иллюстрированное приложение «Наш мир».

Энтузиасты из политически активных женщин русского зарубежья даже пытались организовать пересылку эмигрантской литературы, в которой освещалась жизнь русской колонии, в Россию. В первой половине 1920-х гг. это было еще возможно.

При этом ряд периодических изданий русского зарубежья имел немало добровольных помощников в Советской России. Так, например, журнал «Социалистический вестник», выходивший в Берлине, Париже и Нью-Йорке с 1921 по 1965 г., не только нелегально переправлялся в Советскую Россию, обычно в количестве 200—400 экземпляров, но и находил своих читателей в Москве, Петрограде, Твери, Архангельске, Вологде, Мурманске, Туле, Нижнем Новгороде, Минске, Владимире, Вятке, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и Дальнем Востоке. По свидетельству М. Куна, долгие годы его редакцию снабжала секретными материалами Зинаида Кржижановская, о чем не подозревал даже ее муж — видный советский работник Г.М. Кржижановский³⁵. «В течение ряда годов, — вспоминал на страницах журнала Р.А. Абрамович, — мы систематически чуть ли не каждые два-три дня получали подробные письма и корреспонденции от наших организаций и отдельных товарищей в России, где политическая жизнь еще не была совершенно убита и где подпольные группы еще не были уничтожены»³⁶. Безусловно, письма печатались таким образом, чтобы в Советской России не могли быть раскрыты непосредственные информаторы журнала.

Своеобразие политического и коммуникативного пространства «Русского Берлина» начала 1920-х гг. привело к созданию целого ряда различных профессиональных объединений эмигрантов. 8 августа 1920 г. был образован «Союз русских журналистов и литераторов в Германии», который возглавил видный член партии кадетов, главный редактор крупнейшей эмигрантской ежедневной газеты «Руль» И.В. Гессен. Именно в Берлине 24 ноября 1922 г. прошел и первый бал российской прессы, организованный по примеру ежегодных балов берлинской прессы. Высокому уровню русского книгоиздательства в эмиграции способствовала деятельность созданного в Берлине «Общества ревнителей русской книги», ставившего своей целью «...объединение любителей русского книжного искусства и содействие последнему путем специальных изданий, выставок, докладов, конкурсов и пр.»³⁷. Среди членов этого общества были: историк искусства В.Н. Ракинт, совладелец издательства «Петрополис» Я.Н. Блох (брат известной в эмиграции поэтессы Раисы Блох) и другие.

Особый смысл в условиях эмиграции приобретала публикация классических произведений русской литературы XIX — начала XX века. В библиографическом справочнике за 1924 г. содержатся данные об издании в эмиграции 711 наименований произведений русской классики. Только одно из издательств «Русского Берлина» — издательство И.П. Ладыжникова³⁸ выпустило около 260 наименований произведений русской классики. Среди них по тематике «русская библиотека» было опубликовано 71 издание, по тематике «русские классики и современные писатели» — 172. К русской классике стали обращаться и те эмигранты, для которых чтение не являлось привычным занятием. Это были выходцы из менее обеспеченных социальных слоев российских беженцев, представители «неинтеллигентных профессий» и другие.

Несмотря на высокий спрос и интерес читающей публики, финансовый кризис, охвативший сферу издательской деятельности в Германии к началу 1924 г., введение твердой валюты и многократное повышение цен, в том числе и на бумагу, привели к росту в 200—300 раз стоимости эмигрантских газет и

журналов. Как отмечал Г.П. Струве, «созданные инфляцией благоприятные условия в Германии перестали существовать, и русская издательская деятельность, процветавшая в 1921—1923 годах, сразу сошла на нет»³⁹.

Наряду с «Русским Берлином» в 1920—1930-е гг. видными издательскими центрами российской эмиграции были Рига и Таллин. Так, именно Ригу достаточно часто называли «Парижем для бедных» из-за большого количества эмигрантов из России, проживавших там⁴⁰. Именно здесь издавались журнал «Закон и суд: вестник Русского юридического общества» (1929—1938) и газета «Сегодня вечером» (1923—1940).

Крупнейшим образовательным, литературным и научным центром русского зарубежья 1917—1939 гг. была Прага. Причинами этому послужили, во-первых, начавшаяся в 1920 г. знаменитая «русская акция», привлекавшая интеллигенцию и студенчество, во-вторых, наличие в МИД ЧСР целого ряда «русских чехов», и, в-третьих, традиционное чешское русофильство. Эмигрантка Н. Берберова так писала о Праге: «Мы не остались в Берлине, где нам жить было нечем, мы не поехали в Италию... потому что у нас не было ни виз, ни денег, и мы не поехали в Париж... потому что боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании. И мы поехали в Прагу»⁴¹.

Отличительной особенностью «Русской Праги» в сравнении с другими центрами эмиграции были тесные связи с советской интеллигенцией, особенно заметные после краха «Русского Берлина». Большую издательскую деятельность в Праге вели различные научные и учебные заведения, культурные организации и профессиональные объединения русских эмигрантов. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке со стороны чехословацкого правительства, в том числе и в рамках так называемой «русской акции», в течение 1920—1930-х годов. Только по линии МИД ЧСР русской эмиграции было выплачено в 1922 г. 49, 7 млрд крон; в 1923 — 65, 8; в 1924 — 99, 7; в 1925 — 72, 9 млрд крон⁴². Считается, что деятельность пражских русских издательств внесла весомый вклад в дело сближения эмигрантской и советской интеллигенции.

К 1925 г. литературной столицей русского зарубежья, по слова Г.П. Струве, стал Париж⁴³. Именно сюда из Берлина переехал ряд эмигрантских журналов и газет — «Социалистический вестник», «Революционная Россия», «Жар-птица», «Дни» и др. Так, на страницах ежедневной газеты российской эмиграции «Последние новости», выходившей в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г., можно встретить имена Гиппиус (литературный отдел), Тэффи, Кузнецовой⁴⁴, Берберовой, Е. Кусковой (отдел публицистики). Каждый четверг в «Последних новостях» печаталась так называемая «литературная страница», где наряду с работами Бунина, К.Д. Бальмонта, Саши Черного, М.А. Осоргина можно было увидеть статьи Тэффи, Берберовой и Кузнецовой. Значительное место в публицистике российского зарубежья первой послереволюционной волны заняла дискуссия между Е.Д. Кусковой и П.Н. Милюковым о проблеме примирения эмигрантов с родиной и возможности возвращения в Россию, развернувшаяся на страницах «Последних новостей» в 1925—1926 годах.

Газета «Последние новости», получавшая субсидии из разных государственных и частных источников, довольно быстро смогла стать в условиях эмиграции финансово независимым изданием. Так, в 1924—1940-е гг. членом ее правления был крупный текстильный фабрикант А.И. Коновалов (1875—1948)⁴⁵. В начале 1930-х гг. тираж газеты составлял уже более 30 тыс. экземпляров, доходя порой до 35 тысяч. Эмигрантка Берберова, проработавшая в газете пятнадцать лет, писала, что «Последние новости» «читали буквально все, и не только в Париже»⁴⁶. Более того, в условиях трудного доступа к различным

законодательным документам, по большей части отсутствующим на русском языке, в рубрике газеты «Вопросы и ответы» содержались конкретные рекомендации и действенные советы по проблемам трудоустройства, адаптации и натурализации для беженцев из России. Различные нормативные документы излагались четко и в доступной для понимания форме.

С этой газетой активно сотрудничала известная эмигрантка, писательница и публицист 20—30-х гг. XX в. Надежда Тэффи, чьи материалы, опубликованные на страницах различных печатных изданий в Берлине, Париже и Риге, всегда отличались особой степенью актуальности и глубоким художественным осмыслением повседневной действительности. Первую свою работу она опубликовала в журнале «Театр и искусство» еще в 1901 году. Затем ее проза печаталась на страницах московских, петроградских и украинских газет и журналов вплоть до 1919 г., когда, покинув Россию, она уехала в эмиграцию. За неполные пять лет плодотворной работы в газете «Последние новости» Тэффи написала около ста семидесяти рассказов, очерков и фельетонов. Очевидно, именно поэтому известный деятель русской эмиграции Струве и называл Надежду Тэффи «газетной писательницей», одним из первых отметив ее своеобразную «привязанность» к сотрудничеству с эмигрантскими ежедневными газетами.

Считается, что Тэффи была «любимицей всего русского зарубежья»⁴⁷. С большим интересом в среде российских эмигрантов были встречены ее сборники — «Восток» (Шанхай, 1920), «Тихая заводь» (Париж, 1921), «Черный ирис» (Стокгольм, 1921), «Рысь» (Берлин, 1923).

Тэффи работала в самых разных эмигрантских газетах — «Последние новости», «Общее дело», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», писала для журналов «Жар-птица», «Современные записки», «Звено», «Русский инвалид» и других. Так, в серии ее заметок «Из фиолетовой тетради», опубликованных на страницах ежедневной газеты «Возрождение» (1925—1940), достаточно живо и наглядно отображались эмигрантский быт, трудности повседневной жизни русских беженцев во Франции, психология общения русских с французами.

Другая русская журналистка-эмигрантка А.В. Тыркова-Вильямс⁴⁸ с осени 1918 г. регулярно публиковала свои статьи в американской газете «The Christian Science Monitor», а весной 1919 г. даже смогла выпустить свою первую книгу на английском языке — «От свободы к Брест-Литовску». В период с 1925 по 1927 г. на страницах газеты «Возрождение» ею были опубликованы «Письма об Англии» — яркие страницы из жизни русской эмигрантской колонии в Великобритании.

С еженедельной газетой партии эсеров «Дни»⁴⁹, печатавшейся сначала в Берлине, а затем в Париже (1922—1928), ставшей затем двухнедельным журналом (1931—1933), активно сотрудничала публицист и политический деятель Е.Д. Кускова.

В популярной газете эсеровской ориентации «Свобода», издававшейся в Варшаве в 1920 г. (с 1921 г. «За свободу!»), стоявшей на антисоветских позициях, работала наряду с Б. Савинковым, Мережковским и Гиппиус, которая с осени 1927 г. также активно писала политические и литературно-критические статьи под псевдонимом «Антон Крайний» в газете «Возрождение».

Таким образом, в период с 1917 по 1939 г. печатное слово на русском языке делает в эмиграции не только количественный, но и качественный рывок. Вместе с тем, отношение властей стран-реципиентов, в которых проживали беженцы из России, к печатному слову на русском языке часто зависело от характера их дипломатических отношений, экономических и культурных связей с РСФСР, а затем с СССР. По мнению Раева, «издательское дело в эмиграции испытывало трудности в связи с ограничениями, которые вводились национальными и авторитарными режимами стран проживания»⁵⁰.

Становление и развитие русской эмигрантской журналистики 1917—1939 гг. было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, русский язык оказался главным признаком принадлежности к покинутой Родине в ситуации национального «рассеяния». Во-вторых, регулярное издание газет, журналов и книг на родном для эмигрантов языке стало практически единственным действенным способом сохранения и передачи русских культурных традиций. В-третьих, печатное слово на русском языке, обширная литературная, публицистическая и издательская деятельность эмигрантов являлись важнейшим условием сохранения национальной идентичности.

Значимость печатного слова в изгнании быстро и четко обозначила приоритетные направления интеллектуальной деятельности российских эмигрантов в сфере журналистики. Свое место здесь нашли и женщины русского зарубежья. Это были журналистки Вера Александрова, Татьяна Алексинская, Татьяна Варшер, Августа Даманская, Ариадна Делианич, Зинаида Журавская, Татьяна Манухина, Елизавета Рачинская, Софья Таубе, Ариадна Тыркова-Вильямс, Надежда Тэффи, Ольга Чернова-Колбасина⁵¹.

Принято считать, что оказавшись в эмиграции, женщины-беженки менее эмоционально, чем мужчины воспринимали изменение своего социального статуса. Они не только легче преодолевали языковой барьер, но и легче психологически и социально адаптировались, были более предприимчивы и успешны, что объясняется спецификой их ценностных гендерных приоритетов. Очень часто стремление многих россиянок к самореализации в условиях эмиграции диктовалось заботой о судьбе своей семьи и детей. Подобная поведенческая психология женщин русского зарубежья 1917—1939 гг., определявшая способы их восприятия действительности, существенным образом влияла на формирование определенных адаптационных норм поведения.

Как правило, большинство российских женщин, живших до эмиграции в своих семьях и традиционно находившихся на иждивении родителей и мужей, в основном занимались ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и т.п. Исключение могли составлять лишь женщины, занятые в системе российского образования, просвещения, здравоохранения.

Ситуация эмиграции 1917—1939 гг. резко изменила привычный жизненный уклад, поведенческие нормы и социальные роли внутри многих российских семей. Порой женщинам приходилось самим содержать мужей, детей и родителей. Некоторые из них стали заниматься бизнесом, многие работали машинистками, конторщицами, уборщицами, медицинскими сестрами, портнихами, официантками и т.д. Очень часто они занимали чисто мужские должности: заведующих дровяным складом, истопников. Нередко среди занятий женщин русского зарубежья «первой революционной волны» значилась и проституция⁵².

Одной из профессий у образованной части русских эмигранток в 1920—1940-е гг. стало занятие журналистикой и литературным творчеством. Таким образом, в условиях эмиграции журналистика, считавшаяся мужской профессией, стала доступна и женщинам. Выбор подобного рода деятельности в эмиграции был возможен в силу ряда причин. Во-первых, многие эмигрантки из России были хорошо образованы и имели высокий интеллектуальный уровень. Во-вторых, у некоторых из них уже был определенный опыт журналистской и литературной деятельности. Достаточно известными писателями и публицистами в эмиграцию уехали Цветаева, Гиппиус, Тэффи, Тыркова-Вильямс. В-третьих, это была реальная возможность трудоустройства и самореализации в сложных условиях эмиграции. И наконец, занятие журналистикой и литературным творчеством являлось непосредственным источником доходов для многих из них. Наглядным примером важности материального фактора в литературной

деятельности может служить письмо Мережковского, опубликованное в газете «Последние новости», в котором он резко критиковал издателя З.И. Гржебина, называя его «литературным паразитом». Мережковский писал: «Цену дает не очень большую. Ремизову за его произведение внес мешок мерзлого картофеля. Гиппиус получила, тоже оптом, 20 тыс. рублей. Мережковский за избранные сочинения — такую сумму, которая в переводе составила 50 франков...»⁵³. Большие материальные трудности в эмиграции испытывали Цветаева, Куприн и другие. Струве в книге «Русская литература в изгнании» констатировал: «Писатели были в гораздо менее выгодном положении. Организационная помощь могла быть оказываема либо в порядке благотворительности (на которую многим и приходилось рассчитывать), либо при помощи того чаемого, но нереального меценатства, о котором писал Алданов (М.А. Алданов (Ландау). — *О.Б.*). Орудием их было русский язык, закрывавший им тот прямой доступ к иностранной публике, который имели художники и музыканты... Существовать писательским трудом могли только те писатели, которых переводили на иностранные языки, которые в переводах имели успех. А таких было не много...»⁵⁴.

Сложный процесс адаптации и трудоустройства российских беженцев, выпавших из своей сословной и профессиональной социальной группы, являлся в условиях эмиграции, по сути, попыткой поиска компромисса в совмещении двух разных линий поведения — новых правил и старых традиций. Задача сохранения традиций национально-культурной идентичности со временем переросла в миссию русской эмиграции, в выполнении которой важную роль играли женщины русского зарубежья. Как известно, женская эмиграция 1917—1939 гг. была представлена в изгнании в значительной мере интеллигенцией, которая, находясь за пределами России, сумела сохранить свои убеждения, любовь к своей стране и веру в возможность возвращения на Родину. Оказавшись в эмиграции, русские женщины в большей степени, чем мужчины, стремились не утратить свои исторические корни и национальные традиции, православную веру, русский язык, воссоздать разорванные духовные связи и обеспечить преемственность бытия.

В своих культурных пристрастиях и формах творческого общения женщины русского зарубежья взяли на вооружение те способы коммуникации, которые были характерны для дореволюционной России. Для налаживания интеллектуального общения в эмиграции женщины из среды интеллигенции создавали литературные салоны, кружки и клубы. Одним из наиболее заметных литературных салонов, подобным тем, что существовали в царской России, стали воскресные собрания на квартире Гиппиус и Мережковского на улице Колонель Боннэ в Париже. Их квартира, купленная еще до эмиграции в 1909 г. (по другим данным, эту квартиру они снимали), была хорошо меблирована и выделялась огромной библиотекой Дмитрия Мережковского. Здесь собирались известные и молодые литераторы эмиграции. Бывали политики, философы, иногда заходил Бунин⁵⁵.

На основе воскресных встреч в доме Мережковских 5 февраля 1927 г. начало свое существование общество «Зеленая лампа». Название было взято в память о знаменитой «Зеленой лампе», в которой участвовал А.С. Пушкин. «Мережковские решили создать нечто вроде “инкубатора идей”, род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов, — “воскресения”, и постепенно развить внешний круг “воскресений” — публичные собеседования, чтобы “перебросить мост” для распространения “заговора” в широкие эмигрантские круги»⁵⁶. Особое место в дискуссиях, проводимых «Зеленой лампой», занимали вопросы о причинах революции в России, об отношениях между русской культурой метрополии и эмиграции, о сути жизни в изгнании и ее уроках.

Большинство исследователей творчества Зинаиды Гиппиус нередко отмечают, что в парижскую жизнь она с мужем вошла «сравнительно спокойно»⁵⁷. Берберова считала, что у четы Мережковских «... не было чувства бездомности, которое так остро было у Бунина и у других»⁵⁸. Однако за этой внешней благополучностью скрывались более сложные настроения, характерные для многих эмигрантов. В письме к Н. Бердяеву от 13 июня 1923 г. Гиппиус так описывала свою жизнь в Париже: «Я... ясно вижу, что выброшена отовсюду и некуда приложить сил, которые у меня еще остались. Нечего и не с кем делать. Странное состояние, для моей природы неподходящее»⁵⁹.

Хотя Мережковские играли заметную роль в жизни эмигрантского Парижа 1920-х — первой половины 1930-х гг., это вовсе не означало, что только вокруг них собирался весь русский литературный мир Парижа, как это принято считать. Поэт и сатирик Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский), приехавший в Париж в феврале 1920 г., полагал, что первый литературный салон там был организован Надеждой Тэффи⁶⁰. Известными светскими салонами, где в начале 20-х гг. XX в. собиралась элита русской эмиграции в Париже, были также гостиные Винаверов (до 1926 г.) и Цетлиных.

Женщины русского зарубежья 1917—1939 гг. не только много писали для различных эмигрантских газет и журналов, но и принимали активное участие в формировании новых культурных центров вокруг русских библиотек, издательств и учебных заведений. Они способствовали сохранению национальных традиций России в эмиграции и обеспечивали своего рода защиту от преобладающего влияния иной культурной среды. Так, организатором детской бесплатной библиотеки в Париже была В.Н. Бобринская⁶¹, жена графа А.А. Бобринского, российского археолога и политического деятеля.

Женщины-эмигрантки активнее мужчин занимались и благотворительностью, дававшей многочисленным беженцам из России возможности материального существования на чужбине. Благотворительная деятельность помогала организовывать культурную жизнь диаспоры, позволяла издавать газеты и журналы на русском языке, организовывать обучение детей в школах и различных высших учебных заведениях. Заметный вклад в развитие российско-итальянского культурного взаимодействия внесла княгиня М.П. Демидова, прожившая более полувека в Италии, и активно участвовавшая в просветительской и благотворительной деятельности.

Таким образом, русское печатное слово в условиях эмиграции 1917—1939 гг. стало значимым фактором сохранения национально-культурной идентичности, средством общения и массовой коммуникации, формой предпринимательской деятельности и важным инструментом политической борьбы. Оно играло определяющую роль в сложном процессе социальной и психологической адаптации беженцев из России. По сути, печатное слово на русском языке — газеты, журналы, книги — стало не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом бережного отношения и передачи российских культурных традиций и родного языка в эмиграции. Именно женщины русского зарубежья, представленные в основном образованной и интеллигентной частью российского общества, занимавшиеся журналистской, литературной и издательской деятельностью как профессией, внесли свой весомый вклад в дело сохранения и приумножения традиций русского печатного слова в изгнании.

1. РАЕВ М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М. 1994, с. 94.
2. Журналистика русского зарубежья XIX — XX веков. Учебное пособие. СПб. 2003, с. 175.
3. НАЗАРОВ М.М. Миссия русской эмиграции. М. 1994, с. 34.
4. РАЕВ М. Ук. соч., с. 116.
5. Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — политический деятель, социолог, публицист, жена С.Н. Прокоповича; в эмиграции с 1922 года.
6. Цветаева Марина Ивановна (1892—1941), поэт, прозаик, жена С.Я. Эфрона; в эмиграции с 1922 года.
7. Гиппиус (псевд. Антон Крайний) (1869—1945), поэт, прозаик, литературный критик, жена Д.С. Мережковского; в эмиграции с 1920 года.
8. ВИШНЯК М.В. Современные записки. Воспоминания редактора. СПб.-Дюссельдорф. 1993, с. 100.
9. ДОНАЛЬД Д. Переписка редакторов журнала «Современные записки». — Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940. Кн. 2. М. 1994, с. 37.
10. ВИШНЯК М.В. Ук. соч., с. 97.
11. Берберова Нина Николаевна (1901—1993) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, жена В.Ф. Ходасевича; в эмиграции с 1922 года.
12. БЕРБЕРОВА Н.Н. Курсив мой. — Октябрь. 1988, № 12, с. 190.
13. Федорченко Софья Захаровна (1888—1959) — писательница.
14. ГЕССЕН И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж. 1979, с. 106.
15. Тэффи (псевдоним, настоящая фамилия Бучинская, урожденная Лохвицкая) Надежда Александровна (1872—1952) — прозаик, поэт, журналист; в эмиграции с 1919 года.
16. ЛЕВИТАН И. Русские издательства 1920-х годов в Берлине. Книга о русском еврействе. 1917—1967. Нью-Йорк. 1968, с. 449.
17. Александрова (псевдоним, урожденная Мордвинова, по мужу Шварц) Вера Александровна (1895—1966) — литературовед, журналист; в эмиграции с 1922 года.
18. Одоевцева Ирина Владимировна (псевдоним, наст. имя Гейнике Ираида Густавовна, 1895—1990), в эмиграции с 1922 по 1987 год.
19. БАЗАНОВ П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). СПб. 2004, с. 113.
20. КОВАЛЕВСКИЙ П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж. 1971, с. 309.
21. БОЧАРОВА З.С. Эмигрантская периодика 1920—1970-х гг. о правовом положении русских беженцев. Периодическая печать российской эмиграции. 1920—2000. Сб. статей. М. 2009, с. 158.
22. ДЖУРИЧ О. Русская литературная Сербия: 1920—1940 (Писатели, кружки и издания). Белград. 1990, с. 257—263.
23. ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.Н. «Русский Берлин» (Издательские центры в 20—30-х гг.). Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940. Кн. 1. М. 1994, с. 51.
24. Каталог книг, вышедших вне России. Берлин. 1924.
25. Новый журнал. 1979, № 134, с. 120.
26. Русская книга. 1921, № 2, с. 15.
27. ГЕССЕН И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж. 1979, с. 22—23.
28. ГУЛЬ Р. Я унес Россию. Т. 2. Нью-Йорк. 1984, с. 92.
29. Бохановская (урожденная Чернявская) Галина Федоровна (1854—1936) — издатель; жила в Париже. После победы большевиков вернулась в Советскую Россию.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-5987, оп. 1, д. 1—16.
31. Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — художник, поэт, литературный, художественный критик, публицист; в эмиграции с 1920 года.
32. Бурлюк Мария — издатель, жена Д.Д. Бурлюка; в эмиграции с 1920 года.
33. СЕЛЕЗНЕВА Т.В. Д.Д. Бурлюк — редактор — издатель: (Период эмиграции: 1920—1967). Культурное наследие... Кн. 2, с. 444.
34. ГАРФ, ф. Р-5882, оп. 1, д. 6, л. 4.
35. КУН М. Бухарин: Его друзья и враги. М. 1992, с. 259.
36. АБРАМОВИЧ Р.А. Проблемы русской эмиграции. — Социалистический вестник. 1949, № 4, с. 63.
37. Среди коллекционеров. 1923, № 6, с. 41.
38. Данное издательство не следует считать типично эмигрантским, поскольку его деятельность была ориентирована на потребности книжного рынка Советской России.
39. СТРУВЕ Г. Русская литература в изгнании. Париж-М. 1996, с. 117.

40. ПЕТРИЦКИЙ В.А. XX век: две России — одна культура. Сб. научных трудов по материалам XIV международной конференции «Смирдинские чтения». СПб. 2006, с. 18.
41. БЕРБЕРОВА Н.Н. Железная женщина. Документальный роман. М. 1991, с. 970.
42. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 2. М. 1977, с. 119, 290—291.
43. СТРУВЕ Г. Ук. соч., с. 29—32.
44. Кузнецова (по мужу Петрова) Галина Николаевна (1900—1976) — поэтесса, писательница, мемуаристка, гражданская жена И.А. Бунина.
45. РАЕВ М. Ук. соч., с. 109; Государственные деятели России XIX — начала XX века. Биограф. справочник. М. 1995, с. 88—89.
46. БЕРБЕРОВА Н.Н. Ук. соч., с. 195.
47. Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М. 1997, с. 638.
48. Тыркова-Вильямс (урожденная Тыркова, в первом замужестве Борман) Ариадна Владимировна (1869—1962), писатель, публицист, общественный деятель, журналист; в эмиграции с 1918 года.
49. Полагают, что газета выпускалась А.Ф. Керенским на деньги, которые он сумел перевести за границу, будучи главой Временного правительства.
50. РАЕВ М. Ук. соч., с. 99.
51. Алексинская (урожденная Евтихьева) Татьяна Ивановна (1886—1968) — писатель, журналист, в эмиграции с 1918 года; Варшер Татьяна Сергеевна (1880—1960) — историк, журналист, в эмиграции с 1922 г.; Даманская Августа (Августина) Филипповна (1875, по др. источникам 1877—1959) — прозаик, журналист, переводчик, в эмиграции с 1920 г.; Делианич (Дели-Анич) Ариадна Ивановна (? — 1981) — журналист, редактор газеты «Русская жизнь», участница второй мировой войны; Журавская Зинаида Николаевна (1867—1937) — журналист, переводчик, в эмиграции с 1920 г.; Манухина (урожденная Рундышева, псевдоним Томанин Т.) Татьяна Ивановна (1886—1962) — журналист, прозаик, литературный критик, в эмиграции с 1920 г.; Рачинская Елизавета Николаевна (в замужестве Гусельникова, 1905—1993) — журналист, поэт, в эмиграции с 1918 г.; Таубе-Аничкова (настоящая фамилия Таубе) Софья Ивановна (1888—1957) — баронесса, писатель, журналист, в эмиграции с 1926 г.; Чернова-Колбасина (Колбасина-Чернова, урожденная Колбасина) Ольга Елисеевна (1886—1964) — литератор, журналист, в эмиграции с 1920 года.
52. ПИВОВАР Е.И. Ук. соч., с. 197.
53. Цит. по: ИППОЛИТОВ С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М. 2004, с. 292.
54. СТРУВЕ Г. Ук. соч., с. 164.
55. ОДОЕВЦЕВА И.В. На берегах Сены. М. 1989, с. 36—48, 49—52.
56. ТЕРАПИАНО Ю.К. «Воскресения» у Мережковских и «Зеленая лампа». Встречи. 1926—1971. М. 2002, с. 46.
57. ХРИСАНФОРОВ В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Из жизни в эмиграции. СПб. 2005, с. 23.
58. БЕРБЕРОВА Н.Н. Курсив мой, с. 283.
59. ПАХМУСС Т. Творческий путь Зинаиды Гиппиус. Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые исследования и материалы. М. 2002, с. 229.
60. ХРИСАНФОРОВ В.И. Ук. соч., с. 28.
61. Бобринская Варвара Николаевна (1864 (по другим данным 1866 г.) — после 1930). С 1899 г. — председатель Общества попечения о молодых девицах в Москве, с 1902 по 1907 гг. — председатель Московского городского попечительства о бедных Хитрова рынка. В 1908 г. сотрудничала с газетой «Русские ведомости». До 1914 г. была председателем Комиссии заграничных поездок учителей для знакомства с мировой культурой, занималась музейным делом. С февраля 1920 г. в эмиграции. Возглавляла Главное регистрационно-справочное бюро, собиравшее сведения о расселении эмигрантов за границей, организовывала общежития для женщин и ночлежные дома для мужчин. До 1924 г. жила в Праге. В 1924—1925 гг. выехала во Францию.

Производство вооружений в России начала XX в.

В.В. Поликарпов

Состояние военно-промышленного производства России в начале XX в., особенно в условиях первой мировой войны, представляет интерес не только ввиду влияния этой хозяйственно-политической сферы на ход событий, определявших судьбу Империи, но и в более общем плане. Военное производство, как средоточие высших научно-технических достижений, отражает уровень развития и возможности общества в целом, его экономики и культуры. Итоговое напряжение этого ресурса жизнеспособности режима может служить важнейшим показателем для объективно значимой, разноплановой оценки всего пройденного государством пути. Частью данной проблемы является выяснение взаимосвязи экономических, политических и социально-структурных факторов в возникновении кризиса 1917 года. Ряд западных историков придерживается убеждения, что при объяснении революции в первую голову надлежит проследить действие политических сил, приведенных в движение войной, отводя второстепенную роль экономическим факторам. «Россия не рухнула экономически. Самодержавие потерпело, скорее, политический крах»; более того, хозяйственный кризис в то время «не являлся кризисом упадка», «это был больше кризис роста»¹. Такая точка зрения утверждается и в новейшей российской историографии.

Изучить взаимосвязь хозяйственных и политических процессов в условиях войны лучше всего позволяют как раз данные, относящиеся к военно-промышленному производству. Но имеющийся в распоряжении историков для этого фактический материал нуждается не только в дальнейшем пополнении, но и в систематизации; в обсуждении также и самого подхода к источникам с их спецификой.

Военную промышленность рассматривают как «составную часть международной системы угрозы и военных конфликтов, тогда как прочие отрасли промышленности обслуживают международный обмен»; продукция ее либо используется для разрушительных действий, либо хранится в запасе до истечения срока годности для военных целей. Это определение П. Гэтрелл раскрывает с экономической точки зрения: такая продукция не предназначена для производительного использования в последующих фазах обращения капитала и не-

Поликарпов Владимир Васильевич — кандидат исторических наук.

пригодна как средство личного потребления². Она представляет собой, таким образом, производимые для государства «непосредственные потребительные стоимости» — специфические предметы потребления, которые необходимы исключительно военному аппарату власти и выпадают из процесса обращения капитала³. Не учитывая этого, П.П. Маслов в свое время ошибочно полагал, что и в производстве вооружений кругооборот капитала нормально замыкается, раз государство приобретает, оплачивает изготовленные (в своей или другой стране) средства насилия⁴. Лишь отчасти он прав: предметы, приготовленные, казалось бы, для снабжения армии, ее «едоков», но пригодные и для личного потребления, принципиально не отличаются от продукции гражданского назначения. Для определения же их действительного места в классификации мало знать, на что они пригодны в принципе: все зависит от того, поступили ли они на деле, в конечном счете в личное потребление полезного работника или же пропали зря, достались подпоручику Дубу и унтеру Пришибееву⁵.

При выработке в начале 1917 г. плана демобилизации производств Особая финансово-экономическая комиссия провела классификацию военных заказов, и она рассматривала заказанные для армии обувь, одежду (а также повозки, автомобили) как предметы, «могущие быть употребленными и в мирное время»⁶. К этому же классу другая правительственная комиссия 10 мая 1917 г. добавила военно-санитарные и ветеринарные запасы, авиационные моторы. Что же касается «артиллерийских заготовлений», то лишь кислоты смогла комиссия отнести к разряду тех продуктов, которые могут пригодиться и в случае их «излишка для целей войны»⁷. В сентябре 1917 г. Военное министерство (А.А. Маниковский) предложило Временному правительству воспользоваться неизрасходованными армейскими запасами, чтобы преодолеть «затруднения в получении хлеба от населения»: для этого Московский областной продовольственный комитет должен был обменять на хлеб «накопившееся негодное имущество». В особых условиях разрушенного гражданского снабжения могло найти сбыт даже «все то, что оказывается в армии изношенным и пришедшим в негодность для дальнейшего употребления и затруднительно для починки распоряжением интендантства» — потрепанное обмундирование, белье, теплые вещи, обувь, конская принадлежность, обозное имущество, металлический лом и пр.⁸ В 1920 г. тот же вопрос разграничения встал практически, когда правительства США и Великобритании остановили вывоз в Россию железнодорожного оборудования — как «материалов, которые могут быть использованы для войны». Советское правительство безуспешно пыталось «возможно шире толковать значение слова “небоевые”, включая в эту группу предметы железнодорожного снабжения, а также машины, станки, инструменты, пригодные для производства предметов небоевого значения», и заказанные «для нужд гражданского населения» сукно, обувь⁹.

Таким образом, хозяйственная и политическая практика того времени заставляла различать используемые в военных целях производства, обособляя среди них изготовление собственно боевых средств — вооружения, боеприпасов, всего того, что идет на уничтожение людей, разрушение материальных ценностей и ни на что более не пригодно. В отношении же менее специфической продукции на первый план выступал характер фактического конечного ее использования.

Ту же схему можно распространить и на классификацию предприятий в своих отраслях. Наряду с артиллерийскими заводами и арсеналами, вообще специальными предприятиями — поставщиками военных ведомств, в снабжении вооруженных сил участвовали еще и многие другие предприятия, чуть ли не целиком крупнейшие отрасли промышленности, вплоть до текстильной. Расширение этой сферы изучения путем включения в нее производства пред-

метов, не предназначенных исключительно для военно-государственного потребления, оказывается неизбежным в исследованиях о военно-экономическом потенциале. В трудах о военной экономике А.Л. Сидорова, П. Гэтрелла, К.Н. Тарновского и др. значительное внимание уделено топливной, химической промышленности, металлургии и прочим номинально (и отчасти действительно) гражданским отраслям хозяйства.

Изолированному рассмотрению военного хозяйства препятствует также действовавшая статистическая классификация: специальные военные производства в ней, как правило, вовсе не фигурировали, скрытые в рубриках машиностроения, химии и других промышленных отраслей. На несовершенство принятой статистической классификации с точки зрения историка указал Сидоров, не удовлетворенный подсчетами Н.Я. Воробьева: этот статистик «причисляет к “государственной обороне” только снаряды, оружие и другие предметы разрушения, а все остальные предметы, которые могли употребляться для мирного обихода, им исключены. С такой методикой классификации материала нельзя согласиться, — писал Сидоров. — Получается довольно странная картина: пушка — предмет обороны, а металл и уголь, которые употреблены при ее изготовлении, — предметы мирного потребления»¹⁰. Критическая мысль выражена здесь не вполне отчетливо, но, действительно, без искажения сути дела хозяйственные ресурсы, затраченные на производство вооружения, не могут выпасть из рассмотрения.

Обращение к вопросу о месте, весомости военной индустрии в Империи породило в литературе разногласия при оценке того влияния, какое оказала на общее состояние экономики предвоенная гонка вооружений, — о роли ее в наблюдавшемся промышленном оживлении и подъеме. По мнению ряда авторов, происходившее в 1912—1914 гг. вовлечение все более обширного круга предприятий в исполнение военных заказов не имело решающего значения, промышленный подъем имел в основе естественные рыночно-конъюнктурные процессы. Другие считают, что именно бросив на вооружения те средства, которые были собраны благодаря удачным урожаям и высоким мировым ценам на хлеб, а также путем внешних займов, правительство вызвало промышленное оживление и рост.

Действительно, российская индустрия получила от военных ведомств столько заказов, что оказалась не в состоянии покрыть их запросы. Выступая в мае 1914 г. на VIII съезде представителей промышленности и торговли, министр С.И. Тимашев указывал на появление «сильно приподнятого спроса, на который промышленность ответить не может». Этот «действительно колоссальный, быть может, беспрецедентный в истории нашей промышленности» спрос, сказал министр, «как вы знаете, прежде всего и главным образом вызывается крупными заказами казны. Мы имеем перед собою на полмиллиарда заказов по программе [военного] судостроения, огромные расходы на перевооружение армии, постройку [стратегических] железных дорог, коих разрешено на сумму свыше 700 млн руб., портостроительство... Ответить на такой спрос сразу, без подготовки совершенно невозможно»¹¹. Точными мазками министр изобразил, по существу, картину того, что ныне нередко именуют командной экономикой.

Получив все мыслимые военные заказы и авансы, дельцы спешно возводили новые заводы, расширяли существующие; сооружали верфи. Размах этой деятельности превысил внутренние возможности и ресурсы: и металла, и топлива недоставало, нехватку приходилось покрывать беспощинным ввозом из-за рубежа с ущербом для таможенных доходов казны. Крупнейшие частные и казенные заводы, получившие артиллерийские заказы перед войной (Пермский, Путиловский, Обуховский), срывали сроки, опаздывая на многие месяцы — уже и во время войны; не справлялось с обязательствами акционерное обще-

ство, взявшееся соорудить в Царицыне крупнейший в империи завод тяжелых орудий. Важные военные и морские заказы пришлось отдать иностранным фирмам, не исключая германские. И не хватало ресурсов, чтобы соорудить дорогу Донбасс—Москва, которая должна была решить роковую проблему российской военной экономики, связанную с доставкой топлива в центры военной промышленности. Проектирование другой столь же нужной стратегически дороги, на Мурманск, к открытому океану, без Босфора и Дарданелл, при давным-давно осознанной ее необходимости, началось только после открытия военных действий.

Яснее оценить значение военных ассигнований для промышленного подъема можно, если учесть, что в предвоенные два года держалась неблагоприятная для инвестиционной деятельности хозяйственно-политическая конъюнктура. Иностранные частные кредиторы и инвесторы проявляли сдержанность ввиду международной военной напряженности. К декабрю 1913 г. дело дошло фактически до биржевого краха, с кульминацией кризиса в Петербурге и Париже в начале июня 1914 года. «Неблагоприятные для экономической жизни обстоятельства, которые были отмечены в прошлогоднем нашем отчете, продолжались и в 1913 г., — жаловались финансисты. — Ибо хотя военные действия на Балканском полуострове закончились в половине года, но нельзя сказать, чтоб одновременно настало успокоение; напротив, тревожное настроение и страх перед новыми осложнениями все тяготели над развитием экономической жизни, тормозя предприимчивость и вызывая сдержанность и дороговизну капитала. Такое повсеместное положение дел отразилось и на нашем рынке, находящемся в тесной зависимости от заграничных денежных центров. Поэтому в продолжение всего отчетного года заметна была у нас большая дороговизна денег, сопряженная с крайнею осторожностью в предоставлении кредитов, причем исправность платежей оставляла желать многого»¹². Эта сдержанность и осторожность непосредственно отразились, например, на судьбе Путиловского и Невского заводов, реорганизации и расширению которых помешал отказ в финансировании со стороны французских партнеров. На фоне такой сдержанности заграничных инвесторов могло показаться, что «начало расти значение внутренних накоплений»¹³.

Даже после открытия военных действий, когда уже проявились признаки «снарядного голода», частные заводчики не проявили готовности сами направить свои капиталы на развертывание артиллерийских производств, ограничиваясь преимущественно использованием «внутренних накоплений» бюджета (авансы по заказам, казенные субсидии на постройки и приобретение оборудования). Сигналы «конъюнктуры» они ощутили тогда, когда экономика стала командной в самом прямом смысле. В сентябре 1914 г. верховный главнокомандующий потребовал от военного министра дать максимальный «срочный заказ русским металлургическим заводам», привлечь частные заводы «хотя бы реквизиционным порядком, к выделке снарядов». Военный министр 9 сентября через министра торговли и промышленности вызвал представителей фирм, и они только тут узнали, какова действительная нужда в снарядах и что в создавшихся обстоятельствах для правительства «вопрос о цене имеет второстепенное значение». Прибывший на это совещание и.д. начальника Генерального штаба «с последней телеграммой о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки... стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованиями армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше, какой угодно ценой»¹⁴.

В классическом выражении историческое изучение военной промышленности предполагает тот подход, который реализован в исследованиях Сидорова, Л.Г. Бескровного и особенно К.Ф. Шацилло, где история военного хозяйства

России не замыкается в себе, а включает существенные для понимания предмета вопросы политики, стратегии, международных финансовых отношений. Подобные вопросы рассматриваются в той мере, в какой это оказывается необходимым для уяснения процессов, происходивших в самом производстве военных материалов. Узко экономический же взгляд, не учитывающий исторического, комплексного характера проблемы, приводит к недопустимым упрощениям и в освещении собственно экономических явлений.

Применение к военной экономике России методов макроэкономических расчетов, неизбежно основанных на стоимостных индексах и показателях, зачастую принципиально противоречит характеру этой неоднородной среды. Какие бы акробатические приемы стоимостных исчислений ни применялись в компиляции данных о динамике российской экономики военного времени — нет возможности выразить конкретно влияние на количественные соотношения со стороны таких фундаментальных явлений, как, например, натуральный характер хозяйствования и его принудительная товаризация, или, скажем, ценообразование, основанное на неэквивалентном обмене между сельскохозяйственным и промышленным производством¹⁵. Авторы предпринятых расчетов и сами фактически признают их неправомочность, поскольку ясно, что вне сферы рыночных, стоимостных отношений находилось даже не только военное производство с его больше бюрократическими, чем стоимостными измерителями, как это свойственно режиму командной экономики, но и другая, гигантская по сравнению с военной промышленностью сфера — океан деревенских хозяйств и экономий, которые «выпадали из экономической ткани общества». По поводу расчетов народнохозяйственного накопления А.Л. Вайнштейн заметил, что здесь тем больше сложностей, «чем на более низкой стадии капиталистического развития находится данная страна и чем большую роль играет в ней натуральный и мелкотоварный уклад хозяйства». В условиях войны сельские хозяйства мало того что потеряли две трети наемной рабочей силы и прибегали к массовому использованию подневольных работников (военнопленных, беженцев, солдат) — они к тому же отказывались продавать свою продукцию на рынке за деньги, замыкались в своем натуральном существовании¹⁶. Эти три (рыночная, командная в нескольких разновидностях, частная натуральная) столь резко различающиеся сферы хозяйства не образуют однородной статистической совокупности, допускающей над собой дальнейшие операции: рыночная экономика являлась лишь «одной из подсистем народного хозяйства»¹⁷. Денежный стоимостной измеритель бесполезен для оценок, касающихся специальных военных производств в российских условиях начала XX века.

Попытки выразить в конкретных величинах стоимость продукции военных предприятий наталкиваются на непреодолимые препятствия из-за принципиальной непригодности источников, казалось бы, содержащих нужные показатели. В первую очередь это касается сведений о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями. Горное ведомство признавало, что ни заводууправления, ни центральные органы не имели хотя бы приблизительного понятия о том, во что обходятся заводам отдельные категории изделий. Даже в якобы «коммерчески» управляемых морских заводах постановка учета принципиально отличалась от обычной бухгалтерии частных предприятий и не позволяла ориентироваться в действительных издержках. Как показал Шацилло, в этом и не было необходимости, поскольку натуральный результат хозяйствования в этой сфере — выпуск вооружения — никак не соотносился с отсутствующими у «хозяйствующего субъекта» представлениями об эффективности в экономическом смысле.

При исчислении макроэкономических показателей, национальных счетов «остро дискуссионным» (Вайнштейн) оказывается вопрос — следует ли учиты-

вать в составе народного дохода военные производства и в целом «оборонные услуги» (как и прочие «правительственные услуги»). Острота вопроса обусловлена его идеологически, политически окрашенным характером. Как известно, К. Маркс, рассматривая процесс распределения произведенной в обществе прибавочной стоимости, указывал на существование, «наряду с промышленным капиталистом», таких ее получателей, как землевладелец (земельную ренту), ростовщик (проценты), но не забыл «также еще и правительство со своими чиновниками... и т.д.» Обслуживание правительственного, государственного аппарата, а значит и вооруженных сил, согласно этому представлению, должно учитываться в качестве «непроизводительного труда» (в составе этой же категории Маркс для более рельефной наглядности называл обычно занятия клира, проституток, вульгарных экономистов, прокуроров и т.п.).

Экономисты М. Харрисон и А. Маркевич, со своей стороны, полагают, что все это следует включать в исчисления со знаком плюс: такая методология «все же по меньшей мере дает представление о производственных возможностях общества» и позволяет «сопоставлять полученные результаты с данными исследований по другим периодам и странам»¹⁸. С. Кузнец придерживался иной точки зрения, рассматривая сферу обороны, внутренней охраны, репрессивную деятельность государства как нечто не относящееся к «тем государственным услугам, которые приносят непосредственную пользу членам нации как конечным потребителям», — в отличие от сферы образования, здравоохранения¹⁹. (Такая точка зрения не вполне реалистична: некоторым «членам нации» все это как раз на пользу, и весьма ощутимую; только не в качестве «услуги» с плюсом в балансе нации, а в качестве статьи непроизводительного потребления, то есть с вычетом²⁰.) Также и по мнению Р. Хиггса, так называемые «оборонные услуги» по своей природе настолько отличаются от обычного производства, что они не должны учитываться наряду с ним в составе внутреннего валового продукта.

Возражая Хиггсу, Харрисон и Маркевич упрощенно излагают его позицию: он якобы ошибочно считает, что «производство только товаров и услуг гражданского назначения» способствует «росту благосостояния». В действительности же Хиггс ссылается еще и на другое — на такие свойства военной экономики, которые заводят в тупик количественные расчеты экономистов, а против данного его соображения Харрисон и Маркевич ничего не выдвигают. Помимо обычных затруднений, связанных с выработкой более или менее точных индексов, пишет Хиггс, «фундаментальное значение имеет то, что бессмысленно подсчитывать национальный продукт, когда отсутствуют рыночные цены»²¹. Хиггс указывает в этой связи на «произвольность цен и подавление свободы распоряжения ресурсами в командной экономике» военного времени, отчего «лишаются смысла прямые сравнения национального продукта». На этом основании он и считает неправомерным говорить о «процветании», «экономическом буме военного времени». По мнению Хиггса, «оценки национального продукта в условиях командной экономики по самой своей сути произвольны». «Командная экономика, — пишет Хиггс, — и рыночная экономика... подчиняются разным законам, и перед лицом этого коренного аналитического затруднения мы должны признать, что на некоторые вопросы просто невозможно найти ответ». Хиггс как раз и выступает против тех экономистов и историков экономики, которые пытаются опираться на «теоретически обоснованные данные о казенном производстве и искаженные данные о частном производстве, когда идет речь о командной экономике». Характерно, что свои критические соображения о принципах анализа военной экономики и возникающих в этой области непреодолимых затруднениях с исчислениями Хиггс высказал применительно к хозяйству США времен второй мировой войны²²,

тогда как в отношении России 1914—1917 гг. статистические источники дают историкам экономики еще меньше возможностей.

Что же касается влияния военной экономики на благосостояние страны, то и в этом вопросе на первый план выходит не столько абсолютная величина народного дохода, сколько его материальное, натурально-вещественное содержание²³. Харрисон и Маркевич задаются целью исчислить не только национальный доход Российской империи военного времени на душу населения, но и роль военных расходов в создании «благосостояния населения» и, исходя из этого, оценить растущий «средний уровень жизни граждан» империи. В противоречии с выраженным намерением те же авторы соглашаются, что при расчете национального дохода надо бы «исключить оборонные услуги» (и что Хиггс в этом прав), а «в идеале следовало бы также вычесть... потребление материальных ресурсов в военных целях, но для этого нет данных». Они этого и не делают, а наоборот, недопустимо упростив свою задачу, выводят максимальную («возможную верхнюю») границу благосостояния гражданского населения России в 1914—1917 годах. Такой, откровенно облегченный, подход, как им представляется, позволяет включить в исчисления «сектор оборонных услуг»: «содержание армий» плюс «произвольная поправка» в 50% на «оборонные капитальные услуги»²⁴.

Максималистски-оптимистический подход Харрисона—Маркевича, по существу, сближается с идеологией «особого пути» русских неопочвенников. В ней лишь термин «оборонные услуги» заменяется столь же привлекательным и государственночески благодушным — «невещественное богатство», подразумевающее «правопорядок, безопасность, духовность». Неопочвенники полагают, что таким образом ресурсы страны получают употребление «в социально значимых... отраслях», характерных для российского «мобилизационного типа развития», здесь «государство — носитель общего блага, оно выражает общенациональный интерес»²⁵. Соответственно, применительно к российской практике 1914—1917 гг., потребовалось бы учесть в качестве «оборонных услуг» не только само по себе содержание войск, но и их «работу» по организации опустошения оставляемых местностей, насильственной эвакуации сотен тысяч мирных обывателей из западных областей России, сопровождавшуюся уничтожением и разграблением их имущества, стрельбу по недовольным рабочим в Иваново-Вознесенске, Костроме и Петрограде и т.п. Такое переименование («оборонные услуги») означает не что иное, как попытку устранить из анализа категорию «непроизводительного труда», относящегося к сфере надстройки, государства.

Эту категорию во вполне жизненных проявлениях воспринимали в воюющей России. «Ночью, на опустелом дворе брошенной хаты, я, засыпая, слышу, как прапорщик Мещеряков говорит: “Знаете, Гуль, что на войне для меня страшнее всего? Что такая масса людей, такие чудовищные силы заняты ведь совершенно непроизводительным трудом”. Я смертельно хочу спать, не вслушиваюсь, не понимаю, что говорит Мещеряков. “Вы, Мещеряков, экономист?” — слышу голос Ивановского. — “Экономист... а что?” — “Сразу видно”»²⁶.

Замкнутость исследования в узко статистической сфере, в отрыве от «всей экономики и, особенно, характера самого общества» ведет к ошибкам²⁷. Если не избегать междисциплинарного анализа, а значит исторического подхода, то трактовка военного производства как особых «услуг» — надо признать — все же содержит непроизвольно выразившееся рациональное начало, но ей недостает логической законченности. Упоминание об «услугах» в таком случае естественно порождает вопрос — «услуги кому?», приносят ли они «непосредственную пользу членам нации как конечным потребителям»²⁸? Ответ Харрисона и Маркевича, как и самобытных государственников, который подразумевается, но не высказан, — услуги предназначены «обществу» (нации, государству); но

это сразу же перемещает отвлеченные рассуждения на реальную историческую почву и обнажает их необоснованность.

С точки зрения Николая II и его единомышленников, например, имперская политика на Дальнем Востоке, вызвавшая войну с Японией, требовала жертв и оказания «оборонных услуг» на несколько миллиардов рублей — больше годового бюджета империи. Но у других современников переживания той войны породили тяжелые сомнения — было ли нужно сооружать крепость Порт-Артур с необходимыми для нее устройствами и вооружением, тратить колоссальные средства на оказавшиеся негодными корабли русской постройки, на содержание колониального аппарата, войск, призрение увечных, на расстрелянные и уничтоженные орудия и боеприпасы. Власть «расточает народные силы» зря: расходы на КВЖД и овладение Маньчжурией — это «всенародная грамотность, самодержавной властью отнятая у русского народа и отданная японцам и американцам», писал П.Б. Струве²⁹. «Наши порты и адмиралтейства», жаловался публицисту М.О. Меньшикову не названный им по имени «выдающийся корабельный инженер», — это «страшный паразит, сосущий драгоценные соки родины». Было распространено мнение: «Затратьте полмиллиарда [не на флот, а] на выкуп земли у дворян или на народное образование — и каждая из этих реформ в одно десятилетие удвоит силы России». Меньшиков в 1905 г. оспаривал это мнение, но в 1912 г., встревоженный угрозой нежелательной войны с Германией, и сам развил ту же тему: «Мы ежегодно тратим до миллиарда на армию и флот, и все-таки не имеем пока ни флота, ни готовой к войне армии. Но тот же миллиард, вложенный в какое хотите культурное дело... мог бы сдвинуть нас с мели... Под страхом нашествий тех самых врагов, которые трепещут нашего нашествия, мы обираем, что называется, у нищего суму, выколачиваем подати...»³⁰.

Кадетский орган в этом вопросе не расходился с «Новым временем»: «Ужасные уроки показали нам, что и внешнее могущество и величие страны не могут выдерживать пренебрежения к интересам внутреннего развития. Германия со всем своим милитаризмом была бы лишь колоссом на глиняных ногах, если бы она не опиралась на необычайное развитие промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру. Какое непонимание великих исторических уроков, какое легкомыслие — думать, что сила государства измеряется его военным и морским бюджетом»³¹.

Все вместе они повторяли то, к чему просвещенный бюрократ А.В. Головин пришел полвеком раньше: «Действительная сила России заключается не в армии, не во флоте... Россия ожидает дорог, разрешения крестьянского вопроса, учреждения других судов и полиции, другой системы взимания государственных доходов, устройства народных школ и вообще учреждений, которые прямо поведут к увеличению благосостояния империи, а с тем вместе и силы ее». Строить же боевые корабли — «нет денег на подобные затеи, составляющие предмет роскоши, а не насущной потребности империи»³². В.И. Вернадский считал, что учреждение ряда специальных исследовательских институтов с целью изучения недр «не менее необходимо для выхода из тяжелого положения в связи с войной, чем, например, создание... сверхдредноутов», чем пушки и снаряды. «Можно создать все исследовательские институты, сделав одним сверхдредноутом меньше»³³.

Таким образом, в оценках «государственно мыслящих» людей — вовсе не анархистов или социалистов и не пацифистов — «услуги» стране и обществу требовались иные, чем это представляла себе верховная власть. Да и в самом правительстве понимание необходимости определенных «оборонных услуг» не было однородным. В частном письме бывшему дипломату и коллеге по Комитету финансов П.А. Сабурову министр финансов В.Н. Коковцов высказал свое

отношение к сложившемуся курсу так: «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение... Будущее полно мрачных предзнаменований, и я не вижу, откуда мог бы блеснуть нам луч успокоения... Хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора умерить фантазии, которые ведут нас к гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в... стремлении брать деньги на все, вместо того чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт»³⁴.

Понятно, что ни Меньшиков, ни Коковцов, С.Ю. Витте или А.Н. Куропаткин, ни другие бюрократические и политические деятели, отвергая проводимый курс, не выступали против любых «оборонных услуг» вообще, но очевидно, что конкретно названных «услуг» они не добивались и не одобряли. Излишне было бы доказывать, что другая часть общества, еще более значительная, причастная к производительному труду, ничего для себя доброго от этих «услуг» не ожидала и только несла потери.

Вопреки неисторическим и противоречивым построениям цитированных экономистов, «услугами» такого рода удовлетворялись запросы, повышалось благосостояние не общества в целом, а лишь возвысившейся над ним касты — прежде всего персон, допущенных к решению главных вопросов государственной военной и экономической стратегии. «Благосостояние» этой касты не сводилось к вульгарным личным доходам (в том числе от теневой военно-промышленной деятельности), допускающим исчисление в деньгах³⁵. Точно очерченные материальные проявления успеха лишь сопутствовали чему-то менее обозримому, но несравнимо более значимому. Доступ к рычагам управления национальными ресурсами в соответствии с сугубо личным пониманием «государственных интересов», позволяющий тешить свое властолюбие и тщеславие, испытывая от этого, конечно, неизмеримое в статистических единицах, социально переживаемое ощущение «административного восторга», — особая неисследованная статья «личного потребления», дополняющая общежитейское благополучие³⁶.

Включая «оборонные услуги» в положительный баланс, Маркевич и Харрисон объясняют это тем, что такая методология «дает представление о производственных возможностях общества»³⁷. Но и это объяснение также несостоятельно исторически: какими бы блестящими ни выглядели статистические расчетные «возможности», а на деле вся социальная система не выдержала груза «оборонных услуг», которые к тому же в реальности финансировались антантовскими кредиторами, то есть ложились на расходный баланс будущих поколений подданных Российской империи. Размышления же о якобы выявленных таким путем производственных возможностях — «потенциальном уровне общественного благосостояния, которого общество могло бы достичь при иных обстоятельствах (например, в мирное время)», — заведомо выходят за пределы научного анализа, имеют, как пишут по другому поводу те же авторы, характер «смелых предположений» чисто идеологического свойства. В отличие от них Гэттрелл признает, что «трудно разграничить» последствия войны и последствия революции 1917 года. Но есть признаки того, что в 1916 г. национальный доход начал падать и к 1917 г. «едва достигал двух третей от довоенного уровня». Происходил не подъем, а наоборот, «разрушение материальных ценностей», «истощение производительных сил», связанное с ростом специальных военных производств³⁸.

Сам же Харрисон не зря свой «в целом скептический взгляд» на экономические последствия войны основывал не на исчислении стоимости якобы полученных народами «военных услуг», а на признании того, что «война вообще

является деятельностью с отрицательным балансом». Если в экономике что-то появляется за время войны полезное, то нет доказательства того, что это «действительно результат войны и никак не могло состояться иначе, без войны»; «всегда того же результата можно достигнуть менее дорогостоящим путем»³⁹.

Обсуждаемый предмет далеко не нов; П.П. Маслов постоянно обращался к нему в ряде работ, написанных накануне и вскоре после первой мировой войны. Ему, по прямодушной наивности, казалось, что даже «самый ярый защитник» денежной оценки результатов хозяйственной деятельности едва ли «станет утверждать, что народное хозяйство обогатилось от уничтожения товаров, хотя, несомненно, их денежная ценность повысилась». Тем не менее и во времена Маслова идея, выдвигаемая Харрисоном и Маркевичем, получала выражение в милитаристской пропаганде: «И сейчас находится много экономистов, — продолжал Маслов, — которые верят, что страна обогащается не только от роста производства предметов вооружения, но даже от ведения войны». В действительности же «реальное накопление не может получиться из процесса разрушения»; выпуск предметов непроемкого потребления, предметов роскоши и вооружения «разрушает производительные силы», сокращает их, задерживает развитие. Процесс накопления возможен, когда производство превышает потребление и «когда эта разница... идет снова в производство для дальнейшей продукции. Производство же военного снаряжения, давая высокие прибыли... не ведет к накоплению в народном хозяйстве», такие предметы «не получают производительного назначения». «Военное производство является... расхищением национального дохода и капитала»⁴⁰. Это «ничто иное как уничтожение сбережений страны и ее капиталов» — работа «не ради увеличения благосостояния страны, а ради уменьшения его», со знанием дела подтверждал директор Волжско-Камского банка и крупнейшего международного артиллерийского комбината⁴¹.

Ввиду важности количественных характеристик для освещения истории российской военной промышленности трудно переоценить значение совершенствования исчислений — с учетом реальных, ограниченных возможностей имеющихся источников. На первый план выступает необходимость уточнений в связи с тем пересмотром характера социальных отношений, который был предложен «новым направлением» с его теорией многоукладности. Имеющиеся в литературе оценки вместе с рядами цифр, положенными в основание, теряют смысл, когда бывает упущена из соображения качественная разнородность объектов изучения. Для оценки состояния военной промышленности как особого сектора производства, подытоживающего экономический потенциал империи, для уяснения основных количественных соотношений может оказаться целесообразным предварительный сдвиг исследовательских усилий как раз в сторону сравнительного изучения качественных характеристик и критической оценки источников.

Примечания

Работа выполнена по проекту РГНФ № 12-31-10020 «Первая мировая война и конец Российской империи».

1. HOLQUIST P. Making war, forging revolution. Russia's continuum of crisis, 1914—1921. Cambridge (Mass.). 2005, p. 45. Автор ссылается на работы предшественников — Н. Стоуна, П.Б. Струве и др.
2. GATRELL P. Government, industry and rearmament in Russia, 1900—1914. Cambridge U.P. 1994, p. 5—6. По выражению В.П. Васютовича, продукция, непригодная «ни для производственного, ни для личного потребления» (ВАСЮТОВИЧ В.П. Ценообразование в военном производстве США. М. 1980, с. 56). См. также: КРАВЧЕНКО Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1970, с. 17.
3. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1, с. 457—459.

4. МАСЛОВ П. Основы экономической политики. М.-Л. 1926, с. 46; ЕГО ЖЕ. Проблема продукции (Еще о социальной проблеме). Пг.-М. [1923], с. 41—42.
5. См. КРАВЧЕНКО Г.С. Ук. соч., с. 17; ХОШИМУРА Ш. Теория воспроизводства и накопления капитала. М. 1978, с. 60.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 23, оп. 27, д. 218, л. 8об.
7. Государственный архив Российской Федерации, ф. 6, оп. 2, д. 225, л. 4.
8. РГИА, ф. 1276, оп. 13, д. 452, л. 13.
9. ФУРАЕВ В.К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М. 1964, с. 51; ГАНЕЛИН Р.Ш. Некоторые материалы об экономических отношениях между советской Россией и США после Октябрьской революции. В кн.: Проблемы источниковедения внешней политики США. М.-Л. 1987, с. 98, 99.
10. СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М. 1973, с. 368.
11. Торгово-промышленная газета. 3.V.1914.
12. Отчет об операциях и положении дел Коммерческого банка в Варшаве за 43 период действий банка, с 1 января по 31 декабря 1913 г. по нов. ст., представленный Советом [банка]. Варшава. 1914. См. также: LÖHR B. Die «Zukunft Russlands». Stuttgart. 1985, S. 172, 176, 177; GIRAULT R. Les relations économiques et financières entre la France et la Russie de 1887 à 1914. T. 2. Lille. 1972, p. 959, 988, 994—1002; International banking. 1870—1914. N.Y.-Oxford. 1991, p. 466 (А.А. Фурсенко); ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Акционерные компании в России. Л. 1973, с. 250; НЕТЕСИН Ю.Н. Промышленный капитал Латвии. Рига. 1980, с. 117, 154; ТОРПАН Н.И. Финансово-монополистические группировки в военной промышленности на территории Эстонии в 1911—1917 гг. — Известия АН ЭстССР, 1988, т. 37, вып. 1, с. 116—117.
13. БОРОДКИН Л.И., КОНОВАЛОВА А.В. Российский фондовый рынок в начале XX в. Факторы курсовой динамики. СПб. 2010, с. 140.
14. СИДОРОВ А.Л. Ук. соч., с. 24—26.
15. ОСТРОВСКИЙ А.В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? — Из глубины времен. 1993, № 2, с. 138; ВАЙНШТЕЙН А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. Статистическое исследование. М. 1960, с. 128—129.
16. GATRELL P. Poor Russia, poor show: mobilising a backward economy for war, 1914—1917 In: The economics of World War I. Cambridge U.P. 2005, p. 245, 257. Ср. приведенные тут же подсчеты ВВП в разных вариантах: по А. Мэдисону, П. Грегори, Д. Паркеру (р. 238); ВАЙНШТЕЙН А.Л. Народное богатство, с. 425.
17. БОКАРЕВ Ю.П. Экономическая история и экономическая теория. М. 2007, с. 22.
18. МАРКЕВИЧ А., ХАРРИСОН М. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М. 2013, с. 10—11, 22.
19. См. ВАЙНШТЕЙН А.Л. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам. В кн.: ВАЙНШТЕЙН А.Л. Избр. труды. Кн. 2. М. 2000, с. 234.
20. ЛЮКСЕМБУРГ Р. Накопление капитала. М.-Пг. 1923, с. 474; с. 532, 535 (критикуемый в этом же труде Г. Экштейн).
21. HIGGS R. From central planning to the market. The American transition, 1945—1947. — The Journal of Economic History, 1999, Vol. 59, № 3, p. 604—605, 613—614, 618. И далее: «Хозяйство военного времени с его произвольной [byzantine], постоянно изменяющейся структурой запретов, приоритетов, графиков исполнения, физического размещения, приостановки, отмены и ограничения заказов, квотированием, субсидиями, контролем цен, распределением товаров и кредитов, воздействием на процент, трудом военнообязанных и бронированных работников и широким прямым правительственным инвестированием в основные капиталы промышленности...»
22. О тех же затруднениях, существовавших «вплоть до настоящего времени», писал позднее другой автор (ВАСЮТОВИЧ В.П. Ук. соч., с. 65, 66, 68).
23. ВАЙНШТЕЙН А.Л. Международное сравнение народного богатства. В кн.: ВАЙНШТЕЙН А.Л. Избр. труды, кн. 2, с. 157—158.
24. МАРКЕВИЧ А., ХАРРИСОН М. Ук. соч., с. 10, 22—23, 66, 67.
25. АФАНАСЕНКО И.Д. Хозяйственный строй России. Учебник для вузов. СПб. 2012, с. 27, 318—319, 332—333). «Исправляя» классическую политэкономю в этом ключе, они опираются на традицию от «Книги Велеса» и И.Т. Посошкова до К.Н. Леонтьева, евразийцев и писателя Вл. Личутина (Там же. Passim).
26. ГУЛЬ Р. Конь Рыжий. Нью-Йорк. 1952, с. 55.
27. См. ХАНИН Г.И. Советский экономический рост. Анализ западных оценок. Новосибирск. 1993, с. 92 и др.
28. ВАЙНШТЕЙН А.Л. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам, с. 234.

29. Цит. по: ГНАТЮК О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб. 1998, с. 102.
30. В более полном виде его рассуждения не лишены интереса: «Миллиард, вложенный в мелиорацию земли, в орошение ее... в ремесленное образование, в санитарное оздоровление народа (одна чудовищная детская смертность чего стоит!), — даже один миллиард, честно вложенный, не разворованный по дороге, — мог бы сдвинуть нас с мели... Пусть несчастные вырождаются и вымирают — нам непременно нужно вогнать в среднюю “душу населения” двенадцать бутылок водки в год, иначе нечем содержать армию и флот даже в теперешнем “неготовом” виде» (Новое время, 4.IX.1905; 16.II, 16.IX.1912).
31. КОТЛЯРЕВСКИЙ С.А. Флотский вопрос и внешняя политика. — Вестник народной свободы. 1908, № 3, с. 81. «Ведь подъем умственного развития и материального благосостояния народа, — добавлял военный обозреватель, — так же необходим для усиления военной мощи государства», а между тем «средний бюджет русского обывателя в 3-4 раза меньше, чем германца или француза» (Новое время. 20.VII.1908). Вообще «развитие военных сил, несоизмерное с финансами, ослабляет государство даже в военном отношении», — писал министр финансов Александра II М.Х. Рейтерн. Цит. по: ШЕВЫРЁВ А.П. Русский флот после Крымской войны. М. 1990, с. 41.
32. Цит. по: ШЕВЫРЁВ А.П. Ук. соч., с. 34—35.
33. ВЕРНАДСКИЙ В.И. Очерки и речи. Пг. 1922, с. 68.
34. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1208, оп. 1, д. 80, л. 16.
35. Как отмечает К. Рид, «управление Россией являлось семейным бизнесом Романовых» (READ Chr. From Tsar to Soviets, the Russian people and their revolution. Routledge. 1996, p. 16).
36. Ныне очевидно, что подобные кастовые возможности представляли собой способ реализовать присвоенные права *пользования* и *распоряжения* гигантскими, не поддающимися точному исчислению материальными средствами нации, традиционно оформленными во *владение* на чужое имя — аппарата власти.
37. МАРКЕВИЧ А., ХАРРИСОН М. Ук. соч., с. 10.
38. GATRELL P. Poor Russia, poor show, p. 240—241, 263, 236; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М.-Л. 1957, с. 247; ч. 2. М.-Л. 1957, с. 110, 7.
39. BROADBERRY St., HARRISON M. Introduction. In: The economics of WWI: an overview, p. 29, 2.
40. МАСЛОВ П.П. Основы экономической политики, с. 13, 21—23, 34, 45—46, 66, 90—91, 114; ЕГО ЖЕ. Мировая социальная проблема. Чита. 1921, с. 84—85; ЕГО ЖЕ. Наука о народном хозяйстве. М.-Пг. 1923, с. 585, 80, 82, 83; ЕГО ЖЕ. Проблема продукции (Еще о социальной проблеме), с. 12—13, 206.
41. ХРУЛЕВ С.С. Финансы России и ее промышленность. Пг. 1916, с. 4—5.

Крестьянская потребительская кооперация в Азербайджане В ГОДЫ НЭПА

Т.А. Кулиев

Кооперативная тематика не раз становилась объектом исследования азербайджанских историков, среди которых можно упомянуть Д.Х. Кудратова, Е.А. Токаржевского, А.М. Каравелиева, А.И. Халилова. Но следует отметить, что в работах данных исследователей эта проблема рассматривалась довольно отрывочно. Упор в основном делался на изучение производственной кооперации в сельском хозяйстве, истории организации колхозов, коммун и совхозов, в том числе в период нэпа, а иные, «простейшие» формы кооперативов (кредитные, перерабатывающие, снабженческие), рассматривались эпизодически, хотя в тот период именно они преобладали в деревнях не только Азербайджана, но и всего Советского Союза. Установление в апреле 1920 г. советской власти в Азербайджане сопровождалось применением в экономике республики методов «военного коммунизма».

Как известно, вплоть до осени 1922 г. на территории России шла гражданская война и в целях обеспечения армии продовольствием осуществлялась продразверстка. К сентябрю 1920 г. она была введена и в Азербайджане. В подобных условиях кооперативы были призваны исполнять роль связующего звена между городом и деревней: на основе заготовки продукции в селах, на базе рабочей потребительской кооперации снабжать рабочие центры продовольствием. Декрет Азревкома ¹ от 20 мая 1920 г. гласил: «во всех городах и сельских местностях потребительские кооперативы объединяются и реорганизуются в единый распределительный орган “Единое Потребительское Общество”» ². По данным А.М. Каравелиева, реорганизации подвергся также Азериттифак, над которым осуществлял контроль Наркомпрод и в состав которого ввели представителей большевиков ³. Это фактически означало ликвидацию независимости крестьянской потребительской кооперации и ее превращение в распределительный орган госучреждений, что признавалось и в кооперативном обзоре, изданном в 1920-е гг.: «сельскохозяйственная кооперация прекратила свое существование, слившись в первые годы советизации Азербайджана с потребительской системой» ⁴. В условиях отсутствия стимулов к производству продукции, когда излишки у крестьянских хозяйств изымались, происходило падение

Кулиев Теймур Адалят-оглы — кандидат исторических наук, докторант Аз.НИИ Экономики и организации сельского хозяйства. Баку.

производительности крестьянских хозяйств. По данным правительственного обзора, в 1921 г. катастрофически сократилась площадь посевов⁵. В 1920—1921 гг. недосев составил 40%, недостаток крупного рогатого скота — 35, а мелкого — 65%. Приводя подобные данные на 11-й общебакинской партконференции КП Азербайджана (б) 6 октября 1922 г., председатель Совнаркома Г.М. Мусабеков оценивал общее положение сельского хозяйства как катастрофическое⁶. Аналогичная ситуация сложилась и в других советских республиках. Все это требовало смены экономического курса, проводившегося в условиях гражданской войны.

Состоявшийся 8—16 марта 1921 г. 10-й съезд РКП (б) принял решение о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике. На основе решений съезда РКП (б), ВЦИК утвердил декрет о замене продразверстки продналогом. Политбюро и Оргбюро ЦК КПА (б) приняли декрет о продналоге, который вступил в силу с 1 мая 1922 года. Ввиду тяжелейшего положения, сложившегося в сельском хозяйстве Азербайджана, крестьянские хозяйства республики вообще были освобождены от уплаты налога до 1922 г. и им разрешалось свободно распоряжаться своим урожаем. Но переход к нэпу сопровождался не только введением продналога и разрешением частной торговли.

Исключительно важное значение имела кооперация, с помощью которой можно было добиться развития крестьянских хозяйств. Особенность потребительской кооперации в условиях нэпа состояла в том, что крестьянские хозяйства, которые на правах трудового пользования владели землей, могли вступать в потребительские кооперативы, сохраняя самостоятельность своих хозяйств и пользуясь услугами кооперативов. Объединяя в большинстве мелкие крестьянские хозяйства, потребительская кооперация должна была содействовать развитию производительных сил деревни, росту товарности хозяйств. На состоявшемся в марте 1923 г. 5-м съезде Коммунистической Партии Азербайджана (большевиков) отмечалось, что сельское хозяйство в первые годы нэпа восстанавливалось за счет ресурсов крестьянского хозяйства, на основе зерновых культур и скотоводства и снижения производства технических культур. Тем самым констатировался натуральный, потребительский характер крестьянских хозяйств⁷.

Организация сельских кооперативов в советском Азербайджане началась в 1923 году. Ликвидация крестьянской кооперации, ее слияние с Едиными потребительскими обществами (ЕПО) привели к тому, что в начале нэпа в Азербайджане фактически отсутствовала крестьянская кооперация. Техника большинства крестьянских хозяйств была примитивной. «Азербайджанский крестьянин, а крестьянин-тюрок в особенности, не знает ни правильной очистки, ни рядового посева, ни усовершенствованных орудий, вспашки и молотбы»⁸.

Первый кооператив был образован в конце августа 1923 г. в селе Нардаран Бакинского уезда. Затем развитие низовой сети сельхозкооперации пошло усиленными темпами и к 1 октября 1924 г. уже функционировало 60 кредитных кооперативов с 15 883 членами⁹. Азербайджанская ССР в первой половине 1920-х гг. была страной с преобладанием сельского хозяйства, большая часть земельных угодий отводилась под посевы зерновых культур. Наличие больших пастбищ и выгонов создавало благоприятные условия для развития животноводства в республике, однако широкому распространению скотоводства препятствовал низкий уровень переработки продуктов животноводства: сыроварение, маслоделие и вообще использование молока были плохо оснащены технически. Тогда же декретом АзЦИК от 9 мая 1923 г. «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита» был учрежден Азербайджанский Комитет содействия сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности, которому поручалось немедленно приступить к организации на

местах районных уездных обществ сельскохозяйственного кредита на акционерных началах.

Следующим этапом развития системы сельской кредитной кооперации стало создание центрального сельскохозяйственного банка республики, на который возлагалась обязанность образования сельских кооперативов и их финансирования. Как отмечал впоследствии заместитель председателя правления Азербайджанского Союза сельскохозяйственной кооперации «Кейбирлиги» (дословно — Деревенский Союз) Н.Г. Трубицын, для организации кооперативов «нужно было избрать какой-то центр, и после длительного обсуждения этого вопроса местные общественные и политические работники пришли к заключению, что необходимо создать союз сельскохозяйственной кредитной кооперации, а пока его не было, так как не было и сельскохозяйственной кооперации, то было решено передать дело в руки системы сельскохозяйственного кредита»¹⁰. Комитетом был выработан устав Азербайджанского государственного сельскохозяйственного банка. Кредитные кооперативы открывались с таким расчетом, чтобы на группу селений, находящихся в непосредственной близости друг к другу, а также приблизительно однородных по условиям хозяйства, приходился один кооператив. Район действия определялся заранее и в среднем должен был включать от 1000 до 1500 дворов. Впоследствии, после образования центра крестьянской кооперации «Кейбирлиги», Азсельхозбанк подвергся реорганизации и из государственного был преобразован в смешанный государственно-кооперативный акционерный Азсельбанк¹¹. Отсюда можно сделать вывод о том, что Азсельбанк был в период нэпа финансовым центром крестьянской кредитной кооперации. В нем были сосредоточены функции финансового кредитования крестьянских хозяйств через крестьянские кооперативы.

До учреждения «Кейбирлиги» универсальным объединением кооперативов выступал Азериттифак, работавший в основном в уездах. Хотя в республике правящей партией и соответствующими государственными органами были приняты постановления, разрешавшие частную торговлю и стимулировавшие кооперацию, тем не менее, вплоть до 1924 г. у крестьянской потребительской кооперации не было самостоятельного центра. Причина состояла не только в нехватке кооперативных кадров и весьма слабой материальной базе крестьянской кооперации, ухудшившейся к тому же из-за ликвидации ее самостоятельности в первые годы советской власти путем образования единых потребительских обществ. Организационное строительство кооперации с момента установления советской власти в Азербайджане осуществлялось партийными структурами. Вплоть до образования «Кейбирлиги», единственным центром кооперации — как городской, так и сельской — оставался Азериттифак, который занимался в основном снабжением своих членов товарами потребительского назначения (хлебопродукты, бакалейные колониальные товары, сахар, мануфактура, галантерейно-парфюмерная продукция, обувь).

Несмотря на объявление о переходе к нэпу, ЦК КПА (б) выступал за так называемый «кооперативный интеграл», когда для всех видов кооперации действует единый кооперативный центр. Так, на состоявшейся 1—4 ноября 1922 г. 2-й конференции КПА (б), в принятой резолюции «Вопросы кооперации» констатировалось, что объединяющим центром азербайджанской городской (рабочей) и сельской (крестьянской) кооперации является Азсоюз (Азериттифак)¹². На пятом съезде КПА (б), состоявшемся в марте 1923 г., выступавший с докладом заместитель председателя правления Азериттифака И.Я. Мячин предлагал организовать кооперативы на началах взаимопомощи. По его мнению, все центральные кооперативные организации должны были быть построены по принципу интегральности. При наличии самостоятельных центров сельской промысловой кооперации работа по кооперированию будет задерживаться, так как

контингент кооперативных работников и материальные ресурсы незначительны. В связи с этим, Азериттифак должен объединить все виды кооперации¹³. По-видимому, возложение в административном порядке на один кооперативный центр функций других кооперативных центров не оправдало себя, и уже в феврале 1924 г., на пленуме ЦК КПА (б) было предложено пересмотреть вопрос об организационных формах азербайджанской кооперации¹⁴, а через три месяца, 5—9 мая 1924 г. на шестом съезде КПА (б) выступавший с докладом о сельском хозяйстве нарком земледелия Д.Х. Буниат-заде отмечал, что потребительская кооперация имеет свои задачи и, если не обратить внимание на снабжение бедняков инвентарем, то земли, переданные крестьянам, могут очутиться во владении кулаков. Поэтому Буниат-заде выступал за дифференциальное построение кооперации, с созданием самостоятельной организации, которая должна снабжать бедняков орудиями труда, кредитовать и помогать им в производстве и сбыте продукции. 6 октября 1924 г. состоялся съезд уполномоченных сельских кредитных обществ, на котором был образован «Кейбирлиги»¹⁵.

Все вопросы, касающиеся общественной жизни республики, в том числе развития кооперации в крестьянских хозяйствах Азербайджана, предварительно рассматривались ЦК КПА (б), при котором 13 января 1923 г. была учреждена Кооперативная секция, ответственная за укрепление «... влияния партии в кооперативном движении во всех его видах». Партийные органы решали все организационные вопросы, касающиеся крестьянской кооперации. Рассекреченные выписки из протоколов ЦК КПА (б) свидетельствуют, что органы ЦК КПА (б) утверждали состав Азгоссельхозбанка¹⁶, принимали решения об организации в Нахичевани отделения Азгоссельхозбанка с капиталом 250 тыс. рублей¹⁷. «Кейбирлиги» был образован не по решению низовых кооперативных организаций, а на основании постановления, принятого пленумом ЦК КПА (б) 17 сентября 1924 года. Таким образом, высшие партийные инстанции фактически подменяли собой деятельность кооперативов, попирая их независимость и самостоятельность.

План работы «Кейбирлиги» должен был быть согласован с планом Наркомзема. Для правильной постановки работы, пленум поручал Президиуму ЦК КПА (б) обратить особое внимание на выделение опытных кадровых работников. После пленума, 30 июля 1924 г., на заседании коопсекции были одобрены проект декрета об организации центра сельской кооперации, устав «Кейбирлиги», проект примерного устава кредитного сельского кооператива. Кроме учредительных документов Президиум ЦК КПА (б) на своем заседании, состоявшемся 6 октября 1924 г., утвердил также порядок дня съезда уполномоченных — организаторов «Кейбирлиги». Вместо учредителей-кооператоров Президиум ЦК КПА (б) 8 октября 1924 г. загодя утвердил состав правления «Кейбирлиги» и принял решение о его вступлении в Сельскосоюз¹⁸. Вопрос об участии представителей Азербайджана в работе международного съезда кооперативов, который состоялся в Генте (Нидерланды) в сентябре 1924 г., также рассматривался коопсекцией ЦК КПА (б), которая сама определила состав делегации от Азербайджана. Состав правлений Азериттифака и Азербалыгиттифага (Азербрыбсоюз) также утверждался коопсекцией при ЦК КПА (б)¹⁹. При этом, в некоторых случаях в состав правлений высших кооперативных союзных организаций попадали лица, которые были некомпетентны в вопросах кооперации. Так, например, председатель правления Азсельхозбанка Э. Ханбудагов, который в 1920—1921 гг. являлся председателем АзЧКа, был по профессии моряком и «с техникой банковских операций не был знаком»²⁰.

Вообще, представители правящей партии относились враждебно к личному составу высших органов кооперации, где преобладали представители иных партий, как и в низовых кооперативах. Так, еще в начале нэпа главный редак-

тор газеты «Коммунист», а впоследствии секретарь ЦК Р. Ахундов, выступая 8 октября 1922 г. на общебакинской партконференции, называл кооперацию «гнездом наших врагов», намекая на наличие в структуре кооперативных органов представителей эсеров, кадетов, монархистов²¹. В этой связи говорилось об «укреплении партийного руководства», выразившегося в занятии руководящих должностей в кооперативах представителями ВКП (б). При этом во многих случаях в центре внимания при назначениях оказывались не деловые, профессиональные качества кандидатов, а партийная принадлежность того или иного лица, направляемого на руководящие должности в органы кооперации. Таким образом, даже в период нэпа крестьянская кооперация находилась под контролем партийных органов.

Курс на огосударствление кооперации, взятый большевиками после прихода к власти, продолжался и в этот период, о чем свидетельствуют архивные документы. В период военного коммунизма единые потребительские общества использовались как придатки советского государственного аппарата. На 10-м съезде партии, где был провозглашен курс на нэп, Ленин рассматривал кооперативы, как место организации, централизации и объединения элементов, политически враждебных партии²². Кооперация мелких товаропроизводителей в мелкокрестьянской стране, по его мнению, неизбежно порождала мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействовала их развитию²³. «Кейбирлиги» был образован путем отделения от Азсельбанка функций в области снабжения, переработки, сбыта и передачи сети низовых кооперативов в ведение нового кооперативного центра. Это значит, что кооперирование в области кредитования, а именно предоставление ссуд в денежной форме, оставалось за Азсельбанком.

По данным правительственного обзора, на 1 октября 1926 г. общее количество кооперативов составляло 233, а число их членов — 57 432 чел.²⁴, тем не менее, охват крестьянских хозяйств был весьма слабым: в 1925—1926 гг. их количество в Азербайджанской ССР составляло 333 125, а кооперированность крестьянских хозяйств вокруг кооперативов на 1 октября 1926 г. — 17,2%²⁵. В 1926—1927 гг. единоличных хозяйств, по данным налогового учета, насчитывалось 317 049²⁶. Один кооператив охватывал своей деятельностью несколько селений, что было отступлением от принципов построения кооперативов. В Баянском кредитном кооперативе, действовавшем в Дашкесанском уезде, имелись факты отпуска ссуд со стороны правления членам, не имевшим постоянного места жительства, или хозяйствам, не находившимся в районе деятельности кооператива. При распределении ссуд исходили не из экономических потребностей, а из «классовой политики» — зажиточные слои, а также лица, лишённые избирательных прав, несмотря на то, что они состояли в кооперативе, не получали ссуд. Местные члены партии пользовались большими привилегиями, — «получали в первую очередь, больше остальных и в большинстве случаев их обязательства просрочивались»²⁷. Тем самым нарушался кооперативный принцип равенства.

Отрицательное воздействие на развитие крестьянской потребительской кооперации в Азербайджане в период нэпа оказывали три фактора — отсутствие кадров на местах; слабая пропаганда среди крестьянства кооперативных идей и административно-партийный произвол. Азербайджанская кооперация испытывала в тот период острую потребность в опытных, подготовленных работниках на местах. Вступая в кооператив, крестьянин должен был знать свои права и обязанности, а также те выгоды и преимущества, которые получало его хозяйство от членства в потребительском кооперативе.

В середине 1920-х гг. произошло отделение от «Кейбирлиги» специальных отраслевых союзов. Этот процесс сопровождался возникновением отраслевых

центров кооперации в середине 1920-х годов. Так, 6 ноября 1925 г. был образован Азербайджанский союз кооперативных рыбопромысловых организаций «Азербалыгиттифаг». Кроме него появились и другие отраслевые центры крестьянской потребительской кооперации. Рост товарности крестьянского хозяйства, в особенности отдельных его культур, выдвигал вопрос о специализации кооперативов. Так, образовался Азербайджанский союз сельскохозяйственной полеводческой и животноводческой кооперации «Азхлебживсоюз», Азербайджанский союз хлопковой кооперации «Памбукбирлиги», которые входили в состав «Кейбирлиги» в качестве членов. В результате «Кейбирлиги» в середине 1920-х гг. превратился в универсальный центр крестьянской кооперации

При исследовании вопроса о крестьянской потребительской кооперации в Азербайджанской ССР в 1920-е гг., следует учитывать конкретно-исторические условия ее функционирования. Крестьянская потребительская кооперация в период нэпа характеризовалась тем, что правящая партия, желая восстановить подорванную гражданской войной и интервенцией экономику страны, пошла на частичное разрешение рыночных отношений. Но эта уступка была осуществлена с целью дальнейшего укрепления и расширения плановой экономики. Применительно к сельскому хозяйству, крестьянская потребительская кооперация должна была постепенно обобществить сельскохозяйственное производство, укрепить и в дальнейшем развить в нем плановые начала. Образование как производственных, так и потребительских кооперативов было возложено на «Кейбирлиги» и на иные центры крестьянской потребительской кооперации.

Крестьянская потребительская кооперация в 1920-е гг. характеризовалась тем, что в состав союзов крестьянских потребительских кооперативов входили также сельскохозяйственные производственные кооперативы — артели (колхозы), товарищества совместной обработки земли (ТОЗы), коммуны, объединявшие беднейшие слои крестьянства. Так, на 1 сентября 1925 г. в состав «Кейбирлиги» входили 8 артелей, 2 коммуны, 87 кредитных, 5 винодельческих, 7 молочных, 4 огороднических, 3 табаководческих и садоводческих, 15 рыболовных, 37 мелиоративных, 6 машинных и 2 хлопководческих кооператива²⁸. Только в 1929 г., в условиях сплошной коллективизации, постановлением СНК Азербайджанской ССР от 20 марта был образован Азербайджанский Союз сельскохозяйственных коллективов — Азколхозцентр, на который было возложено организационное руководство коллективизацией. Но данное объединение просуществовало недолго и в 1933 г. было ликвидировано. Возникновение производственных кооперативов относится к моменту советизации Азербайджана, когда появились коммуны и артели. Переход к нэпу и возрождение крестьянской потребительской кооперации сопровождалась массовой ликвидацией коммун и артелей из-за отсутствия «самодеятельности и инициативы у организаторов и членов объединения, а также надлежащей финансовой базы, плана и системы в деле ведения хозяйства на коллективных началах»²⁹. Если на 1 октября 1924 г. количество кредитных кооперативов составило 60, а в 1925—1926 гг. соответственно увеличилось на 88 и 114, то количество артелей возросло с 2 в 1924 г. до 17 в 1926 году³⁰. Как признавалось в отчете Наркомзема³¹ Азербайджанской ССР о развитии сельскохозяйственной кооперации и проведении коллективизации в республике за 1926—1928 гг., развитие сельскохозяйственной кооперации проходило почти исключительно в области кооперированного снабжения, сбыта и кредита, почти не затрагивая производственных процессов крестьянского хозяйства.

Руководство СССР и соответственно Азербайджанской ССР проводило систематическую, целенаправленную политику по насаждению именно производственных кооперативов, так как сельская производственная кооперация рассматривалась правящей партией как венец, вершина кооперации в сельском

хозяйстве вообще. По признанию А.А. Биценко, по удельному весу в массе единоличного (облагаемого) крестьянского хозяйства колхозы в СССР занимали незначительное место: по населению — 0,71 %, по посеву — 1,06 %³². И по мере восстановления экономики СССР партия взяла курс на свертывание рыночных отношений. Вряд ли могла в этих условиях существовать крестьянская потребительская кооперация, если еще в период нэпа наблюдалось вмешательство в ее внутренние отношения со стороны партийных и государственных органов, когда во всех сферах экономики шел процесс огосударствления. По мере развития коллективизации происходило сворачивание крестьянской потребительской кооперации, а его центры должны были обслуживать вновь образуемые колхозы. В этой связи весьма важно выявить причины, повлекшие ликвидацию крестьянской потребительской кооперации и переход к образованию повсеместно колхозов. Данных причин было несколько. Это, с одной стороны, рассмотрение крестьянских хозяйств как хозяйственных единиц, способствующих восстановлению буржуазных отношений, а с другой, — необходимость индустриализации с целью достижения технико-экономической независимости страны и укрепления ее обороноспособности.

Мелкокрестьянское товарное хозяйство, по мысли Сталина, было однотипным с капиталистическим хозяйством, так как оно опиралось на частную собственность на средства производства, хотя в СССР не было частной собственности на землю. Тем не менее, основываясь на ленинских положениях о том, что мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе, Сталин выступал за образование колхозов и совхозов³³. Кроме того, в тот период среди руководителей правящей партии была распространена идеологическая установка о том, что производственная кооперация в сельском хозяйстве представляет собой высший тип аграрной кооперации. Отмечая, что индивидуальное хозяйство дает почти в шесть раз больше товарного хлеба, чем колхозы и совхозы, Сталин, тем не менее, указывал, что колхозы и совхозы представляют собой высший тип сельского хозяйства³⁴.

Основная цель, ради которой и проводилась коллективизация, состояла в индустриализации экономики СССР. Существовали два способа осуществления индустриализации. Первый путь состоял в получении займов для последующего приобретения промышленного оборудования. Но страны Запада, из-за нежелания возвращения царских долгов советским правительством, отказывались их выдавать. Второй путь заключался в экспорте излишков агропродукции с целью получения за счет выручки продукции машиностроения. СССР требовался экспорт дешевой сельскохозяйственной продукции для последующего приобретения за счет вырученных средств оборудования для строящихся заводов, фабрик, электростанций, приглашения иностранных специалистов. Между тем, единоличное крестьянское хозяйство естественно желало реализовать произведенную продукцию по выгодной цене, в том числе и государству. В результате, произошел конфликт интересов государства и единоличников.

Между тем, колхозы рассматривались как такая форма сельскохозяйственного производства, где государство могло получить по низкой цене сельскохозяйственную продукцию для экспорта. Кроме прочего, трудовые ресурсы деревни должны были питать бурно развивавшуюся промышленность. У советского правительства в тот период возникали трудности с заготовкой продукции кулацких хозяйств, поэтому при отказе сдачи излишков по госценам они конфисковывались, а крестьяне привлекались к ответственности. Между тем цены на продукцию крестьянских хозяйств неоднократно пересматривались. Так, с 1925 по 1927 г. пять раз изменялись цены на лен. Это обстоятельство не могло не сказаться отрицательно на производстве льна. На значительное снижение

цен и на последующие «неуверенные и несвоевременные их повышения, крестьянин ответил тем, что сократил в наиболее товарных районах свои льняные посе­вы»³⁵. Правящей партии нужны были организации на селе, которые напо­добие промышленных предприятий должны были беспрекословно и беспере­бойно снабжать государство продукцией и позволять ей осуществлять в широ­ких масштабах экспорт. Естественно, единоличные крестьянские хозяйства для подобной задачи не подходили. Таким образом, сельское хозяйство должно было стать одним из главных доноров индустриализации.

Если кулацкие хозяйства изначально рассматривались как враждебный элемент, то к середнякам у партийных руководителей отношение было нео­днозначное. Сталин указывал на необходимость развития, стимулирования ин­дивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств³⁶, а секретарь ЦК В.М. Моло­тов на состоявшемся в декабре 1927 г. 15-ом съезде партии отмечал, что середняк — это такая фигура, который имеет свои переходные ступени как вниз — к бедняку, так и вверх — к кулаку, что часть середняков близка к верхушке деревни и на известной стадии развития небольшая их часть превра­щается в капиталистический элемент³⁷.

Партийные органы вмешивались в деятельность низовых кооперативов. Обращалось внимание не на их организационные способности, а на социальное положение их членов и их партийную принадлежность. Так, например, в 1927 г. от Кубинского уездкома партии в ЦК было направлено секретное письмо, в котором уездком предлагал перед перевыборами правлений кооперативов сме­нить «кулацкие элементы, в том числе председателя Пиральского кредитного кооператива Мурадханова», хотя правление «Кейбирлиги» просило оставить в интересах дела Мурадханова на занимаемой должности и не лишать кооператив опытного работника. В секретном письме уездком обвинял инструктора «Кей­бирлиги» в том, что во время перевыборов в правление кооператива тот прова­лил кандидатов, выдвинутых уездкомом и в трех местах в председатели провел кулацкие элементы. При этом, уездкомом отмечалось, что линия «Кейбирли­ги» по отношению к своим низовым ячейкам чужда идей советской коопера­ции и противоречит соответствующим постановлением высших партийных ор­ганов по кооперативному вопросу. В письме уездкома «Кейбирлиги» обвинял­ся «во вредном, кулацком уклоне»³⁸.

Кооперативу немецких колонистов Конкордии вменяли в вину отрыв от «задач советской кооперации, от общности интересов кооперации и советского государства»³⁹, хотя в выводах акта обследования ее инструкторами Всеросий­ского союза плодово-овощной и виноградо-винодельческой кооперации «Плод­винсоюз» от 8 февраля 1927 г. отмечалось, что Конкордия является вполне кооперативной организацией и по методам работы (кооперативный сбыт и про­изводство) и средствам, вложенным в кооператив, является единственным по мощности и достижениям кооперативом в СССР⁴⁰. Буниат-заде считал нетер­пимым факт выдачи кредита лицам, лишенным избирательных прав. Он выра­жал недовольство тем, что «в некоторых округах кредитные товарищества рас­сматриваются как самостоятельные государства. В Закатальском, Белоканском и в других уездах шести лишенным избирательных прав помещикам выдава­лись кредиты. Когда руководитель земотдела Алияров некоторых из этих лиц отстранил от кредитных товариществ, то инструктор “Кейбирлиги” осудил ре­шение Алиярова». Буниат-заде по этому поводу критиковал поведение инст­руктора «Кейбирлиги» и советовал контролировать выдачу кредитов⁴¹. Данные архивных документов, таким образом, показывают враждебное отношение партий­ных деятелей местного и высшего уровней к работникам «Кейбирлиги» и вооб­ще к крестьянской потребительской кооперации, рассматривавшейся как ку­лацкая, несмотря на то, что в ней преобладали середняцкие хозяйства. Это

констатировалось на пленуме ЦК КПА (б), отмечавшим средняцкий характер кооперации⁴². При этом, кулацкие хозяйства занимали по объему меньшую долю в структуре сельского хозяйства. Как отмечал Г.М. Мусабеков в 1927 г., если взять валовую продукцию всего сельского хозяйства Азербайджанской ССР за 100%, то получалось, что на долю бедняков приходилось 30%, на долю средняцких хозяйств — 63, а на долю зажиточных — всего 7%⁴³.

В условиях коллективизации происходило свертывание крестьянской потребительской кооперации, с заменой ее на аграрную производственную кооперацию. В резолюции пленума ЦК КПА (б), принятой в 1928 г., «Кейбирлиги» подвергся критике за слабое внимание к колхозам⁴⁴. Если, по мысли Сталина, товарищества по общественной обработке земель, которые были одной из форм производственных кооперативов, где обобществлялись полевые наделы крестьян, при сохранении частно-трудовой формы единоличного крестьянского хозяйства, представляли «уже пройденную ступень колхозного движения»⁴⁵, то, естественно, о существовании иных видов кооперации в сельском хозяйстве — кредитной, сбытовой, перерабатывающей — и речи быть не могло. Начиная с 1929 г. был взят курс на ликвидацию системы крестьянской потребительской кооперации путем ее слияния с производственной. Наряду с включением крестьянских хозяйств в колхозы шла ликвидация организационных структур крестьянской потребительской кооперации. В постановлении ЦК ВКП (б) от 27 июня 1929 г. предусматривалась ликвидация системы специальных снабженческих организаций сельской кооперации с передачей их функций соответствующим отраслям и звеньям производственной кооперации⁴⁶. Этим актом ликвидировалась в административном порядке крестьянская снабженческая кооперация. На республиканском уровне «Кейбирлиги» вместе с другими отраслевыми центрами крестьянской потребительской кооперации должен был обслуживать колхозы и совхозы. Наряду с образованием производственных кооперативов на низовом уровне шел процесс образования отраслевых республиканских союзов производственной кооперации, которые просуществовали недолго.

Ликвидации «Кейбирлиги» предшествовало учреждение Азербайджанского животноводческого союза «Азербалдарлыгиттифага», Азербайджанского полеводческого союза сельскохозяйственной кооперации «Полеводсоюз», Азербайджанского плодоовощного союза сельскохозяйственной кооперации «Плодоовощсоюз», уставы которых были утверждены СНК Азербайджанской ССР 28 января 1930 года. Но и данные центры производственной кооперации были вскоре ликвидированы. Их впоследствии заменили соответствующие государственные отраслевые ведомства. Таким образом, даже вновь образуемые колхозы постепенно подчинялись отраслевым государственным ведомствам, лишаясь собственных кооперативных центров. После учреждения вышеперечисленных союзов последовало постановление АзЦИК и СНК Азербайджанской ССР от 17 февраля 1930 г. о ликвидации «Кейбирлиги»⁴⁷. Таким образом, в 1930 г. были ликвидированы все центры крестьянской потребительской кооперации, крестьянские хозяйства, войдя в состав колхозов, превратились в личные подсобные хозяйства колхозников, облагаемые налогами, а их земельные участки были сокращены.

Если первоначально переименованный в феврале 1920 г. из Прикаспийского союза потребительских обществ «Кооперация» в Азербайджанский союз потребительских обществ «Азериттифак», выполнял функции общего центра для всех направлений кооперации, объединяя как городские потребительские кооперативы, так и крестьянские, то после советизации, в особенности в период нэпа, Азериттифак стал специализироваться на торговых операциях — осуществлять покупку и продажу своим членам продукции легкой, табачной промышленности, продовольствия. Об этом свидетельствуют данные обзора за 1926—1927 годы. Хотя в 1925 г. число сельских обществ Азериттифака составляло

199, уездно-городских — 21, а рабочих — 7, тем не менее, число членов в них составляло соответственно 94 476, 30 344 и 102 712 чел., а количество лавок — 322, 107 и 325. В 1926 г. количество сельских обществ увеличилось до 226, уездно-городских — до 21, а рабочих сократилось до 4 обществ. Но зато количество членов в них составило 94 159, 32 294 и 103 623 соответственно ⁴⁸. Из этого следует, что Азериттифак в основном обслуживал интересы городского (рабочего) населения, удовлетворяя их потребности в бытовых промышленных товарах и в продовольствии.

После коллективизации Азериттифак оказался единственным уцелевшим, фактически подчинявшимся государству, центром кооперации. Он стал обслуживать в основном сельское население, так как торговое обслуживание горожан через магазины и универмаги стало прерогативой Министерства торговли. Но у Азериттифака в советский период в Баку, Сумгаите, Гяндже, а также в районных центрах республики в собственности находились колхозные рынки. Были осуществлены крупные капитальные вложения в создание заготовительной, перерабатывающей и торговой инфраструктуры Азериттифака. Но, несмотря на наличие инфраструктуры, государственные вложения в создание предприятий по заготовке, переработке, транспортировке и торговле, негативный процесс огосударствления, вмешательства партийных и государственных органов в дела кооперации оказывал отрицательное воздействие на развитие потребительской кооперации. Азериттифак в советский период был одним из основных заготовителей сельскохозяйственной продукции в республике. Фактически произошла трансформация Азериттифака: он стал обслуживать потребности сельского населения в товарах промышленного назначения, был заготовителем сельскохозяйственного сырья, перерабатываемого и хранящегося на его предприятиях и в хранилищах, реализовывал его городскому населению через колхозные рынки, которые ему и принадлежали, то есть превратился в центр сельскохозяйственной кооперации. Так как колхозы не в достаточной степени удовлетворяли потребности населения в продовольствии, Азериттифак заключал договоры с приусадебными хозяйствами колхозников по поставке Азериттифаку соответствующей продукции. Трансформации Азериттифака в организацию, связанную с сельским хозяйством и сельским населением, способствовали также спускавшиеся из Центросоюза СССР задания по увеличению численности членов кооперативных обществ, ряды которых пополнялись Азериттифаком за счет почти поголовного записывания сельского населения районов республики в члены кооперативов Азериттифака, который превратился в огосударвленную организацию сельского кооперирования с формальным членством в ней жителей села.

Свертывание крестьянской потребительской кооперации и повсеместное учреждение колхозов сопровождалось обвинениями в адрес определенных работников «Кейбирлиги», Госплана и Наркомзема (Р. Шабанов, Ф. Ордубадский, Н. Лебедев), в том, что они ставят перед собой задачу создания продовольственной базы, которая делает «вообще экономическим независимым Азербайджан от остального Союза» ⁴⁹. В материалах спецсводки АзГПУ по вредительству в сельском хозяйстве в Азербайджанской ССР от 30 декабря 1930 г. отмечалось, что основное внимание азербайджанские «кондратьевцы» уделяли направлению сельского хозяйства по стихийному, а значит капиталистическому пути развития ⁵⁰. Так называемый «азербайджанский филиал кондратьевско-чаяновского центра» обвинялся в том, что в пятилетних планах по сельскому хозяйству предусматривались минимальные темпы коллективизации, — всего намечалось организовать в Азербайджанской ССР 794 колхоза с числом хозяйств в них 15 880, а также в том, что они боролись с монокультурой хлопка и делали ставку на кулацкие формы землепользования (хутора и отруба) ⁵¹.

Следует отметить, что процесс кооперирования, в особенности беднейших слоев деревни, был, безусловно, прогрессивным явлением, шел в русле технического прогресса, если бы при этом соблюдались такие принципы кооперации, как добровольность кооперирования, самостоятельность сельскохозяйственных производственных кооперативов (колхозов), учитывались особенности организации сельского хозяйства в зависимости от местных условий. Между тем, коллективизация в СССР, в том числе и в Азербайджанской ССР, сопровождалась произвольным определением размеров и количества колхозов. В постановлении ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. предусматривалось, что вместо коллективизации 20 % посевной площади, намеченной пятилетним планом, сплошную коллективизацию можно завершить к осени 1931 или весной 1932 года.. По мнению российского историка Ю.Н. Жукова, разразившийся в октябрь-ноябре 1929 г. мировой финансовый кризис вынудил руководство СССР пойти на форсирование темпов коллективизации, чтобы поставками фуражного зерна срочно расплатиться по краткосрочным долгам. Это вызвало страшный голод, охвативший большую часть Украины и Северного Кавказа ⁵².

Ножницы цен, а также политика ограничений в отношении зажиточного крестьянства препятствовали росту товарности крестьянских хозяйств. С другой стороны, курс на индустриализацию сопровождавшийся созданием колхозно-совхозной системы, обеспечивал СССР валютой для закупки оборудования. Это приводило к тому, что крестьяне насильно включались в колхозы. Выступая на состоявшемся в марте 1930 г. 10-м съезде КПА (б), первый секретарь ЦК КПА (б) Н.П. Гикало признавал, что коллективизация проводилась в условиях административного нажима, что был допущен целый ряд ошибок, в том числе «голое раскулачивание» с конфискацией имущества, осуществляемое местными партийными органами ⁵³. Он приводил примеры, как при этом в Гяндже и Кубе работники партийных и государственных органов присваивали себе конфискованное имущество крестьян ⁵⁴. В ряде районов республики возникали повстанческие крестьянские движения, к которым присоединялись и бедняки ⁵⁵. В правительственном обзоре за 1929—1930 гг. отмечалось, что в результате имевших место «перегибов и искривлений» происходил массовый уход хозяйств из колхозов и даже распад целых колхозов.

Крестьянская потребительская кооперация прошла противоречивый путь развития. Несмотря на вышеописанные издержки в своем развитии, она имела огромное значение для развития сельского хозяйства и его производственных единиц — крестьянских хозяйств, для роста производства сельскохозяйственной продукции. Так, если в 1914 г. посевы под технические культуры составляли 121 тыс. га, а в 1921 г. сократились до 9 тыс., то в 1925 г. они увеличились до 111 тыс., а в 1928 г. составили 126 тыс. га, превзойдя уровень 1914 года. Под хлопок в 1914 г. было занято 115 тыс. га, а в 1928 г. — 118 тыс.; под зерновые: в 1914 г. — 781 га; в 1921 г. — 506 тыс., а в 1928 г. — 827 тыс. га ⁵⁶.

Без крестьянской потребительской кооперации невозможен был подъем преимущественно крестьянской страны, какой была Азербайджанская ССР в 1920-е годы. Существовавшая в период нэпа сельскохозяйственная кооперация была преимущественно крестьянской потребительской кооперацией, объединявшей единоличные хозяйства в сфере кредитования, переработки, сбыта, производственного снабжения и обслуживания, без обобществления сельскохозяйственного производства, которое осуществлялось на индивидуальной основе. Крестьянская потребительская кооперация объективно способствовала развитию единоличных крестьянских хозяйств, которые, однако, рассматривались представителями правившей партии как кулацкие, что не могло не вызвать у них отрицательного отношения и к крестьянской потребительской кооперации. Подобная оценка и предопределила ее судьбу.

Примечания

1. Азербайджанский революционный комитет (Азревком) — высший орган власти в Азербайджане с 27 апреля 1920 г. до 19 мая 1921 года.
2. Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 194, оп. 3, ед. хр. 1, л. 1.
3. КАРАВЕЛИЕВ А.М. История потребительской кооперации Азербайджана. Баку. 1968, с. 167.
4. Азербайджанская кооперация (обзор состояния за 1926—1927 гг.). Баку. 1928, с. 25.
5. Обзор деятельности правительства за 1927 и 1928 гг. Баку. 1929, с. 25.
6. Архив политических документов при Управлении делами президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), ф. 2, оп. 22, ед. хр. 11, л. 114.
7. Там же, ф.1, оп. 74, д. 7, л. 11.
8. Там же, оп. 85, д. 352, л. 171.
9. Азербайджанская кооперация..., с. 51.
10. ТРУБИЦЫН Н.Г. Сельскохозяйственная кооперация в Азербайджане: доклад заместителя Председателя Правления Азербайджанского Сельскохозяйственного кооператива и Сельского союза: итоги и перспективы. (XV сессия Совета Сельскохозяйственного кооператива). Москва. 1925, с. 167—174.
11. Обзор деятельности правительства за 1925—1926 гг. Баку. 1927, с. 262.
12. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1920—1937). Т.1. Баку. 1986, с. 145.
13. АПДУДПАР, ф.1, оп. 74, д. 7, л. 164—165.
14. Там же, д. 42, л. 20.
15. Там же, д. 8, л. 180; ед. хр. 652, л. 97.
16. Там же, д. 130, л. 8; ед. хр. 136, л. 156.
17. Там же, л. 6.
18. Там же, ед. хр. 138, л. 52, 106, 154.
19. Там же, ед. хр. 648, л. 141; ед. хр. 652, л. 161; д. 171—176, л. 19.
20. Там же, д. 207—213, л. 111.
21. Там же, ф. 2, оп. 22, ед. хр. 11, л. 241.
22. ЛЕНИН В.И. Речь на десятом съезде РКП (б). ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М. 1963, с. 7.
23. ЛЕНИН В.И. О продовольственном налоге. Там же, т. 43, с. 225.
24. Обзор деятельности правительства за 1925—1926 гг., с. 258.
25. Там же, с. 250.
26. Сельское хозяйство Закавказья в 1926—1927 гг. (по данным налогового учета). — Экономический вестник Закавказья. Тифлис, 1928, с. 4.
27. ГААР, ф. 391, оп. 3, ед. хр. 36, л. 146, 148.
28. Там же, оп. 1, ед. хр. 503, л. 3.
29. Обзор деятельности правительства за 1927 и 1928 гг., с. 83.
30. Обзор деятельности правительства за 1925—1926 гг., с. 258.
31. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) — отраслевое министерство.
32. Кооперация в СССР за десять лет. М. 1928, с. 61.
33. СТАЛИН И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 12. М. 1949, с. 151.
34. Там же, с. 263.
35. Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. Т. 2. М. 1962, с. 1364.
36. СТАЛИН И.В. Об индустриализации и о правом уклоне в ВКП(б). Сочинения. Т. 11. М. 1949, с. 265.
37. Пятнадцатый съезд ВКП (б), с. 1381.
38. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 85, ед. хр. 714, л. 83—85.
39. Там же, оп. 74, д. 662—670, л. 284.
40. Там же, оп. 85, ед. хр. 714, л. 185.
41. BUNYAD-zadə D. Azərbaycanca kənd təsərrüfatının yüksəldilməsi. Bakı. 1929, s. 73.
42. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 49, л. 49.
43. Коллективизация сельского хозяйства Азербайджана. Сборник архивных документов. Т.1. Баку. 1982, с. 78.
44. Там же, с. 133
45. СТАЛИН И.В. Головокружение от успехов. Сочинения, т. 12, с. 196.
46. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг. М. 1957, с. 185.
47. Собрание узаконений Азербайджанской ССР. 1930, № 8, ст. 130.
48. Азербайджанская кооперация..., с. 6.
49. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 231, д. 46, л. 373.
50. Там же, л. 377.
51. Там же, л. 382.
52. ЖУКОВ Ю.Н. Иной Сталин. М. 2003, с. 30.
53. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 13, ч. 1, л. 128.
54. Там же, л. 131.
55. Там же, ед. хр. 14, ч. 2, л. 3.
56. BUNYAD-zadə D. Op. cit, s. 6.

Внешняя политика Албании на современном этапе

В.А. Курбацкий

Внешнеполитический курс Республики Албания в конце XX — начале XXI в., его основные тенденции и приоритеты представляют собой одну из ключевых проблем для понимания происходящего в настоящее время на Балканском полуострове и в Европе в целом. В регионе нет другого государства, в истории и современности которого были бы так тесно переплетены государственные и этнические мотивы. «Албания» и «албанцы» — эти понятия многими воспринимаются чуть ли не как синонимы. Однако подобное смешение не только не соответствует исторической правде, но и способно создать превратное, тенденциозное впечатление о сути и характере албанского фактора, его роли в истории, современности и будущем Балкан. С другой стороны, сама Албания является во многом заложницей албанского фактора и понимаемых весьма расширительно целей и задач албанского национального движения, имеющего во многом великодержавную природу.

Рассматриваемая тема имеет не только чисто научную, но и несомненную практическую важность, поскольку является частью более широкого пласта проблем, связанных с международными отношениями на Балканском полуострове и в регионе Юго-Восточной Европы в целом. Кроме того, анализ основных направлений внешней политики Албании позволяет выйти на осмысление истории, современного состояния и перспектив развития российско-албанских отношений, которые в настоящее время претерпевают серьезные изменения и имеют несомненный потенциал для развития. Наконец, изучение различных аспектов внешнеполитической деятельности Албании помогает глубже понять явные и тайные пружины межэтнических и межконфессиональных конфликтов на Балканах, многие из которых обусловлены активностью албанского фактора.

Специфика рассматриваемой темы заключается в том, что вплоть до второй половины 1980-х гг. внешняя политика Албании как таковая имела крайне специфичный и по многим направлениям ограниченный характер. Это было связано как с особенностями ее общественно-политического строя, так и с традициями внешнеполитической «закрытости» страны, сложившейся еще в середине XX в. в условиях формирования в Албании тоталитарного режима во главе с бессменным партийным и государственным лидером Энвером Ходжей. Внешняя политика государства под его руководством отличалась как периодической и стремительной сменой геополитических приоритетов на 180 градусов, так и тенден-

цией закрытости под лозунгами «осажденной крепости» и «опоры на собственные силы». В конце концов периодическая «смена внешнеполитических партнеров» с их последующим громким обвинением во всех смертных грехах и собственных неудачах завела Албанию во внешнеполитический тупик — страна перестала восприниматься другими государствами в качестве серьезного партнера даже в сравнении с ее соседями по балканскому региону.

В результате во второй половине 1980-х гг. — после смерти Э. Ходжи в апреле 1985 г. и тем более в условиях начала транзитивного периода — перед Албанией встала задача не столько пересмотра внешнеполитических приоритетов, сколько формирования общей и целостной концепции внешней политики как таковой и выстраивания ее основных направлений, в том числе и российского.

Во второй половине 1980-х гг., а более точно, после кончины 11 апреля 1985 г. коммунистического лидера страны, вся система внешнеполитических ориентиров Албании постепенно подверглась коренной перестройке. Первые признаки начавшегося процесса проявились в 1987 г., когда 2 октября были установлены дипломатические отношения с ФРГ, неизменно именовавшейся в официальной прессе «фашистским» и «ревизионистским» государством. Не заставила себя ждать и личная встреча нового албанского лидера, первого секретаря ЦК Албанской партии труда (АПТ) Рамиза Али и германского министра иностранных дел Ганса Дитриха Геншера. По ее итогам в партийной печати Албании было опубликовано пространное коммюнике, составленное в беспрецедентных для послевоенного периода тонах (когда речь шла об одном из «оплотов» капитализма в Европе). В документе не только выражалась надежда Тираны «на сближение и дружбу между двумя странами и народами», но и подчеркивалось, что Албания «стоит за создание подлинной атмосферы доверия и дружбы между народами, а также за установление нормальных взаимовыгодных отношений со всеми государствами, уважающими принципы, на основе которых регулируются отношения между суверенными государствами»¹.

В том же 1987 г. по инициативе Греции было фактически прекращено состояние войны между Афинами и Тираной, существовавшее с момента агрессии фашистской Италии (инкорпорировавшей в тот момент Албанию в свой состав) против Греции в октябре 1940 года. На протяжении 1987—1989 гг. произошли важные подвижки в политико-дипломатических отношениях Албании с Болгарией, Венгрией, ГДР и Чехословакией. Эти отношения пребывали в кризисном состоянии после разрыва Тираны с Москвой, но теперь были официально повышены до уровня послов. Кроме того, албанское руководство установило торгово-экономические взаимоотношения с СССР — правда, через третьи страны и за завесой строгой секретности.

Особое внимание новое албанское руководство стало уделять балканскому направлению внешней политики. В феврале 1988 г. делегация Албании впервые приняла участие во встрече министров иностранных дел балканских государств — и не где-нибудь, а сразу в Белграде. Особое место «на полях» данного форума имели переговоры главы албанского внешнеполитического ведомства Реиза Малиле с его югославским коллегой, союзным секретарем по иностранным делам Будимиром Лончаром, на которой была констатирована необходимость двустороннего сотрудничества в различных областях. Аналогичные акценты содержались и в обращении к участникам белградской встречи Рамиза Али, выразившего уверенность в том, что «у балканских стран окажется достаточно доброй воли и мудрости, чтобы преодолеть негативные факторы и старые предрассудки и пойти вперед по пути дружбы между народами»².

В январе 1989 г. встреча представителей внешнеполитических ведомств балканских государств (правда, на уровне заместителей министров) уже состоялась в Тиране, а в марте того же года в Анкаре с участием албанской делегации прошла встреча министров экономики и внешней торговли стран балканского региона.

Однако все это были разовые — пусть и весьма важные — акции, осуществлявшиеся в рамках прежней концепции и модели внешней политики Албании еще «энверовских» времен. Для выработки и реализации новых приоритетов стране необходим был новый программный документ, принятый на высшем партийном уровне. И такой документ не заставил себя долго ждать.

Ключевую роль в выработке новой концепции внешней политики Албании сыграл Пленум ЦК АПТ, состоявшийся в январе 1990 года. Принятые на нем решения внешнеполитического характера носили поистине революционный характер, в результате чего в 1990 год Албания вступила уже с новой концепцией международных отношений. В частности, «двухлетний опыт активного и плодотворного межбалканского сотрудничества подвел руководство страны к пониманию необходимости включения в общеевропейский процесс. Отказ от идеологических шор во внешней политике позволил сделать еще один шаг к многостороннему сотрудничеству и коренным образом пересмотреть позиции по вопросу об отношениях к СССР и США»³.

В своем выступлении на Пленуме тогдашний руководитель Албании Рамиз Алия заявил, что «на повестку дня встал вопрос о восстановлении отношений с США и Советским Союзом». В июне—июле того же года на встречах делегаций советского и албанского министерств иностранных дел в Софии и Тиране была достигнута принципиальная договоренность о нормализации двусторонних отношений. В итоге в июне 1990 г. дипломатические отношения между Албанией и СССР были восстановлены⁴. На основе достигнутых договоренностей возобновилась деятельность посольств. Это произошло в феврале и в апреле 1991 г. соответственно в Тиране и Москве⁵.

Аналогичные переговоры представителей Албании и США прошли в конце августа 1990 года. Официальное подписание протокола о восстановлении двусторонних отношений состоялось в Нью-Йорке в марте 1991 года. Кроме того, в июне 1991 г. Албания стала полноправным членом СБСЕ. К этому времени в Тиране впервые в албанской истории уже побывал действующий генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр. Данное историческое событие произошло в мае 1990 года. Приветствуя выход Албании из международной самоизоляции, генсек ООН вместе с тем призвал албанское правительство более активно работать над улучшением «положения с правами человека» в стране⁶.

Тем не менее, несмотря на все вышеперечисленные события, ряд экспертов по-прежнему считает, что о «первоначальных шагах» в направлении «институциональной и структурной трансформации» Албании можно говорить применительно лишь к «концу 1991 года»⁷. Дело в том, что, наряду с вышеуказанным Пленумом ЦК АПТ, состоявшимся в январе 1990 г., вопрос о необходимости внешнеполитической переориентации Албании в новых условиях поднимался также на очередном съезде Албанской партии труда 10—13 июня 1991 г. — последнем под этим партийным названием. На этом форуме в отчетном докладе, с которым выступил Джелиль Гьони, впервые на столь высоком уровне подчеркивалась ошибочность и пагубность прежнего курса на международную изоляцию страны, поскольку данная изоляция от мира нанесла «ущерб не миру, а Албании»⁸.

А уже 13 июня 1991 г. новый премьер-министр Албании Юлы Буфи изложил основы внешней политики кабинета: стабилизация экономики с помощью Запада; полная интеграция в Европу; активное участие в СБСЕ, куда Албания была принята полноправным членом на заседании в Берлине 18 июня; развитие многостороннего сотрудничества на Балканах и в Адриатике; углубление всесторонних отношений с Турцией, развитие дружественных отношений с Грецией, Болгарией и Румынией. Премьер акцентировал внимание на особой заинтересованности в установлении и поддержании «стабильных политических отношений с Югославией»⁹.

Таким образом, именно произошедшие на рубеже 1980-х — 1990-х гг. в Албании драматические события оказали решающее влияние на смену ее

внешнеполитических ориентиров. Они ознаменовали собой, по меткому выражению албанского ученого А. Красничи, «конец албанской Сибири»¹⁰. Вместе с тем, не следует преуменьшать сложности и внутренние противоречия, которые были присущи вышеуказанным процессам. По иронии судьбы складывавшаяся общественно-политическая ситуация, в которой приходилось действовать новым албанским властям, отнюдь не способствовала поступательному развитию отношений Албании как с ведущими европейскими государствами, так и с ее балканскими соседями. Согласно оценкам ведущих международных экспертов, «доходы, поддерживавшие страну с 1991 г. и далее, поступали из трех основных источников: зарубежная помощь, эмиграция и нарушение санкций (контрабанда оружия и нефтепродуктов в Сербию и Черногорию при попустительстве правительства)»¹¹. Понятно, что подобные «источники» мало способствовали улучшению имиджа Албании в глазах ведущих европейских стран, от которых непосредственно зависит продвижение албанской заявки на прием страны в ЕС.

Кроме того, сам процесс социально-экономической и общественно-политической трансформации Албании, оказывавший решающее влияние на смену ее внешнеполитических приоритетов, проходил противоречиво, учитывая как тяжелую «наследственность» конкретно этой страны, так и особенности государственных «моделей» всего региона. Согласно справедливому свидетельству профессора правовой школы Будапештского университета Г. Хамзы, «ключевые изменения, которые в настоящее время претерпевают конституциональные и правовые структуры центральноевропейских и восточноевропейских стран, не могут быть отделены от предшествующего конституционального и правового опыта в этой географической части Европейского континента»¹². Примером могут служить драматические события весны 1997 г., когда крах многочисленных «финансовых пирамид» послужил «спусковым крючком» для массовых антиправительственных выступлений, поставивших страну на грань гражданской войны.

Тогда же Албания стала ареной полномасштабной международной миротворческой операции, развернутой под эгидой ОБСЕ и на основании решения Совета Безопасности ООН в составе 7 тыс. военнослужащих. В условиях распада силовых структур президент страны Сали Бериша и глава коалиционного правительства Башким Фино обратились к мировому сообществу с призывом срочно вмешаться в ситуацию с тем, чтобы спасти Албанию от анархии. Совет Безопасности ООН принял 28 марта специальную резолюцию «Положение в Албании» за номером 1101, в которой поддержал (при одном воздержавшемся — Китае) соответствующие обращения постоянных представителей Албании и Италии, а также Постоянного совета ОБСЕ. В своем обращении к членами СБ ООН представитель Албании Пеллумб Кулла признал, что «ситуация в Албании продолжает оставаться серьезной. Восстановление контроля правительства и правопорядка еще не достигнуто на значительной части территории страны. Предметом особой озабоченности является дальнейшее ухудшение гуманитарной ситуации из-за отсутствия безопасности и роста потребностей в гуманитарных товарах первой необходимости». Он также подчеркнул «экстренный характер этого вопроса». По словам Куллы, «Албания нуждается в немедленной помощи международного сообщества. Мы ожидаем, что Совет Безопасности сможет быстро принять правильное решение по Албании». Албанский представитель выразил также пожелание, чтобы многонациональные силы находились в его стране «до тех пор, пока условия на местах не позволят албанскому правительству обеспечить безопасную доставку гуманитарных грузов до предстоящих всеобщих выборов»¹³.

Принятая Советом Безопасности ООН резолюция выражала «глубокую озабоченность по поводу ухудшения ситуации в Албании», которая «создает угрозу миру и безопасности в регионе». Резолюция постановила «создать времен-

ные и ограниченные по численности многонациональные силы по охране, чтобы содействовать безопасной и оперативной доставке гуманитарной помощи и способствовать созданию безопасных условий для осуществления миссий международных организаций в Албании, в том числе организаций, оказывающих гуманитарную помощь»¹⁴. Особое мнение Китая по данному вопросу сформулировал на этом заседании его представитель Цинь Хуасунь. Он заявил, что «албанский вопрос — это вопрос сложный. В сущности это внутреннее дело Албании. Санкционирование Советом Безопасности действий в стране из-за междоусобицы, ставшей результатом внутренних дел этой страны, не соответствует положениям Устава Организации Объединенных Наций. Поэтому в этом вопросе следует действовать крайне осторожно». Однако в то же время, продолжал китайский дипломат, «должным образом принимая во внимание соответствующие просьбы правительства Албании и его серьезное стремление к восстановлению стабильности в этой стране в самое ближайшее время, делегация Китая не будет препятствовать принятию проекта резолюции»¹⁵.

Миротворческая операция в Албании получила название «Операция “Альба”». Общее руководство размещением военнослужащих и защитой доставляемых в страну гуманитарных грузов было возложено на Италию. В ней также приняли участие Греция, Турция, Франция, Испания, Австрия, Румыния и Дания. Что же касается переговоров между ведущими политическими силами страны, то решающую роль в них сыграло успешное посредничество бывшего австрийского канцлера Франца Враницкого, выступавшего от имени как ООН, так и Европейского союза.

Совет Безопасности ООН еще раз вернулся к обсуждению ситуации в Албании 19 июня. В своем выступлении представитель Албании Кулла заявил, в частности, что правительство и народ его страны «признательны коалиции стран, продемонстрировавших готовность создать Многонациональные силы по охране, возглавляемые Италией. Многонациональные силы по охране в сотрудничестве с правительством Албании успешно улучшают ситуацию в моей стране. Албанский народ находится в процессе принятия важных для стабильности и будущего страны решений на основе парламентских выборов.

Учитывая это, я обращаюсь с просьбой к членам Совета проголосовать за данный проект резолюции, в соответствии с которым Многонациональные силы по охране получают полномочия на продолжение помощи в деле нормализации ситуации в Албании». По итогам голосования членов Совета Безопасности была принята соответствующая резолюция за номером 1114, постановившая продлить мандат многонациональных сил по охране¹⁶. Единственным воздержавшимся вновь оказался представитель Китая. Ван Сюэсянь следующим образом аргументировал свою позицию: «В Уставе Организации Объединенных Наций четко указывается на то, что Организация Объединенных Наций не имеет права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. По нашему мнению, албанский вопрос по существу является внутренним делом Албании. Поэтому Совет Безопасности должен проявлять осторожность в этом вопросе»¹⁷.

Скорейшее вступление в Европейский союз вот уже более 20 лет остается приоритетным направлением внешней политики Албании, особенно после того, как страна стала полноправным членом других ведущих международных организаций, в том числе, Совета Европы (июль 1995 г.), Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Европейского банка реконструкции и развития, Исламского банка развития, Организации Исламская конференция, а также выступила соучредителем Организации Черноморского экономического сотрудничества. Говоря образными словами албанской исследовательницы М. Богдани, «ЕС остается центральным местом и главным рычагом усилий Албании по преодолению трудного переходного периода и ее целью на будущее»¹⁸. Однако большинство исследователей сомнева-

ются в достижимости данной цели, по крайней мере, в обозримом будущем. Основная причина этого видится в отсутствии значимого прогресса в обеспечении демократических норм внутри страны, высокий уровень коррупции, внутривнутриполитические конфликты, перерастающие в уличные столкновения, а также многочисленные и регулярно повторяющиеся претензии международных организаций к национальным всеобщим выборам.

Особого накала ситуация достигла в январе 2011 г., когда массовые столкновения полиции с антиправительственными демонстрантами в центре Тираны привели к человеческим жертвам¹⁹. Это дало основания руководству Европейского союза заявить со страниц официального бюллетеня ЕС «Еврообсервер» о том, что «убийства в Албании бросают тень на стремление страны вступить в ЕС»²⁰. Представители Евросоюза подчеркивали, что Еврокомиссия все последние годы отказывалась предоставить Албании статус официального кандидата на вступление в Евросоюз, и указывали в качестве «самой огромной проблемы» страны «отсутствие диалога между правительством Албании и оппозицией»²¹. С другой стороны, можно, на наш взгляд, отчасти согласиться с мнением о том, что хотя «албанское население всегда находилось в уязвимом положении с точки зрения проблем бедности и изоляции от остального мира», тем не менее, присущая ему «сильная традиционная социальная структура компенсировала эти проблемы через защиту семей и отдельных лиц посредством родо-племенных сетей»²².

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы и противоречивые процессы, албанской стороне все-таки удалось добиться успеха в своем взаимодействии с ЕС на «бытовом» уровне, получив с конца 2010 г. возможность безвизовых поездок своих граждан в страны Европейского союза. Последнее обстоятельство, в свою очередь, породило новые проблемы во взаимоотношениях Тираны и Брюсселя. Еще до этого события, в феврале 2010 г., комиссар ЕС по внутренним делам С. Мальмстрем была вынуждена лично и экстренно вмешаться в ситуацию, сложившуюся вокруг внезапного массового притока албанцев в Бельгию, где они подвергли блокаде государственные учреждения в Брюсселе, требуя от правительства убежища, жилья, работы и денежных пособий²³. Тогдашний премьер-министр Бельгии И. Летерм прямо призвал власти Европейского союза «ограничить пагубные последствия либерализации европейского визового режима»²⁴. Аналогичная ситуация вокруг притока в страну албанцев тогда же сложилась в Швеции. Это явилось одной из причин беспрецедентного успеха на парламентских выборах в этой стране в сентябре 2010 г. националистов из партии «Демократы Швеции». Среди стран, призвавших тогда руководство ЕС пересмотреть решения по безвизовому режиму с Албанией, оказались Австрия, Германия, Франция, Швеция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, испытывающие на себе мощное давление многотысячной волны иммигрантов с Балкан, в первую очередь албанцев.

Так, согласно данным бельгийских правительственных источников, только за июль-август 2010 г. официально к властям страны обратилось около полутора тысяч жителей бывшей Югославии, половину из которых составили косовские албанцы. Число же тех, кто просто затерялся в Бельгии, не поддается объективной оценке. Аналогичная тенденция наблюдается и в Германии. Если в июле 2010 г. в эту страну прибыло 129 лиц с Балкан, попросивших убежище, то в августе того же года их насчитывалось уже 225, а в сентябре — 800.

При этом, согласно действующему в Европейском союзе законодательству, национальные власти выплачивают пособие даже тем прибывшим, кому сами же отказывают в получении разрешения на проживание. В частности, в Швеции данная сумма составляет 500 евро на человека²⁵. Получив эти средства, албанцы в массовом, но организованном порядке, переезжают в соседнее государство, входящее в ЕС, где вся криминальная «карусель» повторяется.

По сути, Албания в своих отношениях с Евросоюзом оказалась в том самом состоянии «замкнутого круга», которое немецкие исследователи Х. Гро-

мес и Б. Шоха характеризуют как неспособность государственных структур создать необходимые условия для развития «функциональной демократии» в соответствии с требованиями и принципами Европейского союза²⁶. Неудивительно, что по самым оптимистичным оценкам, вступление в Европейский союз Албании (которую Брюссель продолжает рассматривать в качестве «потенциальной страны-кандидата») может состояться не ранее 2020 г., хотя переговоры о заключении Соглашения о стабилизации и ассоциации между Тираной и Брюсселем начались еще в 2003 году. Данный документ, традиционно представляющий собой первый формальный шаг на пути к вступлению в Европейский союз, был подписан 12 июня 2006 г., а вступил в силу еще три года спустя — 1 апреля 2009 года. В том же году албанское правительство направило официальную заявку на прием государства в Европейский союз²⁷.

После этого Совет ЕС во взаимодействии с Еврокомиссией направил 16 декабря 2009 г. в Тирану перечень вопросов, касающиеся готовности Албании выполнить стандартные требования, касающиеся приема той или иной страны в Европейский союз и регулирующие соответствующие процедуры²⁸. Уже 14 апреля 2010 г. албанские власти представили ЕС свои ответы на все поставленные Брюсселем вопросы, но позитивного отклика так и не дождалась²⁹. Вместо этого в декабре 2010 г. Совет ЕС высказался против предоставления Албании официального статуса государства-кандидата на вступление в данную организацию (в отличие даже от соседней Черногории), сославшись на ее внутривнутриполитические проблемы³⁰. Своеобразной, но явно недостаточной, с точки зрения албанского правительства, компенсацией и стало решение распространить на Албанию действие безвизового режима.

Следующим этапом вялотекущего процесса евроинтеграции Албании стал доклад Еврокомиссии, обнародованный 10 октября 2012 года. Данный документ вновь констатировал общую неготовность страны к получению статуса официального кандидата по 12-ти основополагающим критериям, сформулированным в ноябре 2010 года³¹. Еврокомиссия определила, что албанская сторона выполнила четыре критерия, выполнение еще двух было «в процессе», а по остальным шести был констатирован «умеренный прогресс», что в терминологии Европейского союза фактически означает стагнацию. В докладе Еврокомиссии подчеркивалось, что будущее предоставление Албании официального статуса страны-кандидата в ЕС «зависит от выполнения ключевых мер в сферах реформирования правосудия и государственной администрации и пересмотра парламентских процедур». «Для того, чтобы иметь возможность сделать следующий шаг и начать переговоры о вступлении, Албания в особенности должна будет продемонстрировать реальное выполнение уже взятых на себя обязательств и достижение оставшихся ключевых приоритетов, которые до настоящего времени не реализованы полностью. Внимание должно быть сфокусировано на верховенстве закона и фундаментальных правах человека. Для успешного процесса реформ по-прежнему существенное значение будет иметь реальный политический диалог (власти и оппозиции. — В.К.). Проведение парламентских выборов 2013 года станет в этом плане ключевым тестом и предварительным условием для любой рекомендации об открытии переговоров»³².

Последняя констатация имела ясный отсыл к драматическим событиям 21 января 2011 г., когда перед зданием правительства Албании в центре Тираны произошли ожесточенные столкновения между антиправительственными демонстрантами и полицией. Тогдашний премьер-министр страны Сали Бериша расценил эти события как составную часть попытки государственного переворота, а в Брюсселе заявили, что подобные инциденты «бросают тень» на перспективы Албании быть принятой в ряды Европейского союза³³.

Между тем, последние по времени парламентские выборы в Албании прошли 23 июня 2013 г. и ознаменовались убедительной победой левоцентристской оппозиции во главе с Социалистической партией Албании. Международ-

ные наблюдатели констатировали, что выборы носили подлинно «соревновательный» характер, но при этом подчеркнули сохраняющийся высокий уровень «недоверия» между политическими партиями, который «наносит ущерб политическому ландшафту» страны³⁴.

Согласно принятой новым правительством Албании внешнеполитической программе, целями внешней политики страны является «не только исправить прошлые ошибки, поставившие под угрозу евроатлантическое будущее Албании, но также повысить качество и ускорить ход интеграционного процесса на пути в Европейский союз, а также укрепить доверие к нам в регионе и в евроатлантических структурах». При этом в качестве ключевых «осей» внешней политики Албании на современном этапе провозглашены «стратегическое партнерство с США и ЕС»³⁵.

Не должен вызывать удивления тот факт, что курс Албании на вступление в НАТО увенчался успехом гораздо раньше, нежели аналогичные планы в контексте евроинтеграции. Несмотря на значительное совпадение позиций обеих организаций в отношении Албании и ее геополитической значимости, в рамках рассматриваемого вопроса следует выделить и существенные различия. Они, в частности, определили более стремительное приближение Тираны к вступлению в Североатлантический альянс (куда она была принята в 2009 г.), нежели ее продвижение по пути к приему в Европейский союз.

Главными причинами этого обстоятельства видятся два фактора. Во-первых, согласно неписанным традициям ЕС и НАТО, именно прием той или иной страны-кандидата в Североатлантический альянс должен предшествовать завершению процессов ее евроинтеграции — особенно, когда речь идет о государствах восточноевропейского региона. Конкретные исключения, в частности, в виде принятого в Евросоюз в 2004 г. разделенного Кипра, лишь подтверждают данное правило.

Во-вторых, военно-политическое значение Албании для НАТО существенно перевешивало ее торгово-экономическую роль с точки зрения интересов Европейского союза. Не случайно страна стала участницей программы Североатлантического альянса «Партнерство во имя мира» еще в феврале 1994 года. А за два года до этого — в июне 1992 г. — Албания присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества, образованному в конце 1991 года³⁶.

Именно военно-транспортная инфраструктура Албании сыграла во многом ключевую роль в операции НАТО «Союзническая сила» против Югославии, а в последующие годы она была призвана играть важнейшую роль в логистическом обеспечении американской военной базы «Камп Бондстил» в Косово. Важное место в данном отношении отводится совместно разрабатываемым Албанией и Североатлантическим альянсом планам по модернизации албанского порта Шинжин, что позволит обеспечить при помощи его инфраструктуры прямой доступ от Адриатики к вышеупомянутой американской военной базе на косовской территории.

Что же касается Евросоюза, то в рядах этой организации интеграционную привлекательность Албании оценивали и продолжают оценивать не столь высоко — не только по финансово-экономическим соображениям, но и в силу вышеупомянутых особенностей внутривнутриполитической жизни в стране.

Помимо вступления в ЕС и НАТО, в поле зрения руководства Албании закономерно находится ситуация в Косово. Как отмечал еще в 1982 г. (то есть во времена Э. Ходжи) один из правительственных чиновников тогдашней Албании Бечир Хоти, «албанские националисты имеют платформу, состоящую из двух пунктов... первый — создать то, что они называют этнически чистой албанской республикой, и затем объединиться с Албанией для того, чтобы создать Великую Албанию»³⁷. А уже к моменту резкой эскалации косовского кризиса в 1998 г. и военной операции НАТО против Югославии следующего года именно косовское направление стало основным внешнеполитическим приоритетом Тираны. Внутреннюю подоплеку данного курса однажды откровенно

обрисовал С. Бериша, заявивший, обращаясь к албанскому населению Балкан, буквально следующее: «Наши братья, проживающие на своих территориях в бывшей Югославии и повсюду! Демократическая партия Албании не прекратит борьбу до тех пор, пока ее великая мечта об объединении албанской нации не станет реальностью»³⁸.

Симптоматично, что именно признание самопровозглашенной «Республики Косово» как «суверенного и независимого государства» стало последним актом «переходного» правительства Албании Ю. Буфи, подавшего в отставку с поста премьера 6 декабря 1991 года³⁹. Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно отставка Буфи и последовавший затем новый виток внутривнутриполитических пертурбаций в стране фактически дезавуировали вышеуказанный внешнеполитический акт.

В этой связи необходимо отметить, что идея объединения всех албанцев Балкан в одно государственно-политическое целое еще со второй половины XIX в. стала главным фактором национального албанского движения и его программным требованием, превосходя по своему весу религиозные или какие-либо иные идеи и факторы. Один из идеологов албанского движения, Пашко Васа Шкодрани (католик, занимавший в Османской империи пост губернатора Ливана), еще в XIX в. заявил, что «религией албанцев является албанизм»⁴⁰. Эти слова как нельзя лучше характеризуют примат национально-государственного объединения над религиозными мотивами в албанской идеологии⁴¹. По сути, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»⁴². А следовательно, «религиозный фактор в балканском кризисе требует специального исследования»⁴³.

Однако именно применительно к Албании и ее внешнеполитическим приоритетам действие данного фактора имело и в целом продолжает иметь не столь большое значение в сравнении, скажем, с Боснией и Герцеговиной, Хорватией или Сербией. Правда, ряд западноевропейских исследователей, в частности, М. Виккерс, Дж. Петтифер⁴⁴, Г. Ноннеман, Т. Ниблок и Б. Сайковски⁴⁵, пытаются проследить мусульманские корни у нынешнего премьер-министра Албании в плане их влияния на внутреннюю и внешнюю политику его кабинета. Однако подобный подход представляется недостаточно обоснованным. Точно так же вряд ли можно согласиться с категоричным утверждением сербского исследователя М. Евтича об «огромной роли» исламского фундаментализма в эволюции албанского фактора на Балканах: «Каждый раз, когда набирает размах великоалбанская идея, вслед за ней через черный ход пролезает и джихад, так как албанское население глубоко религиозно и, как мы уже неоднократно подчеркивали, албанизация означает и исламизацию»⁴⁶.

Тем не менее, именно в 1990-е гг. в Албании произошло укрепление позиций ряда международных исламских структур, в том числе, радикального толка. Согласно ряду источников, в 1994 г. Албанию в составе делегации Саудовской Аравии посетил даже будущий «террорист номер один» Усама бен Ладен⁴⁷.

Особое место в процессе пересмотра внешнеполитических приоритетов Албании в конце XX — начале XXI в. принадлежало многочисленной албанской диаспоре. По понятным причинам, наибольшую остроту в данной связи имеет проблематика албано-греческих отношений, учитывая существующие в них «болевые точки» в виде взаимных претензий, касающихся положения соответствующих национальных меньшинств. Албанские политики и эксперты не упускают возможности заявить о необходимости противостоять «шовинистической греческой политике»⁴⁸. Причем особая роль в реализации данной политики отводится так называемому «греко-американскому лобби». Албанские исследователи связывают исторические корни греко-албанских противоречий, в частности, с событиями второй мировой войны и послевоенной гражданской войны в Греции, говоря о наличии у гречес-

кого правительства военного периода «тезиса в пользу аннексии Южной Албании»⁴⁹.

В отличие от взаимоотношений Албании с ЕС или Грецией, взаимодействие Тираны с Москвой за последние два десятилетия не испытали слишком драматических поворотов. В частности, созданное в июле 1997 г. левоцентристское правительство премьер-министра Фатоса Нано сразу же заявило, что придает большое значение дальнейшему развитию отношений с Россией. Кабинет выразил надежду, что данные отношения «будут воплощаться в реальных делах и расширяться во всех сферах деятельности к обоюдной выгоде»⁵⁰.

Правда, резкое обострение в следующем году косовского кризиса, в котором Россия и Албания, по сути, заняли позиции по разные стороны баррикад, существенно подорвало перспективы развития двусторонних отношений, несмотря на наличие обширной договорно-правовой базы. Центральное место в ней занимает подписанное в 1995 г. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Албании о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве». С 1992 г. действует Межправительственная российско-албанская комиссия по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Ситуация стала в определенной степени меняться во второй половине 2000-х гг., когда Россия и Албания сделали важные шаги навстречу друг другу как в экономике и торговле, так и в налаживании повседневных контактов на «общечеловеческом» уровне. Важную роль здесь играет регулярно вводимая албанским правительством отмена виз для россиян на летний период. Что же касается торгово-экономического взаимодействия, то в этой сфере по-прежнему существуют серьезные проблемы, связанные, в первую очередь, с жесткой позицией США и Европейского союза, не заинтересованных в углублении двустороннего сотрудничества России с Албанией в энергетике и других стратегических областях. Согласно официальным данным албанской стороны, двусторонний торговый оборот в настоящее время составляет порядка 110 млн долларов. Согласно российским данным, речь идет о еще более скромных объемах — примерно 60 млн долларов. При этом на долю России приходится менее 2% стоимости албанского торгового оборота⁵¹.

Среди возможных перспективных направлений сотрудничества следует упомянуть подключение Албании к энергетическим проектам с участием России, включая газопровод «Южный поток» и другие трансбалканские проекты, рассчитанные в том числе на российские энергоресурсы, участие российских компаний в приватизационных проектах в горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, гидроэнергетике, в сфере поставок и распределения электроэнергетики и т.д.

Что же касается региональных приоритетов внешней политики Албании, то с начала 1980—1990-х гг. на первое место вышло косовское направление. В этой связи стоит напомнить, что в период правления коммунистического лидера Энвера Ходжи претензии Албании на Косово и великоалбанские настроения в целом открыто не афишировались, но активно распространялись среди населения Косово посредством издательской и пропагандистской деятельности, в том числе через Университет в Приштине. Авторы в своих трудах недвусмысленно акцентировали внимание на исторических связях Албании и Косово в едином албанском этническом пространстве.

Однако происшедший в начале 1990-х гг. распад единой Югославии окончательно перевел проблему «Великой Албании» в «практическое русло», заодно поместив Албанию фактически в эпицентр нового и продолжающегося с той или иной интенсивностью до настоящего времени конфликта⁵².

Еще 24 апреля 1993 г. постоянный представитель Албании при ООН Танас Шкурти обратился с письмом на имя председателя Совета Безопасности ООН, в котором поставил вопрос о необходимости международного вмеша-

тельства в косовский конфликт. В документе подчеркивалось, что в сложившихся «вызывающих крайнюю тревогу обстоятельствах албанское правительство просит Совет Безопасности принять безотлагательные и эффективные меры, такие как размещение воинских контингентов Организации Объединенных Наций в Косово, и все другие меры, которые, по его мнению, являются необходимыми, в целях своевременного предотвращения войны в Косово и проведения там этнической чистки, с тем, чтобы избежать непредсказуемых последствий». А спустя чуть больше месяца — 26 мая 1993 г. — постоянный представитель Албании при ООН конкретизировал требования своей страны к мировому сообществу касательно ситуации в Косово. В новом письме на имя председателя СБ ООН он подчеркнул, что его страна «настоятельно призывает Совет Безопасности как единственный международный орган, несущий главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, принять необходимые меры, чтобы предотвратить конфликт в Косово. Она призывает Совет Безопасности, действуя в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности со статьей 34, немедленно начать расследование взрывоопасной ситуации в Косово путем направления туда миссии по установлению фактов. Правительство Албании еще раз просит, чтобы Совет Безопасности на основании главы VII Устава рассмотрел вопрос о размещении как можно скорее военных контингентов Организации Объединенных Наций в Косово, чтобы предотвратить возникновение войны в этом регионе»⁵³.

Однако ООН, занятая в тот период в первую очередь боснийским и хорватским кризисами, весьма прохладно отнеслась к инициативе Тираны, а позднее отказалась рассматривать ситуацию в Косово в контексте дейтонского процесса, к чему также призывала албанская сторона. В результате процесс взаимоотношений Албании и косовских сепаратистов перешел в новое — военно-политическое — измерение, чему способствовала также активизация в конце 1997 г. операций «Армии освобождения Косово», имевшей свои опорные пункты в северных и северо-восточных приграничных районах албанской территории.

Как весьма справедливо отмечалось в обстоятельном докладе «Международной кризисной группы» под красноречивым названием «Взгляд из Тираны: албанское измерение косовского кризиса», обнародованном 10 июля 1998 г., взаимоотношения Албании и Косово к этому времени приобрели сложный и во многом противоречивый характер. Вот, что в частности, говорилось в документе: «Отношения между албанцами из собственно Албании и их этническими родственниками за косовской границей являются сложными. Несмотря на очевидные языковые и культурные связи, политическое разделение, существовавшее на протяжении последних 80 лет, и изоляция Албании в течение коммунистического периода стали причиной того, что обе общности развивались на очень различный манер. Более того, прибытие косовских албанцев в Албанию в последние годы и их влияние в некоторых непривлекательных сферах экономики породили обиды среди албанцев из самой Албании, большинство из которых слишком озабочены ежедневной борьбой за существование, чтобы еще уделять много времени или думать о национальных вопросах. Тем не менее, всплеск насилия в Косово и приток нескольких тысяч косовско-албанских беженцев напомнил албанцам о связях, существующих между двумя общностями, и симпатии к этническим родственникам в Косово особенно сильны в приграничных районах среди гегов — северных албанцев.

Хотя албанский ответ на эскалацию насилия в Косово вплоть до настоящего времени носил сдержанный характер, правительство страны, в котором доминируют тоски (южные албанцы), неизбежно испытывает на себе все возрастающее давление к тому, чтобы занять более агрессивную позицию. Политика сдержанности способна завоевать международное одобрение, но она же ставит под сомнение доверие к администрации со стороны националистов —

как среди косовских албанцев, так и в самой Албании, особенно среди гегов. Более того, подобная позиция играет на руку бывшему президенту Сали Берише, который уже использует косовский конфликт для того, чтобы осуществить свое политическое возвращение в Албанию. Как и косовские албанцы, Бериша является гегом, он родом из города Тропоя на границе Косово. Данная часть Албании находится преимущественно вне контроля Тираны, и «Армия освобождения Косово» (АОК) действует там все более открыто. В силу нынешней слабости албанской армии и латентной вражды между гегами и тосками существует опасность того, что АОК со временем распространит свой театр боевых операций на собственно Албанию»⁵⁴.

Вряд ли будет преувеличением признать, что «трагическое несчастье» Албании было связано с тем, что ей пришлось «возродиться после такого затянувшегося периода изоляции и сразу же оказаться посреди балканского бурления с таким же количеством национальных обид и соперничества, какое имело место в момент провозглашения Албанского государства в 1912 году»⁵⁵. Появившиеся к этому времени многочисленные геополитические концепции переустройства Балкан и всей Центральной и Восточной Европы, наложившись на рост национального самосознания народов обширного региона, породили центробежные силы, «увлекающие национальные движения на путь отсоединения и сепаратизма»⁵⁶. Как справедливо отмечает в данной связи британский исследователь Т. Эриксен, роль этнической идентичности и борьбы той или иной этнической группы за свое обеспечение традиционно возрастает в периоды общественных кризисов, один из которых как раз и вспыхнул в Европе в конце 1980-х годов⁵⁷. Обратной стороной данного процесса, по признанию бывшего министра иностранных дел Албании Паскаля Милё, как раз закономерно стал рост великодержавных идей или «идеи “большого государства”» в разных Балканских странах. Приверженцы последней «опираются на традиционные и разработанные концепции, которые появились вместе с национальными государствами непосредственно на Балканах»⁵⁸. Ведь даже если обратиться к событиям конца XIX в., то и тогда «концепция “великой страны”», занимавшая постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей»⁵⁹. В конце XX в. подобные тенденции пережили на взорвавшихся Балканах «второе рождение».

В результате в балканском регионе в последние десятилетия XX в. «этническое самоопределение становится наиболее релевантным, этническая идентичность утрачивает прежнюю амбивалентность и приобретает четкие границы»⁶⁰. Так что отнюдь не случайно эволюция внешнеполитического курса Албании от «изоляции» к «косовской войне» стала главным содержанием всего периода посткоммунистической трансформации этой балканской страны.

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что сама Албания исторически складывалась не просто как моноэтническая страна, а как государство самой высокой в регионе степени «моноэтничности», где доля албанцев составляет 95%⁶¹. При этом в Македонии уже не менее 29,9% жителей «относят себя к албанцам»⁶².

Противоречивое переплетение «этнического» и «религиозного» измерения албанского фактора объективно «проецируется» на большинство «постъюгославских» государств, и в первую очередь, Сербию и Македонию⁶³. Правда, подобную ситуацию применительно к албанцам нельзя считать уникальной, поскольку именно на Балканах понятие «нация» традиционно рассматривается «поверх» государственных границ, прежде всего, как этническая общность, а не все население определенной территории. В реальности же балканская традиция такова, что в идеологии национального движения каждого народа «нация трак-

туется прежде всего как этническая общность, а ее самоопределение рассматривается как создание своего независимого этнического государства в максимально возможных границах».

Следует особо подчеркнуть, что албанские исследователи, как правило, предпочитают не использовать термины «Великая Албания» и «паналбанизм», чтобы не провоцировать международное общественное мнение. Вместо этого активно применяется термин «албанский национальный вопрос», получивший, в частности, всестороннее рассмотрение в обнародованном в 1998 г. в Тиране меморандуме Албанской Академии Наук под названием «Платформа для решения национального албанского вопроса». В документе данное понятие определялось как «движение за освобождение албанских земель от иностранной оккупации и их объединение в отдельное национальное государство»⁶⁴.

Правда, албанские исследователи не устают повторять, что данный меморандум является ответом на обнародованный 12 годами ранее, в 1986 г., меморандум Сербской академии наук и искусств. В нем события вокруг Косово и Албании трактовались как «специфическая по форме, но открытая и тотальная война» против сербской нации и даже «неофашистская агрессия». «В соответствии с этнической ситуацией на Балканском полуострове — этнической пестротой многих областей, осуществляемое на практике требование этнически чистого Косово будет не только непосредственно угрожать всем народам, которые составляют меньшинство на этой территории. Если это осуществится, поднятая волна экспансии превратится в реальную и ежедневную угрозу всем народам Югославии», — подчеркивалось в меморандуме сербских интеллектуалов⁶⁵.

В историографии существует и еще один аналогичный «меморандум». Это принятый в 1995 г. так называемый «Меморандум форума албанских интеллектуалов Косово». В этом документе подчеркивается, что «албанский вопрос» в бывшей Югославии — это проблема прав и свобод человека, и в то же время проблема разделенного народа. Авторы меморандума утверждали, что, несмотря на то, что в бывшей Югославии албанцы были по численности третьим народом после сербов и хорватов, они, как неславянский народ, были лишены права иметь свою собственную республику в составе бывшей югославской федерации, а также права объединиться со своим национальным государством — Албанией. В качестве пути решения данной проблемы авторы документа предлагали проведение референдума под международным протекторатом, который «уважал бы выраженную на плебисците волю к политическому и национальному статусу и не представлял бы угрозы новому международному порядку». Они признавали, что «справедливое решение албанского вопроса означало бы и изменение государственных границ», однако не видели в этом трагедии, ссылаясь на опыт распада СФРЮ, СССР, ЧССР, а также объединения Германии⁶⁶.

По некоторым оценкам, признав суверенитет Сербии над Косово в 1913 г., великие державы оставили за пределами Албании 40% населения, что, как указывают некоторые эксперты, «стало трагической ошибкой, преследовавшей Балканы вплоть до конца двадцатого столетия»⁶⁷. Не случайно обсуждению современного состояния «албанского национального вопроса» была посвящена и прошедшая в 1976 г. в Тиране с большой помпой Национальная конференция этнографических наук. На ней было особо подчеркнуто, что около пяти миллионов албанцев продолжают оставаться за пределами собственно Албании⁶⁸. В настоящее время подобная пропорция — три миллиона албанцев в границах собственно Албании и еще пять миллионов за ее пределами — в целом сохраняется. В настоящее время в качестве объединяющего символа всеалбанского единства традиционно выступает День албанского флага, отмечаемый 28 ноября в ознаменование провозглашения независимости Албании от Османской империи 28 ноября 1912 г. и сопровождаемый все более массовыми демонстрациями под великоалбанскими лозунгами⁶⁹.

В период второй мировой войны наиболее четко великоалбанские настроения прослеживаются в программных документах и деятельности коллаборационистского албанского правительства Мустафы Круи⁷⁰ и националистической организации «Балли комбетар»⁷¹. Впрочем, вряд ли будет преувеличением сказать, что подобные идеологические установки типологически находят аналогии в определенных кругах других балканских стран и народов⁷². В результате, к концу 1980-х гг. в целом сформировались две великодержавные концепции — албанская и сербская — объективно затруднявшие обновление старых и реализацию новых интеграционных моделей, наподобие проектировавшейся после второй мировой войны Балканской федерации с участием Албании, Югославии, а также Болгарии.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в развитии албанского национального движения и эволюции албанской национальной идеи наступил новый этап. Он характеризовался тем, что после распада Югославии этнические албанцы оказались в составе двух «национализирующихся государств» — «новой» Югославии и Македонии, не считая другой части «национализационной триады» — собственно Албании⁷³. В результате в настоящее время на «албанском этнополитическом пространстве» существуют три образования, три центра притяжения — собственно Албания, Косово и районы Македонии, где албанцы составляют большинство.

Не случайно в македонской историографии уже закрепились мнение о реальности угрозы нового территориального передела Балкан. В частности, македонские эксперты признают возможной, хотя и «мрачной», идею «размена населения и территории между Македонией и Албанией»⁷⁴.

Впрочем, далеко не все в самой Албании согласны с расширительной трактовкой албанской национальной идеи и реальности перспектив ее осуществления. Среди скептиков — видный албанский интеллектуал Ф. Любонья, заявивший в апреле 2002 г., что «мечта албанцев о том, чтобы однажды объединиться, являлась частью их коллективного сознания, не становясь политической программой по причине того, что албанцы всегда были очень слабыми»⁷⁵.

Обнародованные в марте 2007 г. результаты исследования, проведенного Программой развития ООН в октябре—декабре 2006 г., показали, что лишь 2,5% косовских албанцев считают объединение Косово с Албанией наилучшим способом решения косовского вопроса. И наоборот — 96% выступили за то, чтобы Косово стало независимым в своих нынешних границах⁷⁶. Очевидно, именно подобную статистику в том числе имела в виду экс-посол Республики Сербия в Российской Федерации Е. Куряк, подчеркивавшая, что «албанцы из Косово ненавидят албанцев из Албании, существует постоянное соревнование и противопоставление»⁷⁷.

Однако согласно итогам опроса, проведенного агентством «Гэллуп Балкан Монитор» в январе 2010 г., подавляющее большинство граждан Албании и края Косово, в одностороннем порядке провозгласившего в феврале 2008 г. независимость от Сербии, уже выступали за создание «Великой Албании». На вопрос о поддержке этой идеи утвердительно ответили 74,2% респондентов в Косово и 70,5% — в Албании. При этом 47,3% участников опроса в Косово и 39,5% в Албании считают, что появление великоалбанского государства в его самых широких этнических границах возможно уже в ближайшем будущем⁷⁸.

После провозглашения в одностороннем порядке независимости Косово в европейской печати появилось немало публикаций, в которых предпринимались попытки понять развитие ситуации в крае в контексте активизации албанского фактора и роли самой Албании. В качестве примера можно привести статью, появившуюся 25 февраля 2008 г. на страницах влиятельной швейцарской газеты «Тан». В ней весьма обоснованно подчеркивалось, что сложность албанской проблемы кроется даже в определенной терминологической путанице терминов «косовар», «албанец» или «албаноговорящий»⁷⁹. «За терминологической неточностью скрываются важные споры о национальной идентичности и переустройстве в соответствии с этой идентичностью албанского мира на

Балканах», — указывала газета и продолжала, — «На Балканах государственные границы — старые и новые — никогда не совпадали с границами проживания разных народов, что привело к появлению значительных национальных меньшинств. В этой конфигурации Косово занимает особую позицию, потому что это крайне исторически нагруженная территория, где сталкиваются антагонистические национальные притязания... Когда сербы говорят о своих монастырях в Косово, албанцы отвечают, что они были построены на руинах более древних албанских католических монастырей, но этот факт труднодоказуем и не имеет большого значения: по меньшей мере до XIII века этот регион находился под влиянием то Византии, то Рима, а в Косово вместе живут различные народы, в том числе сербы и албанцы... Один из наиболее употребительных балканскими националистическими движениями аргументов — утверждение о древности и даже автохтонности своего народа»...

Действительно, один из ведущих современных косовских исследователей А. Якупи не сомневается в справедливости привлечения темы происхождения албанского этноса к выработке современных внешнеполитических и геополитических приоритетов. Он относит к «историческим албанским землям» как собственно Албанию, так и почти все территории бывшей Югославии. Якупи прямо подчеркивает, что «албанцы — это именно те, кто базирует свою независимость и коренное этническое происхождение на историографии, доказанной применительно к античности и ко всем последующим периодам»⁸⁰.

Между тем, даже эксперты известной своими проалбанскими (и одновременно антисербскими) взглядами «Международной кризисной группы», анализируя исторический процесс складывания албанского национального самосознания, вполне обоснованно отмечают, что «вплоть до конца девятнадцатого века среди албанцев не появилось широкого и в достаточной степени специфического чувства национальной идентичности», и какие-либо «ощущения “национального возрождения” среди албанцев явились относительно недавним историческим феноменом»⁸¹.

Апелляция к историческим фактам, тенденциям, а то и просто мифам, действительно продолжает играть важную роль в выработке внешнеполитических приоритетов балканских государств, включая и Албанию. Однако не меньшее, а скорее большее значение имеет «встроенность» балканских проблем и сюжетов в более широкое геополитическое поле, на котором разворачивается соперничество ключевых мировых игроков. На эту особенность Албании еще столетие назад весьма точно указал тогдашний министр иностранных дел Великобритании Эдвард Грей, председательствовавший на Лондонском совещании послов великих держав 1912—1913 гг. по Балканам. Выступая 12 августа 1913 г. в палате общин британского парламента, он заявил буквально следующее: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего было сохранить согласие между самими великими державами»⁸². Этот цинизм великих держав и в настоящее время присутствует на Балканах. Однако Албания и другие государства региона при планировании и реализации собственных внешнеполитических стратегий по-прежнему делают основную ставку на получение поддержки мировых столиц.

В настоящее время подобная тенденция сохранилась, однако среди «адвокатов» великоалбанской идеи едва ли не решающую роль стали играть международные организации, вольно или невольно способствующие активизации албанского фактора на Балканах⁸³.

Что же касается общей оценки современной системы внешнеполитических ориентиров, то ее вполне можно признать в целом взвешенной, что особенно контрастирует с «метаниями» от союзника к союзнику на протяжении большей

части XX в., не имевшими аналогий даже среди других государств балканского региона. Таким образом, эта балканская страна прошла путь «от анархии к балканской идентичности», уйдя от тех времен, когда она «в условиях раскола в мировом коммунистическом движении двинулась в направлении установления тесных отношений с Китаем»⁸⁴.

Как уже говорилось выше, особое место в контексте формирования внешнеполитического курса Албании принадлежит многочисленным албанским этническим общинам и землячествам в странах Европы, Северной Африки, Ближнего Востока и США. Вышеупомянутая «Международная кризисная группа» констатирует, что «многочисленная диаспора косовских албанцев, проживающая в США, Германии и Швейцарии, играла и будет продолжать играть ключевую роль в нынешнем и будущем экономическом, социальном и политическом развитии Косово, а также диктовать развитие военной ситуации на местах. Они могут легко открыть новые фронты, если того пожелают, чтобы поддерживать давление в многочисленных нерешенных вопросах, относящихся к албанцам»⁸⁵. При этом можно констатировать, что албанские землячества в США и западноевропейских странах по вопросам создания «Великой Албании» настроены более решительно, чем даже политические силы в Приштине или Тиране. Кроме того, особая роль в данном плане принадлежит самим США, которые, по сути, видят в великоалбанских сценариях «средство “держать на коротком поводке” европейцев»⁸⁶.

В самой Албании открыто в поддержку объединения Косово и Албании в качестве партийной цели высказался в 2001 г. генеральный секретарь Демократического альянса Арбен Имами. «Демократический альянс заявляет в качестве одной из своих будущих политических обязанностей стимулирование и ускорение процесса неизбежного мирного объединения Албании с Косово» — заявил он в разгар внутриалбанской предвыборной кампании⁸⁷.

Нынешний премьер-министр Албании и бессменный лидер Демократической партии Албании Сали Бериша призывает к созданию единого албанского культурно-национального пространства. Так, уже в конце 2012 г. он вновь заявил о наличии «единой албанской нации», проживающей в настоящее время в пяти различных балканских государствах, а потому нуждающейся в особом «унификационном проекте»⁸⁸.

Бериша в своих статьях и публичных выступлениях воздерживается от прямых призывов к перекройке балканских границ во многом вследствие нежелания провоцировать новый конфликт с Евросоюзом. Еще в 1992 г. — сразу после своего прихода к власти — он заявил в одном из интервью, что «идеи создания “Великой Албании” абсолютно не присущи албанским правящим кругам и политическим силам»⁸⁹. Эта констатация, к слову, сразу же вызвала резкую отповедь со стороны одного из ведущих албанских интеллектуалов, академика Реджепа Чосья, указавшего в открытом письме на страницах издающейся в США газеты «Иллирия», что «Албания никогда не признавала ее существующие границы и всегда пыталась напомнить международным кругам, что данные границы являются несправедливыми, разделяющими албанские земли на две части. Это границы, которые проходят по самому сердцу албанского народа»...⁹⁰. Это письмо было оперативно перепечатано органом Социалистической партии Албании газетой «Зери и популит», а также выходящей в Приштине газетой «Буйку»⁹¹.

Принятая на всенародном референдуме в ноябре 1998 г. новая Конституция Албании следующим образом определяет политику государства в отношении албанцев, проживающих за ее пределами (статья 8):

«1. Республика Албания признает и защищает национальные права албанцев, проживающих за пределами ее границ.

2. Республика Албания защищает права своих граждан, временно или постоянно проживающих за пределами ее границ.

3. Республика Албания предоставляет содействие албанцам, живущим и работающим в эмиграции, для того, чтобы сохранять и развивать их связи с национальным культурным наследием»⁹².

На состоявшейся в конце 2011 г. весьма примечательной встрече Сали Бериши со студентами Университета в Приштине глава албанского правительства следующим образом ответил на вопрос о возможности объединения Косово и Албании в единое государство: единственная такая возможность — это объединение в рамках Европейского союза⁹³.

Тем не менее, следует согласиться с мнением британского балканиста Т. Джуды, подчеркивающего в своем исследовании «Косово: война и месть», что «еще находясь в оппозиции по отношению к прежней Коммунистической партии, а отныне Социалистической партии, Бериша продумал для себя сильный националистический имидж, осуждая своих оппонентов за то, что они недостаточно работают для Косово». Джуда подчеркивает, что, по крайней мере, в середине 1990-х гг. Сали Бериша проводил «осторожную политику в отношении Косово». В связи с этим поддержка косовским сепаратистам во главе с заявившей о себе в 1997 г. «Армией освобождения Косово» поступала со стороны социалистов. «Это объяснялось их так называемыми “энверистскими” корнями и их связями, проистекающими из тех времен, когда они могли ожидать определенную ограниченную помощь в виде денег и паспортов со стороны прежней коммунистической секретной службы “Сигурими”. Позиция же Бериши и его единомышленников в отношении албанцев, проживающих за пределами Албании, указывает Джуда, могла быть сведена к формуле: “Для них не будет никакого решения, если они не станут думать так же, как мы”»⁹⁴.

Подобный подход отнюдь не импонировал косовским радикалам. По сути, позиция Сали Бериши, занимавшего до 1997 г. пост президента Албании, во многом перекликалась с «ненасильственной» программой самопровозглашенного президента Косово Ибрагима Руговы. В выступлениях последнего, впрочем, уже осенью 1994 г. все чаще «звучали идеи объединения Косово с Албанией»⁹⁵.

До второй половины 1990-х гг. связи Албании и Косово развивались в национально-культурном пространстве, во многом благодаря тому, что косовская система образования была тесно связана с албанской школьной системой: «Сюда приезжали сотни учителей и профессоров из Тираны, а косовские, в свою очередь, проходили стажировку в Албании. Занятия велись по албанским учебникам, государственные программы СФРЮ игнорировались. “Албанизация Косова” становилась естественным процессом, а взращивание националистических идей происходило уже за школьной партой»⁹⁶.

К концу 1990-х гг. ситуация в связке Тирана—Приштина претерпела радикальные изменения. Говоря словами занимавшего в конце 1990-х гг. пост министра иностранных дел Албании Паскаля Милё, «будущая цель всех албанцев заключается в создании албанской зоны, включающей в себя все албанонаселенные регионы юго-восточной Европы, интегрированной в евроатлантические структуры»⁹⁷.

Укрепляющиеся связи между Албанией и Косово действительно стали одним из ключевых факторов активизации косовского сепаратизма. Обострение конфликта в Косово в 1998 г. сопровождалось активизацией контактов между албанцами Косово и их соплеменниками в Албании; причем речь шла не только о политической солидарности, но и о «прямой поддержке» оружием и финансами⁹⁸. Российский историк Е.Ю. Гуськова также считает стремление ряда лидеров албанцев Косово объединиться с Албанией важным фактором косовского сепаратизма. «Суть проблемы Косово, — подчеркивала она, — состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которые выражаются в стремлении отделиться от Югославии, создать свое национальное государство на Балканах, объединившись с Албанией, и интересов Республики Сербии и Югославии, отстаивающих целостность своей территории. И та, и

другая стороны использовали для достижения собственных целей все доступные меры»⁹⁹.

Согласно данным, приводимым многими исследователями со ссылкой на информацию международных организаций (в частности, «Международной кризисной группы»), в 1998 г. на территории Албании действовали несколько центров подготовки боевиков «Армии освобождения Косово», в частности, в районе городов Кукес, Тропоя и Байрам-Цурри¹⁰⁰. По данным сербского эксперта в сфере безопасности М. Дрецуна, на территории Албании в этот период постоянно базировались 15 тыс. членов АОК, при этом им оказывали поддержку еще от 6 до 8 тыс. военнослужащих и полицейских самой Албании¹⁰¹. Как подчеркивала в своем докладе «Международная кризисная группа», «ключевым элементом в возникновении АОК в качестве вооруженной силы стал распад албанской армии весной 1997 г. и разграбление военных складов. В результате исчезли от 700 до 800 тыс. единиц оружия, большинство которого нашло дорогу в Косово»¹⁰².

Руководство Албании все последние годы всячески подчеркивает, что поддержка, оказываемая официальной Тираной самопровозглашенному независимому Косово, не только не несет опасности Балканам, но, наоборот, содействует безопасности в регионе и в Европе в целом. В частности, говоря словами нынешнего посла Албании в России Соколя Гиока, «новое государство Косово стало занимать больше пространства в международной арене и международных институтах. Оно становится все больше и больше фактором мира и стабильности для Балканского региона. Новое государство Косово является успешной международной инвестицией, которая оправдывает себя». Что же касается идеи создания «Великой Албании», то, по словам Гиока, данная «гипотеза» не находится «на повестке дня официальной политики Албании и Косово. Ответ на эту гипотезу уже дан, что совместное будущее Албании и Косово будет в составе большой европейской семьи, Европейского Союза»¹⁰³.

По свидетельству ряда международных экспертов, действующие в Косово радикальные исламистские группы зарабатывают себе очки «на негативных настроениях, которые рождает беспечность международного сообщества». Такие группы взяли под свой контроль распределение «еды, одежды, мест в лагерях для беженцев», а также техники для выращивания местным населением скудного урожая. Это позволяет проводить аналогии с действиями исламистских групп в Афганистане. Политика стран Запада после прекращения конфликта в Косово «дает основания полагать, что именно они несут прямую ответственность за создание в Европе своего “Талибана”»¹⁰⁴.

В Косово и в самой Албании стали активно действовать ячейки террористической сети «Аль-Каида», созданные лично Мохаммедом аз-Завахири — младшим братом одного из приближенных Усамы бен Ладена Аймана аз-Завахири, который еще в середине 1990-х гг. установил тесные связи с лидерами АОК¹⁰⁵.

Как предупреждал еще в середине 1990-х гг. президент Турецкого агентства международного сотрудничества в Анкаре У. Арик, нельзя говорить о создании на Балканах системы безопасности до тех пор, пока «решения, касающиеся национальных государств, могут приниматься и пересматриваться в одностороннем порядке»¹⁰⁶. Именно это и происходит в последние годы вокруг Албании и Косово. Очевидно также взаимосвязанное развитие дальнейших дезинтеграционных процессов в Боснии и Герцеговине и Косово. Это может вынудить ведущие мировые державы и международные институты отказаться от исповедуемой ими в последние годы, говоря словами профессора публичного права Университета в Приштине Э. Хасани, «политики, сфокусированной на государстве» (а не на территории). Подобная политика предусматривает решение проблем каждой из стран балканского региона изолированно друг от друга. Именно такой подход, в частности, лежал в основе Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, разработанного Европейским союзом и введенного в

действие в 1999 году ¹⁰⁷. И именно указанный подход, по мнению Э. Хасани, препятствует решению «албанского вопроса», ареал которого охватывает области Балканского полуострова, где «проживают албанцы», и некоторые из моделей урегулирования которого «в настоящее время еще не известны» ¹⁰⁸.

Сегодня есть все основания утверждать, что если мировому сообществу и удалось посредством всего комплекса доступных мер, включая военные, воспрепятствовать появлению на карте Балкан «Великой Сербии», то идея «Великой Албании» изначально и ошибочно не рассматривалась ведущими мировыми игроками в качестве реальной угрозы. Ныне же ситуация в этой сфере, похоже, выходит из-под контроля мирового сообщества. «Некоторым албанским националистам еще только предстоит отказаться от тех вождельний, от которых уже отказались их соседи» — пишет М. Мазоувер ¹⁰⁹. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает российский исследователь П.А. Искендеров, «проблема создания на Балканах “Великой Албании” — государства, объединяющего территории с преобладающим албанским населением, — приобрела в последнее время не только теоретическое, но и практическое значение. Провозглашение в феврале 2008 г. в одностороннем порядке независимости Косово вновь, как и столетие назад, поставило вопрос о пересмотре всей системы балканского геополитического пространства, сделав уязвимыми границы государств региона. Не только в Косово, но и в Албании, Македонии, Черногории, Греции появляются все новые политические партии и движения, которые выступают за проведение новых “разменов территорий”. Это делается для того, чтобы границы “этнической” Албании максимально приблизить к местам проживания албанцев» ¹¹⁰. С другой стороны, многие эксперты выражают обоснованные сомнения, что в настоящее время у Албании имеются реальные возможности для того, чтобы выступить в роли своеобразного албанского «Пьемонта». Как указывает, в частности, германский публицист В. Майер, «Албания по-прежнему пребывает в хаосе, что создает для ее соседей проблемы в плане иммиграции и распространения мафиозных структур, но в настоящее время западное сообщество мало что может сделать в самой Албании. Здесь, пожалуй, проявляется также и исторически слабо развитая у албанцев гражданственность. Во всяком случае, в нынешних обстоятельствах Тирана вряд ли может стать выразителем или хотя бы точкой кристаллизации всех албанцев» ¹¹¹. Скорее стоит согласиться с теми учеными-балканистами, кто считает, что «идеи создания “Великой” или “этнической” Албании существуют независимо от заявлений, предостережений и опасений официальной Тираны» ¹¹².

Косово хорошо вписывается в новые модели и структуры так называемой «геометрии регионализма», которые в последние годы становятся одним из наиболее актуальных и перспективных направлений научного анализа. Один из ведущих российских исследователей данной темы А.С. Макарычев формулирует в этой связи весьма нетривиальную мысль о том, что в современном мире «значение и роль границ определяются не столько географическими категориями, сколько такими размытыми признаками, как “чувство принадлежности”, приверженность определенным добровольно разделяемым нормам» ¹¹³. Эксперт датского Института политических наук при Университете Копенгагена Б.-Х. Йоргенсен более кратко трактует границы как своеобразные «маркеры идентичности» ¹¹⁴.

Следует учитывать и усиливающееся действие еще двух факторов, напрямую относящихся к теме нашего исследования. Президент Международного института имени Жака Маритэна У. Свит относит к ним «сдвиг в сторону Realpolitik», «исключающей из публичной сферы мораль», а также укрепляющийся на Балканах «новый национализм». Этот национализм, по словам Свита, «угрожает “зачистить” и вычеркнуть этнические различия и навязать монолитную социальную сцепку» ¹¹⁵. Как показывает анализ внешней политики Албании в конце XX — начале XXI в., все эти факторы в значительной мере присутствуют и ей.

1. Цит. по: СМИРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 352.
2. Там же, с. 353.
3. Краткая история Албании. М. 1992, с. 455.
4. Там же, с. 499.
5. Там же, с. 455—456.
6. Там же, с. 456.
7. BLEJER M., MECAGNI M., SAHAY R., HIDES R., JOHNSTON B., NAGY P., PEPPER R. Albania: From Isolation Toward Reform. Washington. 1992, p. 3.
8. СМИРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 372.
9. Там же, с. 375.
10. Подробнее см.: KRASNIQI A. The End of Albania's Siberia. Tirana. 1998.
11. Waal de C. Albania Today: A Portrait of Post-Communist Turbulence. L.-N.Y. 2005, p. 10.
12. HAMZA G. Emerging Constitutionalism in Central and Eastern Europe and Freedom of Religion. Notes et documents. 2007, Janvier — Avril, p. 10.
13. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/084/15/PDF/N9708415.pdf?OpenElement>.
14. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/084/39/PDF/N9708439.pdf?OpenElement>.
15. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N97/853/23/PDF/N9785323.pdf?OpenElement>.
16. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/166/46/PDF/N9716646.pdf?OpenElement>.
17. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N97/856/99/PDF/N9785699.pdf?OpenElement>.
18. BOGDANI M., LOUGHLIN J. Albania and the European Union. L.-N.Y. 2007, p. 241.
19. URL: http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/features/setimes/breakingnews/2011/01/21/nb-00.
20. URL: <http://euobserver.com/news/31686>.
21. URL: <http://euobserver.com/news/31237>.
22. CAVA LA G., NANETTI R. Albania: Filling the Vulnerability Gap. Washington. 2000, p. V.
23. Le Soir. 24.02.2010.
24. Ibid., 26.02.2010.
25. Danas. 21.10.2010.
26. Medunarodna konferencija «Democratization and Europeanization in the Western Balkans». — Migracijske i etničke teme. Zagreb. 2010, № 3, S. 329—331.
27. Forbes. 11.09.2008.
28. URL: <http://euobserver.com/enlargement/29001>.
29. URL: http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/newsbriefs/setimes/newsbriefs/2010/04/15/nb-07.
30. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/ukraine/press_corner/all_news/news/2010/2010_11_10_01_en.htm.
31. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/al_conclusions_2012_en.pdf.
32. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-763_en.pdf.
33. URL: <http://euobserver.com/news/31686>.
34. URL: <http://www.osce.org/odihr/elections/103068>.
35. URL: <http://www.punetejashtme.gov.al/en/mission/priorities>.
36. СМИРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 379, 411.
37. The New York Times. 12.VII.1982.
38. Цит. по: VICKERS M. The Albanians. A Modern History. L.-N.Y. 1995, p. 230.
39. СМИРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 379.
40. ИСКЕНДЕРОВ П.А. История Косово в прицеле дискуссий. — Вопросы истории. 2010, № 3, с. 38.
41. VICKERS M. Op. cit., p. 46.
42. ИВАНОВА Ю.В. Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15—22 марта 1999 года. СПб. 1999, с. 24.
43. ГУСЬКОВА Е.Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе. Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия-Балканы-Поволжье. Самара. 2008, с. 440.
44. VICKERS M., PETTIFER J. Albania: From Anarchy to a Balkan Identity. L. 1999, p. 107.
45. NIBLOCK T., NONNEMAN G., SZAJKOWSKI B. Muslim Communities in the New Europe. Garnet Publishing Limited. Berkshire. 1997, p. 146.
46. ЈЕВТИЋ М. Савремени сихал као рат. Београд. 2001, с. 333.
47. RÉTI GY. Albánia sorsfordulói. Budapest. 2000, ol. 303.
48. META B. Shqipëria dhe Greqia 1949—1990: Paqja e vështirë. Tiranë. 2012, f. 99.
49. META B. Tensioni greko-shqiptar 1939—1949. Tiranë. 2007, f. 87.
50. Цит. по: СМИРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 400.
51. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/59b0da28e0f7258843256dab0050211?OpenDocument>.

52. ИСКЕНДЕРОВ П.А. «Великая Албания»: теория и практика. — Вопросы истории. 2012, № 1, с. 43.
53. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. I. (1878—1997 гг.). М. 2006, с. 232, 237.
54. The View from Tiirana. The Albanian Dimention of the Kosovo Crisis. — ICG Balkans. № 36, 10 July 1998, p. I.
55. VICKERS M. Op. cit., p. 236.
56. ЧЕРТИНА З.С. Первая мировая война и этничность: пробуждение вулкана. В кн.: Первая мировая война: пролог XX века. М. 1998, с. 367.
57. ERIKSEN T.H. Ethnicity and Nationalism. L. 2002, p. 99.
58. МИЛЁ П. «Великая Албания»: фикция или реальность? Албанский фактор кризиса на Балканах. М. 2003, с. 150.
59. УЛУНЯН АР.А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. М. 1998, с. 78.
60. МАРТЫНОВА М.Ю. Косовский узел: этнический фактор. Институт этнологии и антропологии РАН. — Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 204, 2008, с. 3—4.
61. НИКИФОРОВ К.В. Сербия на Балканах. XX век. М. 2012, с. 138.
62. МАРЬИНА В.В., ЯЖБОРОВСКАЯ И.С. Гулкое эхо прошлого. Послесловие. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М. 2004, с. 510.
63. КУЛАГИН В.М. Международная безопасность. М. 2007, с. 233.
64. Platform for the Solution of the National Albanian Question, Albanian Academy of Sciences. Tirana. 1998, p. 5.
65. МИХАЙЛОВИЋ К., КРЕСТИЋ В. «Меморандум САНУ». Одговори на критике. Београд. 1995, с.133—136.
66. Цит.по: CANI B., MILIVOJEVIĆ С. Космет или Kosova. Beograd. 1996, с. 253—261.
67. ELSIE R. Historical Dictionary of Kosova. Lanham-Maryland. 2004, p. 2.
68. CASTELLAN G. L'Albanie. Paris. 1980, p. 19.
69. Kosovo's Status: Difficult Months Ahead. International Crisis Group Policy Briefing. Prishtina-Brussels. 20.XII.2006, p. 8.
70. БАТАКОВИЋ Д. Косово и Метохија. Историја и идеологија. Београд-Ваљево-Србинје. 1998, с. 155.
71. HADRI A. Narodnooslpbodilački pokret na Kosovu. 1941—1945. Beograd. 1973, S. 282—284.
72. PETRANOVIĆ B., ZEČEVIĆ M. Jugoslavija 1918—1984. Beograd. 1985, S. 412—413.
73. BRUBAKER R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Questions in the New Europe. N.Y. 1996, p. 4.
74. 100 години Илинден 1903—2003. Прилози од научниот собир одржан на 6-8 мај 2003. Т. I. Скопје. 2005, с. 14.
75. Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana-Brussels. 2004, p. 2.
76. UNDP: Early Warning Report. 2007, March, p. 16.
77. КУРЯК Е. Косовский бумеранг. В кн.: Косовская мина в Европе? М. 2006, с. 10.
78. URL: <http://www.balkan-monitor.eu>.
79. Ibid.
80. JAKUPI A. Two Albanian States and National Unification. Prishtina. 2004, p. 47.
81. Pan-Albanianism: How Big a Threat..., p. 3.
82. Цит.по: Албанский узел. М.-Л. 1925, с. 63.
83. ГУСЬКОВА Е.Ю. Албанский фактор кризиса в бывшей Югославии. Политика двойных стандартов международных организаций. — Аналитические записки. 2006, июнь, № 18, с. 90.
84. VICKERS M., PETTIFER J. Op. cit., p. 210.
85. Pan-Albanianism: How Big a Threat..., p. 31.
86. ИСКЕНДЕРОВ П.А. Косово: исторические, военно-политические и международно-правовые аспекты проблемы. — Международная жизнь. 2011, октябрь, с. 32.
87. Reuters News Bulletin. 13.IV.2001.
88. The Albanian Daily News Bulletin. 05.01.2013.
89. Vujku. 19.12.1992.
90. Illyria. 3.II.1993, p. 5.
91. VICKERS M., PETTIFER J. Op. cit., p. 160.
92. URL: <http://www.km.gov.al/skedaret/1231927768-Constitution%20of%20the%20Republic%20of%20Albania.pdf>.
93. URL: <http://albania-news.ru>.
94. JUDAH T. Kosovo: War and Revenge. New Haven-London. 2002, p. 96.
95. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. I. (1878—1997 гг.). М. 2006, с. 35.
96. Там же, с. 30.

97. MILO P. «Greater Albania» — Between Fiction and Reality. Tirana. 2001, p. 45.
98. ЗАДОХИН А.Г., НИЗОВСКИЙ А.Ю. Пороховой погреб Европы. М. 2000, с. 330.
99. ГУСЬКОВА Е.Ю. Албанское сепаратистское движение в Косове. В кн.: Албанский фактор кризиса на Балканах. М. 2003, с. 29.
100. ДИМИТРИЈЕВИЋ Б. Преглед дејстава арнаутске гериле 1998—1999. Косово и Метохија у великоалбанским плановима: 1878—2000. Београд. 2001, с. 236.
101. ДРЕЦУН М. Други косовски бој. Ветерник. 2001, с. 19.
102. Kosovo's Long Hot Summer. International Crisis Group Report. Pristina-Sarajevo. 1998, p. 3.
103. ГИОКА С. Албанија как фактор стабилности и развоја у Балканском региону. Албанија, албанци и русијско-албански односи. К 100-летију независности Албаније: 1912—2012. М. 2012, с. 19—21.
104. ХОМСКИЙ Н. Гегемонија или борба за выживание: стремление США к мировому господству. М. 2007, с. 92.
105. РАЙТ Л. Аль-Каида. М. 2010, с. 380.
106. ARIK U. Turkey and the International Security System in the 21st Century — Eurasian Studies. Winter 1995/96, № 4, p. 5.
107. HASANI E. The Solution of the Albanian Question as a Precondition for Fruitful Cooperation in the Balkans. — Connections. Vol. II, № 2, June 2003, p. 47.
108. Ibid., p. 46.
109. MAZOWER M. Op. cit., p. 134—135.
110. ИСКЕНДЕРОВ П.А. «Великая Албания»: теория и практика. — Вопросы истории. 2012, № 1, с. 31.
111. International Politik. Bonn. 2001, Jg. 56, S. 11.
112. ИСКЕНДЕРОВ П.А. Албанија и кризи на постјугославском простору. Албански фактор кризиса на Балканах. М. 2003, с. 131.
113. МАКАРЫЧЕВ А.С. «Игры понятий»: новая «геометрия регионализма» в европейском контексте. — Международные процессы. 2003, сентябрь-декабрь, с. 70.
114. JORGENSEN V.H. Building European Cross-border Co-operation Structures. Institute of Political Science, University of Copenhagen. 1998. November, p. 19.
115. Notes et documents. Institut International Jacques Maritain. 2011. Janvier-Avril, p. 9.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Петр Иванович Смирнов-Светловский

С.С. Близниченко, С.Е. Лазарев

В ряду крупных советских военачальников выделяется фигура флагмана флота 2-го ранга адмирала П.И. Смирнова-Светловского. Начиная с первых лет советской власти, этот флотоводец занимал высокие посты в Рабоче-Крестьянском Красном флоте, в том числе, возглавлял Морские силы Черноморского флота, был первым заместителем и исполнявшим должность Народного комиссара Военно-Морского флота. Однако, несмотря на заслуги и высокие посты, в 1939 г. П.И. Смирнова-Светловского необоснованно репрессировали, и имя его на долгие годы оказалось вычеркнуто из истории.

Лишь в последние годы советской власти краткие биографические справки о Петре Ивановиче появились в специализированных справочных изданиях¹. В 1990-е — 2000-е гг. имя флотоводца стало упоминаться в трудах военных историков². Поскольку в распоряжении исследователей оказались ранее засекреченные архивные документы, настало время познакомиться с биографией флотоводца широкую общественность и пролить свет на обстоятельства его гибели.

Петр Иванович Смирнов родился 1 (14) августа 1897 г. в местечке Сулин на Дону в семье земского врача³. С 1900 г. семья Смирновых жила в г. Новочеркасске, где приняла участие в Первой российской революции (1905—1907 гг.). На квартире у них проводились нелегальные собрания, в которых принимали участие отец Петра — Иван Алексеевич Смирнов и две его тетки, сестры — Мария и Анастасия. За активное участие в подпольной работе тетки Петра Смирнова были арестованы и высланы в отдаленные районы Российской империи на поселение, с постоянным надзором полиции.

Свою революционную подпольную работу П.И. Смирнов начал в период обучения в гимназии в Новочеркасске. В 1913 г. в стенах этого учебного заведения он возглавил кружок Российской социал-демократической рабочей партии, а в 1914 г. вступил в партию большевиков⁴. В 1915 г. на шапирографе Смирнов отпечатал Циммервальдский манифест⁵ и переправил его своим товарищам в Ростов-на-Дону. С тех пор в партийных кругах за ним прочно утвердилась репутация «надежного товарища».

Близниченко Сергей Сергеевич — кандидат технических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета. Краснодар; *Лазарев Сергей Евгеньевич* — кандидат исторических наук. Орловская область.

В 1916 г. Петр Смирнов окончил гимназию и поступил в Петроградский политехнический институт Императора Петра I⁶. Там он познакомился с известным большевистским организатором Н.Г. Толмачёвым и через него связался со столичными подпольными организациями. В дальнейшем Смирнов принимал активное участие в работе Петроградской организации Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), проявив себя талантливым агитатором и хорошим организатором.

После Февральской революции 1917 г. Петербургский комитет СДРП направил Петра Ивановича в числе «наиболее закаленных и сильных товарищей» (С.Г. Рошаль, Б.А. Жемчужин и др.) в Кронштадт, чтобы наладить там работу местной партийной организации. Смирнов отлично справился с возложенными на него обязанностями. При помощи флотских большевиков он за короткое время создал и вошел в состав первого в Кронштадте легального городского комитета партии. Вместе с Жемчужиным он организовал выпуск ежедневной большевистской газеты «Голос правды», первый номер которой вышел 15 марта 1917 года⁷. Газета критиковала деятельность Временного правительства, призывала к сплочению под знаменами большевистской партии кронштадтских рабочих, солдат и матросов, печатала статьи В.И. Ленина и его соратников.

После того, как двоевластие окончилось, и правительство А.Ф. Керенского стало открыто применять репрессии против большевиков, Петр Иванович вместе с кронштадтским большевиком Д.Н. Кондаковым был вызван к Я.М. Свердлову⁸, от которого получил задание отпечатать в кронштадтских типографиях массовым тиражом брошюру Ленина «К лозунгам» и тайно доставить тираж в Петроград. Задание было выполнено, уже через несколько дней питерские рабочие и солдаты гарнизона читали ленинскую брошюру⁹.

Когда в ходе июльских событий 1917 г. Временное правительство закрыло «Голос правды», Смирнов стал редактором выходившей в Кронштадте газеты «Пролетарское дело». Свои статьи он подписывал псевдонимом «Светловский». Позднее Петр Иванович стал писать свою фамилию как «Смирнов-Светловский», под нею он и вошел в историю Советского Военно-Морского Флота.

Смирнов-Светловский являлся комиссаром одного из матросских отрядов, затем начальником штаба и помощником командира Кронштадтского сводного отряда моряков (численностью до 7 тыс. чел.), сыгравшего большую роль в победе вооруженного восстания в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 года¹⁰.

После установления советской власти в Петрограде Петр Иванович возвратился к своей прежней работе в Кронштадтском Совете рабочих и солдатских депутатов. Он руководил отправкой кронштадтцев на фронт для борьбы против контрреволюционных войск А.Ф. Керенского — П.Н. Краснова.

Но в феврале 1918 г. в связи с обострением обстановки на германском фронте Смирнов-Светловский был направлен под Псков комиссаром минно-подрывного отряда моряков, воевавших с наступающими на Петроград немцами. После заключения Брестского мира (3 марта 1918 г.) Смирнов-Светловский опять возвратился в Кронштадт, где заведовал агитационно-издательским отделом Совета и редактировал «Известия Кронштадтского Совета»¹¹.

Участие в гражданской войне позволило раскрыться военным талантам Смирнова-Светловского. 6 июля 1918 г., в разгар эсеровского мятежа в Москве, он был командирован на Восточный фронт для подпольной работы в тылу белых армий. Однако по прибытии в Нижний Новгород Петр Иванович неожиданно для себя был назначен начальником штаба формирующейся Волжской военной флотилии¹². В этой должности он 5—10 сентября 1918 г. принял участие во взятии Казани. В связи с прекращением навигации на Волге, 18 сентября 1918 г. Смирнов-Светловский перешел в 5-ю Особую отдельную армию Восточного фронта, где командовал конным отрядом, действовавшим в

тылу у белых. По заданию Реввоенсовета армии он вместе с помощниками взорвал несколько вражеских мостов ¹³.

В конце декабря 1918 г. Смирнов-Светловский возвратился в Кронштадт, где был назначен комиссаром и председателем Ревтрибунала Кронштадтской крепости ¹⁴. Кроме выполнения своих прямых обязанностей, в это время он активно участвовал в организации отражения весеннего наступления войск Н.Н. Юденича на Петроград (1919 г.), формируя для этого маршевые роты моряков.

Наступление Колчака на Восточном фронте весной 1919 г. потребовало срочного ввода в действие Волжской военной флотилии. Ее бывший командующий Ф.Ф. Раскольников находился в это время в английском плену. Поэтому 17 апреля 1919 г. Реввоенсовет Республики, учитывая боевой опыт Смирнова-Светловского и его предыдущую службу в должности начальника штаба Волжской военной флотилии, назначил Петра Ивановича командующим и комиссаром этого соединения ¹⁵. За короткое время он сумел привести флотилию в боевое состояние после зимнего перерыва. И уже в мае 1919 г. под его непосредственным руководством были проведены успешные боевые операции по разгрому колчаковских войск. В одной из них у деревни Котловка (Граховский район Удмуртии, р. Яга) с кораблей флотилии был высажен десант моряков под командованием И.К. Кожанова, который своими внезапными действиями способствовал быстрому продвижению советских войск на стратегически важном направлении ¹⁶. Стоит только удивляться поразительной энергии и способностям Смирнова-Светловского, проявленным им в этих боях. Не имея к тому времени никакого военного, а тем более морского образования, он чрезвычайно умело командовал Волжской флотилией ¹⁷.

В июле 1919 г. из английского плена вернулся Раскольников. Реввоенсовет Республики счел нужным назначить его на прежнюю должность, а Смирнова-Светловского перебросил на Южный фронт. 22 августа он стал командующим Днепровской военной флотилией и одновременно членом Реввоенсовета Гомельского укрепленного района ¹⁸.

Под командованием Смирнова-Светловского Днепровская флотилия провела ряд успешных боевых операций против петлюровцев, деникинцев и поляков. Одним из примеров боевого мастерства является знаменитый «Лоевский прорыв» — прорыв канонерок Днепровской военной флотилии через укрепленный район польских войск на Днепре возле г. Лоева, осуществленный 28 мая — 2 июня 1920 года ¹⁹. По итогам этой операции корабли флотилии были удостоены правительственных наград. Сам командующий был награжден орденом Красного Знамени РСФСР ²⁰.

Когда в августе 1920 г., захватив Северную Таврию, Донбассу стали угрожать войска П.Н. Врангеля, для борьбы с «черным бароном» в составе Морских сил Черного и Азовского морей была сформирована Морская экспедиционная дивизия. Она стала одним из первых на Красном флоте соединений морской пехоты. Ее начдивом по совместительству был назначен командующий Днепровской военной флотилией Смирнов-Светловский ²¹. Дивизия отличилась в боях против врангелевских войск на Кубани и на подступах к базе Азовской флотилии — Мариуполю.

После окончания гражданской войны Петр Иванович получил, наконец, возможность продолжить свое образование, прерванное революционными событиями. С расформированием Днепровской флотилии 14 декабря 1920 г. он уехал в Петроград для возобновления учебы в Политехническом институте, где учился до весны 1922 г., находясь в резерве при Морском штабе Рабоче-Крестьянского Красного флота ²².

Восстановление функционирования Военно-морской академии в марте 1922 г. открыло перед Смирновым-Светловским перспективу получить высшее

военное образование. Петр Иванович успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен слушателем академии. В течение двух последующих лет он настойчиво учился в академии, постигая специфику морского дела, а также премудрости тактики и оперативного искусства. При этом ему и его однокурсникам все приходилось делать в условиях послевоенной разрухи, связанных с ней бытовых неудобств, нехватки продуктов питания. За успехи в учении Смирнов-Светловский 28 февраля 1923 г. был награжден серебряными часами Петроградского губернского исполкома²³. В академии Петр Иванович приобрел хорошую теоретическую военно-морскую подготовку, подкрепив ее не менее солидной мореходной практикой.

В июле — декабре 1924 г. в должности военного комиссара и старшего помощника командира сторожевого судна «Воровский» Петр Иванович совершил дальнее заграничное плавание из Архангельска во Владивосток. Вместе с ним на этом корабле прошли практику Н.В. Алякринский, З.А. Закупнев, Ю.А. Пантелеев, И.С. Юмашев и другие слушатели академии. Двое последних стали адмиралами и командующими флотами.

По завершению полукругосветной экспедиции Смирнову-Светловскому пришлось временно прервать обучение в академии. Он был назначен военным советником лидера китайской революции Сунь Ятсена. В течение нескольких месяцев Петр Иванович помогал Кантонскому правительству Китая и лично лидеру Гоминьдана обучать войска современным методам ведения боевых действий на суше и на море²⁴. Успешно выполнив свою миссию, в начале 1926 г. он возвратился в Петроград для завершения обучения в Военно-морской академии.

Так как учебный год в академии к тому времени заканчивался, Петру Ивановичу пришлось ожидать начала осеннего семестра следующего года. И чтобы не терять времени даром, он попросил предоставить ему возможность продолжить корабельную практику в любой должности. Командование Рабоче-Крестьянского Красного флота пошло ему навстречу. В марте 1926 г. Смирнов-Светловский был назначен помощником командира эскадренного миноносца «Энгельс»²⁵.

Осенью 1926 г. Смирнов-Светловский приступил к занятиям на выпускном курсе Военно-морской академии. Курс оказался особенно напряженным²⁶. Но, несмотря на явную перегрузку учебного плана, все слушатели последнего курса академии успешно завершили теоретическую подготовку.

24 июня 1927 г. состоялась защита дипломной работы Смирнова-Светловского на тему, связанную с применением речных сил (по опыту гражданской войны). Члены Государственной экзаменационной комиссии высоко оценили его разработку и поздравили Петра Ивановича с успешным окончанием академии. По приказу Народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова 16 выпускников Военно-морской академии отправились на годичную стажировку. Некоторые из них заняли высокие должности, например, И.М. Лудри был назначен начальником Береговой обороны Морских сил Черного моря, а И.К. Кожанов — военно-морским атташе в Японии²⁷.

Как один из наиболее подготовленных выпускников академии, Смирнов-Светловский вступил в командование эсминцем «Энгельс»²⁸. В течение двух лет он успешно управлял этим кораблем в составе соединения эсминцев Морских сил Балтийского моря. 22 февраля 1928 г. Центральный Комитет Украины «за заслуги в гражданской войне» наградил Смирнова-Светловского револьвером «Lignose». В 1929 г. он был назначен командиром 1-го дивизиона эсминцев Морских сил Балтийского моря²⁹. В этой должности он дважды посетил Германию.

В соответствии с планом развития контактов между Военно-Морскими силами Рабоче-Крестьянской Красной армии и германскими Военно-морскими

ми силами (Рейхсмарине) 24 февраля 1930 г. в г. Берлин прибыла официальная советская делегация Военно-Морских сил Рабоче-Крестьянской Красной армии в составе командующего Морскими силами Черного моря В.М. Орлова, командира 1-го дивизиона эсминцев Морских сил Балтийского моря Смирнова-Светловского, председателя военно-морской секции Военно-научного общества при Реввоенсовете А.И. Берга, его заместителя П.Ю. Ораса и председателя артиллеристской секции Военно-научного общества А.В. Леонова. Программа пребывания носила преимущественно ознакомительный характер, но была насыщенной и помимо официальных встреч включала посещение ряда военно-морских объектов в Бремене, Вильгельмшафене, Дюссельдорфе, Гамбурге и Киле ³⁰. Несмотря на кратковременность и в отдельных случаях поверхностность ознакомления, делегации удалось осмотреть ряд интересных объектов германского флота и извлечь ценные практические данные. Однако, комиссия, вопреки своим ожиданиям, так и не смогла увидеть новые образцы береговой и зенитной артиллерии, а также подводные лодки, торпедные катера, мины и средства ведения химической войны.

В июле 1930 г. командованию Морских сил Балтийского моря во главе с М.В. Викторовым довелось встречать в Кронштадте делегацию Рейхсмарине, прибывшую в Советский Союз с ответным визитом. Среди встречавших находился и командир 1-го дивизиона эсминцев Морских сил Балтийского моря Смирнов-Светловский.

Делегация германских Военно-Морских сил прибыла в следующем составе: контр-адмирал Ф. Брутцер, начальник морских вооружений капитан 1-го ранга К. Витцель, эксперт по морской авиации капитан 3-го ранга Х. Зибург и капитан 3-го ранга Р. Бонин. По заявлению немецкого адмирала, главная цель его поездки состояла в том, чтобы «получить четкое представление о достигнутых успехах, уровне боевой подготовки и дисциплине российского флота» ³¹. Особый интерес был проявлен к участию в учебном боевом походе Морских сил Балтийского моря и ознакомлению с объектами морской авиации на Балтике и Черном море. Немецкая делегация находилась в Советском Союзе до середины августа и за это время посетила корабли и учреждения Морских сил Балтийского и Черного морей ³². Смирнов-Светловский находился среди лиц, сопровождавших делегацию.

В дальнейшем контакты командования Военно-морских сил Рабоче-Крестьянской Красной армии с Рейхсмарине были свернуты. О причинах утраты интереса немецкой стороны к советскому флоту можно судить по справке, в которой немецкой делегацией давалась негативная оценка Красному флоту. Контр-адмирал Ф. Брутцер писал: «Из-за неопытности личного состава и в целом недостаточно современной техники в настоящее время военная значимость российского флота не может быть оценена достаточно высоко» ³³.

Опыт международных контактов пригодился Петру Ивановичу в дальнейшей работе в центральном аппарате Управления Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии, куда он был переведен осенью 1930 г. и сильно навредил позже, во время развертывания массовых репрессий, когда Смирнов-Светловский был обвинен в связях с германской разведкой.

В октябре 1930 г. Смирнов-Светловский был назначен инспектором Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии. Он активно участвовал в проведении маневров и учений флотов и флотилий на Балтике, Черном и Каспийском морях, на Дальнем Востоке. Однако 15 июня 1931 г. в связи с назначением на должность начальника Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии В.М. Орлова, Реввоенсовет Советского Союза решил перевести на должность инспектора Морских Сил Р.А. Муклевича. П.И. Смирнов-Светловский был зачислен в распоряжение Реввоенсовета Советского Союза ³⁴. В

конец концов, ему предложили стать заместителем Муклевича. После некоторого раздумья Петр Иванович согласился, при этом его самолюбие, конечно, пострадало.

9 декабря 1931 г. Смирнов-Светловский стал заместителем инспектора Военно-Морских сил Рабоче-Крестьянской Красной армии³⁵. И сразу же после назначения на эту должность Реввоенсовет поручил ему ответственную дипломатическую миссию. С 26 января по 28 июля 1932 г. он был старшим морским экспертом советской правительственной делегации на Женевских переговорах по разоружению³⁶. Там он вместе с другими советскими дипломатами с успехом отстаивал интересы Советского Союза в области морских вооружений. Делегации удалось добиться равноправных отношений с ведущими державами мира в этом вопросе.

После возвращения из Женевы Петр Иванович в должности заместителя инспектора Военно-Морских сил многократно участвовал в маневрах и учениях флотских оперативных объединений на всех океанах и морях, омывающих нашу страну. Особое внимание он уделял вновь образованным Морским силам на Тихом и Северном Ледовитом океанах. Поездки в Заполярье и на Дальний Восток занимали большую часть его служебного времени.

С 14 января по 5 ноября 1934 г. Смирнов-Светловский руководил экспедицией на ледоколе «Красин» по спасению челюскинцев и снятию зимовщиков с острова Врангеля. Эта миссия была им успешно осуществлена. 14 марта 1934 г., в самый разгар работ в Заполярье, Смирнов-Светловский был назначен инспектором Управления Военно-Морских сил Рабоче-Крестьянской Красной армии³⁷, а постановлением Центрального исполнительного комитета Советского Союза от 15 июня 1934 г. «за выдающееся участие в организации и проведении спасения челюскинцев и сохранение научных материалов экспедиции» он был награжден орденом Красной Звезды³⁸.

В знак признания его заслуг на посту инспектора Управления Военно-Морских Сил, 2 декабря 1935 г. Петру Ивановичу было присвоено звание флагмана 2-го ранга³⁹, которое соответствует современному званию «контр-адмирал».

После раскрытия органами Народного комиссариата внутренних дел в 1937 г. «заговора Тухачевского» начались массовые политические репрессии в армии и на флоте. Этот процесс активно обсуждался на различных военных собраниях и совещаниях. 9—10 июня 1937 г. состоялся актив Центрального аппарата Народного комиссариата обороны Советского Союза, на котором, в числе прочих, выступил и Смирнов-Светловский. Его слова были записаны в стенограмме этого совещания:

«Товарищ Народный комиссар! Ответственность за тот позор, который лег на наши головы в связи с тем заговором, который открыт против советской власти, я лично и работники моей инспекции разделяем. Мы с полным сознанием понимаем тот ответственный момент и то ответственное положение, в которое попала наша армия. Мы понимаем, что мы — работники Инспекции Морских Сил, я, в частности, руководитель ее, во многом виноваты, что не сумели вовремя раскрыть то, что, по сути, могли бы раскрыть. Позор ложится и на меня, в частности, еще тем более, что я имел личное знакомство с врагом народа Муклевичем (бывший заместитель Народного комиссара оборонной промышленности, арестован 28 мая 1937 г. по обвинению во «вредительстве» и участии в «заговоре», приговорен к смертной казни. — С.Б., С.Л.), и мало сказать, конечно, сейчас, что мы крепки задним умом, что мы не видели ничего...

Думаю, что у меня и у других, в связи с тем, что негодяи на наших глазах навлекли на нашу армию позор, что у нас от этого не уныние должно рождаться, а, наоборот, воля к работе, кипучая воля к работе, чтобы мы совей работой

могли исправить ошибки, которые допускали до сих пор»⁴⁰. После этого собрания были репрессированы некоторые подчиненные Смирнова-Светловского.

В начале августа 1937 г. инспектор Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии принял участие в испытаниях первых катеров на воздушной подушке. В Копорском заливе Балтийского моря он испытывал в морских условиях опытный образец катера «Л—5», выявляя технические и тактические возможности принципиально нового судна, вырабатывал рекомендации по его дальнейшему использованию на Военно-Морском флоте⁴¹.

15 августа 1937 г. Смирнов-Светловский был назначен командующим Черноморским флотом, одновременно приказом Народного комиссара обороны от 15 августа 1937 года № 3090/п ему было присвоено воинское звание «флагман 1-го ранга», что соответствует нынешнему званию «вице-адмирал»⁴².

На посту командующего Черноморским флотом он сменил другого заслуженного флагмана флота 2-го ранга И.К. Кожанова, который вскоре был репрессирован. Их дружба имела глубокие корни: вместе они служили в Волжской военной флотилии в годы гражданской войны, вместе в 1920-е гг. учились в Военно-морской академии в Ленинграде.

Принимая дела у Кожанова, Смирнов-Светловский еще не знал, что его черед настанет через полтора года. В то время Петр Иванович придерживался общей установки партии и правительства в отношении искоренения «врагов народа». Начальник Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной армии армейский комиссар 2-го ранга Смирнов, с которым Смирнову-Светловскому вместе придется работать в Москве, так описал создавшуюся тогда ситуацию с арестами в Севастополе на Всеармейском совещании политработников в августе 1937 г.: «Вот, в Черноморском флоте уволено 300 человек. Спрашиваем, а сколько вы вызывали? Оказывается, из 300 человек вызывали только 10 человек, обо всех остальных вопрос решают на бумаге»⁴³.

Как бы вторя ему, в своем выступлении на заседании Военного совета при Народном комиссаре обороны в декабре 1937 г., командующий флотом Смирнов-Светловский сказал следующее: «Товарищи, к выкорчевыванию врагов на Черноморском флоте и выполнению задач по боевой подготовке мы приступили в несколько особых условиях. Во-первых, враги народа до нашего прибытия сюда уволили 366 человек, из которых 119 человек подали жалобы. Это послужило указанием для проверки этого увольнения».

Из детального просмотра материалов, вызова, личных бесед мы увидели ряд неправильных увольнений. Мы рассмотрели предварительно около 90 жалоб. 22 жалобы нашли основательными и выдвинули ходатайство перед народным комиссаром о возвращении их в армию.

Согласно проверке личного состава мы уже представили к увольнению еще 57 человек. Таким образом, уволенных во флоте 423 человека, из коих 118 арестовано органами Народного комиссариата внутренних дел...

Особенно нужно отметить вопросы подводного плавания Черноморского флота. Мы имели в этом году свыше двух десятков, так называемых принятых подводных лодок. Однако в середине кампании действующих лодок подводных было только четыре, остальные подводные лодки были в ремонте. Враги народа всю систему ремонта подвели так, что в самый разгар кампании корабли постоянно находились на ремонте: то у них не действует батарея, то у них не действуют дизеля, то у них не действуют еще какие-нибудь механизмы. Мы поставили перед заводом и перед своими мастерскими задачу — как можно скорее привести в порядок наши подводные лодки. Мы поставили перед командованием бригады конкретную задачу по отработке и переходу к решению боевых задач, ибо мы видели топтание на месте. Люди искали малейшего повода, цеплялись за малейший недостаток, чтобы не выйти в море, не идти, напри-

мер, на погружение. Мы потребовали ответа за такую безответственность в работе. Уже к началу отчетной операции мы имели 8 подводных лодок, которые могли принять участие в тактических упражнениях, а 10 октября — после демобилизации, после приема новых учеников, мы проверили боевую подготовку уже 11 подводных лодок, которые выполнили штатные задачи, каковые им были положены в этом году»⁴⁴.

Под «врагами народа» тогда Смирнов-Светловский подразумевал Кожанова, Г.И. Гугина и других представителей командно-начальствующего состава Черноморского флота.

Несмотря на все трудности, за короткое время Смирнов-Светловский смог наладить работу штаба Черноморского флота и боевую подготовку, нарушенную массовыми арестами военных моряков. Проведенные под его руководством осенние учения показали хороший уровень подготовки отдельных кораблей и соединений Черноморского флота.

19 декабря 1937 г. Смирнов-Светловский в числе 1143 чел. был избран депутатом первого созыва Верховного Совета от Крымской автономной советской социалистической республики⁴⁵.

30 декабря 1937 г. был образован Народный комиссариат Военно-Морского флота Советского Союза. С учетом многолетнего опыта работы Петра Ивановича в центральном аппарате Управления Военно-Морских сил уже 15 января 1938 г. он был назначен первым заместителем Народного комиссара Военно-Морского флота с присвоением звания флагмана флота 2-го ранга (адмирала).

Народным комиссаром Военно-Морского флота Советского Союза назначили армейского комиссара 1-го ранга Петра Александровича Смирнова, освободив его от обязанностей заместителя Народного комиссара обороны и начальника Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной армии⁴⁶. Это назначение стало неожиданным для военных моряков. Например, начальник главного штаба Военно-Морского флота флагман флота 2-го ранга Галлер «как-то назвал первого наркома Военно-Морского Флота “марсианином”. Уж очень странные “неземные” подчас задавал он вопросы...»⁴⁷. Документы, однако, нарком подписывал исправно и благоразумно придерживался советов Галлера и других своих заместителей — флагмана флота 2-го ранга Смирнова-Светловского и флагмана 1-го ранга И.С. Исакова.

Так как Смирнов не имел военно-морского образования и выполнял политические и чисто административные функции управления, Смирнову-Светловскому пришлось фактически руководить повседневной деятельностью Народного комиссариата. Именно Петру Ивановичу поручили осуществить спасение полярников, находившихся на первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс». Его назначили руководителем экспедиции, которая на ледоколе «Красин» вышла в Гренландское море и пробилась к дрейфующей станции, чтобы снять отважных зимовщиков Э.Т. Кренкеля, И.Д. Папанина, Е.К. Федорова и П.П. Ширшова⁴⁸.

22 февраля 1938 г. Смирнова-Светловского за безупречную двадцатилетнюю службу наградили медалью «XX лет РККА».

Для укрепления авторитета и усиления влияния на рычаги управления Народным комиссариатом Военно-Морского флота, 8 апреля 1938 г. Смирнова-Светловского ввели в состав Главного Военного совета Военно-Морского флота⁴⁹. Вскоре он уже в полную силу руководил деятельностью управлений и отделов Народного комиссариата Военно-Морского флота, а также боевой учебной работой всех флотов и флотилий Советского Союза. Одновременно Петру Ивановичу приходилось с чувством настороженности наблюдать за продолжавшимися репрессиями в Центральном аппарате Народного комиссариата Военно-Морского флота, которые в начале лета 1938 г. дошли до самых верхов служебной лестницы.

Перед нами архивный документ:
«Постановление Политбюро ЦК ВКП (б)

22 июня 1938 г.

101. О «тов. Смирнове».

1. Удовлетворить просьбу тов. Смирнова (наркомвоенфлот) об отпуске его на юг на один месяц в один из курортов, куда укажет НКВД.

2. Обязать НКВД принять все меры к тому, чтобы со Смирновым не имели возможности связаться всякие подозрительные заговорщические элементы.

3. Проверку о т. Смирнове продолжать»⁵⁰.

Вскоре после этого, 30 июня 1938 г., первого Народного комиссара Военно-Морского флота Смирнова арестовали. Началось следствие по его делу. Некоторое время он пытался отстаивать свою невиновность, но следователи Народного комиссариата внутренних дел заставили Петра Александровича написать покаянное заявление на имя Н.И. Ежова, в котором фигурировали имена его соратников — «заговорщиков». Среди них Смирнов назвал и своего первого заместителя — флагмана флота 2-го ранга Смирнова-Светловского⁵¹. Однако Петра Ивановича тогда не арестовали. С 13 июня по 5 ноября 1938 г. он исполнял должность Народного комиссара Военно-Морского флота.

Одним из важных мероприятий в 1938 г. должны были стать осенние маневры Краснознаменного Балтийского флота на тему «Оборона главной базы с одновременным действием подводных лодок на коммуникациях противника и операциями надводного флота в море на значительном удалении от своих баз»⁵². Смирнов-Светловский был убежден в том, что главное внимание на маневрах «должно быть уделено развитию у командного и начальствующего состава гибкости оперативного мышления, смелости, решительности и спокойной уверенности, основанной на хорошем знании театра, вероятных противников, тактических приемов и техники»⁵³. Следовало также проверить реальность сроков оперативной и мобилизационной готовности Краснознаменного Балтийского флота и соответствие оперативных норм действительным потребностям. Силы сторон были определены таким образом: «красная» сторона — Краснознаменный Балтийский флот в составе на 1938 г.; «синяя» сторона — флоты государств-«лимитрофов», германская эскадра в составе двух линкоров типа «Ш», трех крейсеров типа «К», флотилии миноносцев и флотилии подводных лодок⁵⁴.

Однако работа по организации маневров внезапно была прервана «ввиду недостаточной подготовки флота в целом к проведению учебно-боевых операций в сложных условиях»⁵⁵. Вместо этого в период с 27 сентября по 1 октября 1938 г. было проведено большое отрядное учение, «ориентированное на тему маневров»⁵⁶.

Причиной внезапной отмены маневров стали результаты проверки боевой подготовки соединений, кораблей и частей Краснознаменного Балтийского флота, проведенной начальником Военно-морской инспекции Военно-Морского флота флагманом 2-го ранга К.О. Осиповым в период с 4 по 8 сентября 1938 года. В своем заключении Осипов констатировал, что «в целом Краснознаменный Балтийский флот недостаточно подготовлен к проведению предстоящих маневров»⁵⁷.

Инспектор перечислил наиболее крупные, на его взгляд, недостатки в боевой подготовке: «Почти на всех кораблях вахтенные командиры молодые, не отработаны, к несению самостоятельной ходовой вахты не допущены. Командиры кораблей, особенно малых кораблей — дивизион сторожевых кораблей, миноносцев, значительная часть командиров подлодок — подготовлены плохо, и особенно плохо командиры кораблей Отряда учебных кораблей — “Курсант”, “Ленинградсовет”, “Комсомолец”. Ни одно соединение не выпол-

нило полностью задач боевой подготовки 1938 года. Особенно большое отставание в области тактической подготовки. Совершенно недостаточна практика совместного плавания, как днем, так и ночью. Малые и большие отрядные учения проводились без достаточной предварительной подготовки отдельных соединений»⁵⁸.

По следам проверки Военно-морской инспекции 7 сентября 1938 г. вышел приказ исполнявшего должность Народного комиссара Военно-Морского флота Смирнова-Светловского, где он подверг резкой критике состояние боевой подготовки на Балтийском флоте, подчеркнув, что «несмотря на некоторые достижения в области подготовки одиночного корабля и огневой подготовки, имеется ряд крупных недочетов, которые в значительной мере снижают достигнутые успехи и боевую подготовку в целом»⁵⁹. Одним из основных недостатков в боевой подготовке флота являлось большое количество аварий и катастроф на кораблях и в частях морской авиации. Поскольку командный состав значительно омолодился в результате репрессий и перестановок, требовалось упорно работать над повышением уровня его оперативно-тактической подготовки⁶⁰.

За плохое руководство боевой подготовкой соединений, командиру бригады линкоров капитану 1-го ранга Н.Н. Несвицкому и командиру 1-й бригады подводных лодок флагману 2-го ранга Е.К. Самборскому было поставлено на вид⁶¹. Последний вскоре был арестован и провел под стражей несколько месяцев.

В период с 27 по 30 сентября 1938 г. Краснознаменным Балтийским флотом было проведено большое отрядное учение № 4 на тему «Расширение плацдарма действий Краснознаменного Балтийского флота и недопущение прохода в восточную часть Финского залива эскадры линейных кораблей противника днем». Оперативный фон учения был составлен в соответствии с указаниями первого заместителя наркома Военно-Морского флота флагмана флота 2-го ранга Смирнова-Светловского, которые, правда, были «сокращены вследствие недостаточной подготовки флота в целом (отставание тактической подготовки)»⁶².

Общий вывод по проведенному учению оказался, как и прежде, более чем сдержанным. Несмотря на стандартную оптимистическую формулировку «Краснознаменный Балтийский флот овладел методом сложного взаимодействия всех сил в ударе и в бою», тут же Смирновым-Светловским было указано, что оценка большого отрядного учения «может быть дана только удовлетворительная (на сегодня), так как практического овладения всеми тактическими приемами еще нет»⁶³. В качестве наиболее крупных недостатков были зафиксированы: неграмотные действия многих командиров надводных кораблей при сближении и организации боя с противником, слишком позднее и рискованное развертывание сил авиации, плохо отработанные приемы постановки дымовых завес, разворота и отхода надводными кораблями и т.д.⁶⁴

Таким образом, решающего прорыва в боевой и оперативно-тактической подготовке личного состава флота в 1938 г. достигнуто не было. Более того, наметился явный регресс, связанный напрямую с прокатившимися по флоту массовыми репрессиями. Аресты и увольнения командиров на флоте вызвали потребность в выдвижении большого количества молодых, неопытных офицеров на всех уровнях. Так что вполне логичным и неудивительным представляется общий вывод в итоговой части «Отчета по боевой подготовке Военно-Морского Флота СССР за 1938 г.», составленном Управлением Боевой подготовки Военно-Морского флота: «...Несмотря на некоторые достигнутые успехи, Военно-Морской Флот приказа Народного комиссара обороны Союза ССР № 0112 не выполнил, и Флот имеет еще очень много недочетов в боевой подготовке»⁶⁵.

8 сентября 1938 г. Народным комиссаром Военно-Морского флота неожиданно был назначен командарм 1-го ранга М.П. Фриновский, ранее служив-

ший заместителем Народного комиссара внутренних дел. Его первым заместителем был утвержден флагман флота 2-го ранга Смирнов-Светловский. Так как Фриновский сразу же после своего назначения на главный флотский пост отправился в двухмесячный отпуск, Петру Ивановичу по-прежнему приходилось готовить и осуществлять все основанные решения по управлению флотом.

Новый нарком Военно-Морского флота ничего не смыслил во флотских делах. Все вопросы и повседневного руководства, и по перспективным направлениям решали Галлер (начальник Главного Морского штаба), Смирнов-Светловский (первый замнаркома Военно-Морского Флота) и И.С. Исаков (замнаркома Военно-Морского флота по кораблестроению). У этих военно-морских специалистов был за плечами большой опыт командования различными соединениями кораблей, до флота включительно, а также значительный теоретический багаж знаний, приобретенный ими в стенах Военно-морской академии. Поэтому дела в морском ведомстве шли своим чередом, даже при таком руководителе, каким был Фриновский.

Смирнову-Светловскому пришлось разбираться и с кораблекрушением на Тихоокеанском флоте, в результате которого погиб эсминец «Решительный». Ответственным за переход недостроенного эсминца из одной базы в другую был командир 7-й морской бригады капитан 3 ранга С.Г. Горшков. Его действия контролировались командующим Тихоокеанским флотом флагманом 2-го ранга Н.Г. Кузнецовым. Катастрофа произошла из-за недостатка опыта у обоих. В результате разбирательства в Политбюро ЦК ВКП (б) с участием Народного комиссара Военно-Морского флота Фриновского и его заместителя Смирнова-Светловского, оба будущих главкома Военно-Морского флота были прощены. Но Горшкова перевели из Владивостока в Севастополь с понижением в должности.

Наступил 1939 год. Смирнов-Светловский продолжал фактически руководить всем флотом страны, так как Народный комиссар Военно-Морского флота Фриновский в основном выполнял представительские функции. 17 января 1939 г. Фриновский утвердил «План учебных мероприятий по оперативно-тактической подготовке на 1939 год»⁶⁶. Народным комиссаром Военно-Морского флота были намечены большие и малые отрядные учения Краснознаменного Балтийского флота.

22 марта 1939 г. первый заместитель Народного комиссара Смирнов-Светловский поручил командованию Краснознаменного Балтийского флота разработать оперативный план на 1939 год. При составлении этого оперативного плана руководству флота рекомендовано было исходить из предположения «одновременного выступления против СССР на Северо-Западном направлении объединенных сил Германии и Польши». По мнению Смирнова-Светловского, необходимо было также учитывать возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией и Латвией «длительность и устойчивость которого будет зависеть от политической обстановки и успехов первых операций Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота»⁶⁷.

Директивы Народного комиссара Военно-Морского флота пришлось выполнять уже новому командованию. 24 марта 1939 г. по указанию Генерального секретаря экстренно собрался Главный Военный совет Военно-Морского флота. Присутствовавший на заседании секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов (он курировал от Политбюро флот) сразу же огласил заранее заготовленный проект постановления, в котором говорилось:

«29 марта 1939 г. Главный Военный Совет Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота, заслушав сообщение члена Главного Военного Совета А.А. Жданова о положении в Наркомате Военно-Морского флота, счел необходимым:

1. Освобождение Наркома Военно-Морского флота т. Фриновского М.П. от занимаемой должности.

2. Считает своевременным перевод на другую работу 1-го заместителя Наркома Военно-Морского флота флагмана флота 2-го ранга т. Смирнова П.И.

3. Считает целесообразным назначение на должность 1-го заместителя Наркома Военно-Морского флота флагмана 2-го ранга т. Кузнецова Н.Г.»⁶⁸.

Фриновский на этом заседании уже не присутствовал — он «заболел». А 6 апреля 1939 г. на квартиру к нему пришли его бывшие коллеги с Лубянки с ордером на арест⁶⁹. Так внезапно оборвалась карьера могущественного «чистильщика» и «корчевателя» «врагов народа». Вместе с Народным комиссаром Военно-Морского флота репрессировали и его первого заместителя, флагмана флота 2-го ранга Смирнова-Светловского.

В мемуарах адмирала Флота Советского Союза Кузнецова есть свидетельство о последних днях пребывания Петра Ивановича на своем посту. Описывая свое назначение на должность первого заместителя Народного комиссара Военно-Морского флота, он вспоминал:

«...На следующее утро меня вызвали на экстренное заседание Главного Совета Военно-Морского флота. Повестку дня не сообщили. Заседание открыл П.И. Смирнов-Светловский и предоставил слово А.А. Жданову.

— Предлагаю обсудить, соответствует ли своей должности первый заместитель наркома Смирнов-Светловский, — объявил неожиданно Жданов.

Смирнов, сидевший на председательском месте, помрачнел и опустил голову. Прений не получилось. Опять слово взял Жданов.

— В Центральном комитете есть мнение, что руководство наркоматом следует обновить. Предлагается вместо Смирнова-Светловского первым заместителем наркома назначить товарища Кузнецова.

Жданов посмотрел в мою сторону. Повернулись ко мне и другие члены совета. Несколько голосов не очень уверенно поддержали предложение.

В этот же день мне был вручен красный пакет с постановлением о назначении на новую должность.

Смирнова-Светловского до того я почти совсем не знал. Видел лишь несколько раз, когда он в качестве инспектора приезжал на учения Черноморского флота, да раза два был у него на приеме. Я зашел к нему после заседания совета, и он стал меня расспрашивать о причинах своего смещения. Что было ему ответить? Я и сам знал не больше, чем он. Рассказал ему о ночном разговоре со Сталиным, где его имя даже не упоминалось.

Мы условились принимать и сдавать дела на другой день. На следующее утро, как было условлено, встретились. Поработали несколько часов и решили встретиться еще раз. Я думал, что передача займет три дня. Утром Петр Иванович в наркомат не пришел. Я ждал его час, два, три — так и не дождался. Мне просто вручили ключ от сейфа. Тогда только я понял смысл слов, сказанных накануне Сталиным, когда я по его приказанию позвонил по телефону. “Вы еще не приняли дела?” — спросил он. “Нет еще”. “Торопитесь, а то не успеете”, — сказал Сталин и повесил трубку»⁷⁰.

Смирнов-Светловский был арестован 26 марта 1939 года. Одним из оснований для ареста Петра Ивановича послужили показания его бывшего начальника — первого Народного комиссара Военно-Морского флота П.А. Смирнова, от которых последний позже отказался.

В середине января следующего года новый Народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия подал на рассмотрение членов комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) следующий документ:

«Опись 16.01.40 г.

Список арестованных (категория 1)...

67. Грибоедов Константин Николаевич...

86. Душенов Константин Иванович...

94. Ежов Николай Иванович...

274. Смирнов-Светловский Петр Иванович...

308. Фриновский Михаил Петрович...»⁷¹.

В этом списке, кроме бывшего командующего Северным флотом флагмана 1-го ранга К.И. Душенова, бывшего командира бригады подводных лодок Северного флота капитана 2-го ранга К.Н. Грибоедова и самого Смирнова-Светловского, числились и его бывший начальник по Народному комиссариату Военно-Морского флота Фриновский и бывший Народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов. На этом списке имеется резолюция «За» — И.В. Сталин. После этого список был направлен в судебный орган для рассмотрения по существу обвинения.

16 марта 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению бывшего первого заместителя наркома Военно-Морского Флота Смирнова-Светловского в участии в контрреволюционной организации (пункты 1 «б», 7 и 11 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР) и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу⁷². Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Останки флагмана были захоронены на Донском кладбище в Москве.

Одним из поводов для расстрельного приговора послужили различные справки о состоянии строительства баз флота, складов, учебных заведений, о строительстве торпедных катеров, о вооружении кораблей и т.п. Как показала дополнительная проверка 1956 г., «хотя, судя по этим справкам, усматривается наличие ряда недостатков в решении перечисленных вопросов, однако содержащиеся здесь данные не могут служить основанием для вывода о вредительстве со стороны Смирнова-Светловского»⁷³.

23 июня 1956 г. тот же судебный орган реабилитировал заслуженного советского флотоводца⁷⁴. Однако в течение многих десятилетий о Смирнове-Светловском лишь изредка упоминали различные печатные издания. И только теперь представилась возможность дать объемный портрет этого незаурядного военно-морского деятеля нашей страны.

Примечания

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 1987; Военно-морской словарь. М. 1990.
2. СУВЕНИРОВ О.Ф. 1937. Трагедия Красной армии. М. 2009; ЧЕРУШЕВ Н.С. Мартиролог РККА — Военно-исторический архив. 1998, № 2, с. 104; ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941. Биографический словарь. М. 2012, с. 37—39.
3. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.). — Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. Р-352, оп. 2, д. 209, л. 1.
4. Там же.
5. Циммервальдский манифест появился в результате международной конференции левых социалистов, состоявшейся 5—8 сентября 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд. Манифест содержал призывы начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов.
6. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.). РГА ВМФ, ф. Р-352, оп. 2, д. 209, л. 1.
7. РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. 1990, с. 51—52.
8. Свердлов Яков Михайлович (1885—1919 гг.) — член Российской социал-демократической рабочей партии с 1901 года. Участник Революции 1905—1907 гг. на Урале. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК. В апреле 1917 г. возглавлял создание Уральской областной партийной организации. После VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) — секретарь ЦК. Участник подготовки и проведения Октябрьского воору-

- женного восстания в Петрограде, член Партийного центра по руководству вооруженным восстанием, член Военно-революционного комитета. Председатель большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. С ноября 1917 г. — председатель ВЦИК.
9. РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф. Ук. соч., с. 62, 211.
 10. Там же, с. 244.
 11. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.), л. 1.
 12. Там же, л. 2.
 13. Гражданская война в СССР. Т. 1. М. 1980, с. 189.
 14. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.), л. 2.
 15. Там же.
 16. Десантная операция отряда Кожанова И.К. у дер. Котловки 24—25 мая 1919 года. Описание боевых действий. РГА ВМФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 219, л. 64.
 17. Советское военно-морское искусство. М. 1951, с. 100.
 18. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.), л. 2.
 19. Гражданская война в СССР: Материалы и документы. Л. 1939, ч. VII—VIII, с. 66.
 20. Послужной список слушателя Военно-морской академии П.И. Смирнова (1918—1927 гг.), л. 1.
 21. Там же, л. 2.
 22. Там же.
 23. Там же.
 24. Там же.
 25. Личное дело П.И. Смирнова. РГА ВМФ, ф. Р-2192, оп. 2, д. 5727, л. 3.
 26. ВАРГИН Н.Ф. Флагман флота Кожанов. М. 1980, с. 84—85.
 27. Приказ наркомвоенмора К.Е. Ворошилова № 91-лс от 27 июня 1927 года. РГА ВМФ, ф. 352, оп. 1, д. 532, л. 214.
 28. Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен Управлением кадров Управления Военно-Морскими Силами Рабоче-Крестьянской Красной армии. М. 1932, с. 19.
 29. Личное дело П.И. Смирнова, л. 2—3.
 30. Отчет руководителя делегации Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии В.М. Орлова о визите в Берлин 24—27 февраля 1930 года. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33987, оп. 39, д. 337, л. 22.
 31. ZEIDLER M. Reichswehr und Rote Arme 1920—1933. München. 1993, S. 244.
 32. ВАРГИН Н.Ф. Флагман флота Кожанов. М. 1980, с. 89—94.
 33. ZEIDLER M. Op. cit., S. 245.
 34. Личное дело П.И. Смирнова, л. 7.
 35. Там же.
 36. Там же, л. 11.
 37. Там же, л. 12.
 38. Известия. 15.VI.1934.
 39. Красная звезда. 2.XII.1935.
 40. Стенограмма актива центрального аппарата Народного комиссариата обороны СССР 9—10 июня 1937 года. Заседание 10 июня 1937 года. РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 61, л. 216, 221.
 41. НИКИТИН Б.В. Катера пересекают океан. Л. 1980, с. 43—45.
 42. Личное дело П.И. Смирнова, л. 12.
 43. Доклад т. П.И. Смирнова на совещании политработников Рабоче-Крестьянской Красной армии 3 августа 1937 года. Совещание политработников Рабоче-Крестьянской Красной армии 3—4 августа 1937 года. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 318, л. 324.
 44. Стенограмма докладов и выступлений участников заседания Военного совета при Народном комиссаре обороны СССР. 21—23 ноября 1937 года. Вечернее заседание 22 ноября 1937 г.: Управление делами Народного комиссара обороны. РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 54, л. 218, 224.
 45. Личное дело П.И. Смирнова, л. 12.
 46. Правда. 15.I.1938.
 47. ЗОНИН С.А. Адмирал Л.М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М. 1991, с. 293.
 48. НИКИТИН Б.В. Катера пересекают океан. Л. 1980, с. 45.
 49. Список членов Главного Военного совета Военно-Морского Флота СССР. РГА ВМФ, ф. Р-1672, оп. 1, д. 20, л. 61—62.
 50. Выписка из протокола Политбюро ЦК ВКП (б) от 22 июня 1938 г. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ), ф. 3, оп. 24, д. 364, л. 161.

51. Выписка из протокола допроса П.И. Смирнова от 14 июля 1938 года. Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (АВК ВС РФ), оп. 54, д. 14694, л. 4.
52. Военный совет Краснознаменного Балтийского флота. РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 431, л. 1—10б.; ф. Р-1877, оп. 1, д. 31, л. 41.
53. Там же, ф. Р-92, оп. 2, д. 431, л. 1; ф. Р-1877, оп. 1, д. 31, л. 41.
54. Там же, ф. Р-1877, оп. 1, д. 31, л. 41—41об.
55. Там же, ф. Р-92, оп. 2, д. 431, л. 4.
56. Там же, ф. Р-92, оп. 2, д. 431; ф. Р-92, оп. 2, д. 431, л. 2—3; ф. Р-1877, оп. 1, д. 31, л. 44—45.
57. Там же, ф. Р-92, оп. 2, д. 431; ф. Р-1877, оп. 1, д. 253, л. 233.
58. Там же, ф. Р-1877, оп. 1, д. 253, л. 233—234.
59. Приказ наркома Военно-Морского Флота № 2653 от 7 сентября 1938 года. Секретные приказы наркома Военно-Морского Флота за 1938 год. (Библиотека Российского государственного архива Военно-Морского Флота), с. 111.
60. Там же, с. 111об., 112—112об.
61. Там же, с. 113об.
62. Военный совет Краснознаменного Балтийского флота. РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 431, л. 316.
63. Там же, л. 297.
64. Там же, л. 297—302.
65. Там же, ф. Р-1877, оп. 1, д. 252, л. 4.
66. Военный совет Краснознаменного Балтийского флота. РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 485, л. 41.
67. Там же, ф. Р-1877, оп. 1, д. 80, л. 1, 2.
68. Главный Военный совет Военно-Морского Флота СССР. РГА ВМФ, ф. Р-1678, оп. 4, д. 20, л. 62.
69. НАУМОВ Л.А. Сталин и НКВД. М. 2007, с. 344.
70. КУЗНЕЦОВ Н.Г. Накануне. М. 1969, с. 233.
71. Опись 16.01.1940 г. Список арестованных (категория 1). АП РФ, ф. 3, оп. 24, д. 377, л. 119, 120, 127, 129.
72. Надзорное производство Главной военной прокуратуры по делу П.И. Смирнова-Светловского. Архив Военной прокуратуры Российской Федерации, ф. Р-0165, оп. 14, п. 157, д. 8, л. 40, 46.
73. Материалы архивно-следственного дела П.И. Смирнова-Светловского. АВК ВС РФ, оп. 55, д. 9685, л. 3.
74. СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М. 1998, с. 375.

Сенаторская ревизия Московского военного госпиталя в 1908—1910 гг.

М.В. Поддубный

В конце июня 1910 г. в адрес военного следователя 6-го участка Московского военного округа поступил официальный документ — «Предложение» ревизующего сенатора о производстве предварительного следствия по обвинению пяти чинов Московского военного госпиталя в преступлениях по должности. Документ на 106 листах сохранился в личном фонде сенатора Н.П.Гарина¹ в РГИА и представляет собой юридически строго аргументированный обзор преступной деятельности хозяйственных чинов госпиталя в течение нескольких лет. Подборка копий допросов, актов экспертиз и прочего, заключенных в полукожаные переплеты, и очевидно сделанная сразу по завершении ревизии, отложилась в архиве с исключительной полнотой², что позволяет реконструировать не только работу ревизующих чинов, но и деятельность госпиталя с неожиданной стороны, ранее не привлекавшей внимания исследователей.

Тема злоупотреблений военно-медицинских чинов имеет свою историографию: об этом немало писал еще великий хирург Н.И.Пирогов в «Севастопольских письмах»³. Существует и такой уникальный документ, как «Записка статского советника Круглого» от 1853 г., опубликованная в одном из томов «Столетия военного министерства». Добросовестный чиновник Провиантского департамента обобщил сведения из следственных и военно-судных дел за 30-летний период, подробно классифицировав «какими средствами или изворотами прикрывались беспорядки и злоупотребления»⁴.

Московский госпиталь не попал в число примеров, упоминаемых в этом перечне, но не только поэтому вынесенная в заголовок настоящей статьи тема представляет интерес. Историография госпиталя (ныне Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко Минобороны России) уникальна в том числе чрезвычайной обширностью, однако ни в одной из публикаций мы не встретим упоминаний о «преступлениях по должности» сотрудников учреждения.

Первые допросы свидетелей по поводу хозяйственной деятельности в госпитале относятся к декабрю 1908 года. В документах нет сведений о том, кто и каким образом инициировал следствие. К тому моменту ревизия уже около года занималась делами московского градоначальства и полиции, итогом чего стало предание в 1911 г. суду московского градоначальника генерал-майора А.А. Рейнбота, имевшее значительный общественный резонанс⁵.

Военный министр А.Ф. Редигер в своих воспоминаниях отмечает, что поводом для сенаторских ревизий учреждений военного ведомства были настойчивые «наре-

Поддубный Михаил Владимирович — кандидат медицинских наук, заведующий отделом Национального НИИ общественного здоровья РАМН.

кания на интендантство», в том числе в прессе. Как пишет мемуарист под 1908 г., «было решено прибегнуть к чрезвычайной мере — к производству сенаторской ревизии, которая была поручена сенатору Гарину, снабженному для этого самыми обширными полномочиями. Приступая к ревизии, Гарин обратился ко мне за указаниями; я ему заявил, что лишь хочу добиться правды и готов оказать ему всякое содействие, а на его вопрос, как ему быть, если замешанными окажутся лица высокопоставленные, я ему заявил, что чем крупнее будут шуки, которых он изловит, тем более я ему буду благодарен. Со своей стороны я ему обещал лишь одно: если по его ревизии кому-либо будут прописаны арестантские роты, то я настою на том, чтобы тот действительно туда попал»⁶.

Таким образом, Московский госпиталь оказался в поле зрения сенаторской ревизии в числе первых учреждений военного ведомства. На тот момент он являлся одним из крупнейших в России. Штатные 1545 коек обслуживали ежегодно до 10 тыс. пациентов⁷. Для сравнения — во всей Москве в 31 больнице имелось тогда менее 9 тыс. коек⁸.

Уже на первом допросе 19—22 декабря 1908 г. подрядчика из Немецкой слободы Н.Ф. Макарова-Землянского, несколько лет поставлявшего в госпиталь продукты, последний сразу назвал пятерых «участников всего воровства и злоупотреблений, процветающих в госпитале». Это были смотритель госпиталя подполковник С.Д. Захаров, три комиссара (капитан Г.М. Рихтер, И.М. Ильин и Г.В. Голубев) и бухгалтер госпиталя А.Б. Хлебни. Как показал Макаров-Землянский, сумма вымогаемых у него названными лицами взяток составляла ежегодно 2200 руб., кроме того, все пятеро дважды в месяц требовали угощений в ресторане, на что он тратил до 3 тыс. руб. в год⁹.

Таким образом, речь шла о смотрителе — фактически третьем лице в госпитальной иерархии (после начальника госпиталя и главного врача) и его подчиненных. Подполковник Сергей Диодорович Захаров, 1864 г. р., из потомственных дворян, сын генерал-майора, занимал должность смотрителя Московского госпиталя с 1905 г., получая в год 2400 рублей. До этого служил на штабных должностях, с 1894 г. заведовал типографией и хозяйственной частью Московского военного округа.

Как следует из объяснения начальника госпиталя генерал-майора Синельникова, по вступлении в 1905 г. в должность смотрителя Захаров ввел в госпитальное хозяйство «особую систему экономии на припасах и материалах». Тогда же Синельников получил разрешение окружного военного начальства для употребления остаточных сумм «на улучшение госпиталя во всех отношениях». Далее он показал, что «самого способа получения экономических остатков не указывалось, и я об этом способе ровно ничего не знаю. Вел все это дело, как и саму книгу, подполковник Захаров при посредстве комиссаров госпиталя. Я могу сказать, что Захаров всецело ведал экономическими остатками, но не смею утверждать, что все то, что получалось смотрителем Захаровым в качестве этих остатков, вносилось им в книгу»¹⁰.

Очевидно, что обоснованием «экономии» явилось начало подготовки к 300-летию юбилею госпиталя, пышно отпразднованному в декабре 1907 года. Сам госпиталь в конце 1907 г. переименовали в «Московский генеральный Императора Петра I военный госпиталь» (название сохранялось до марта 1917 г.).

Впрочем, легально «система подполковника Захарова» просуществовала недолго. По свидетельству начальника госпиталя, «в феврале 1907 г. командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант Гершельман, узнав от него, Синельникова, о существовании в Московском госпитале вышеупомянутых негласных сумм, употребляемых на улучшение госпиталя, приказал поступать по закону, а бывший в то время инспектором госпиталей генерал-майор Тюлин категорически заявил, что накопление экономических остатков должно прекратить». Как показал далее Синельников, он отдал приказ Захарову «абсолютно прекратить получение и расходование экономических остатков», а на неоднократные об этом вопросы всегда получал ответы, что такое получение прекращено¹¹. На деле оказалось, что системой поборов, взяток, всякого рода «негласных сумм» были опутаны все стороны хозяйственной жизни госпиталя.

Но и в период легального существования «экономических остатков» изменений к лучшему в госпитале не происходило. Так, работавший в госпитале с 1893 г. ордина-

тор доктор медицины П.А. Павлов на вопрос о том, заметны ли были в период с сентября 1905 по февраль 1907 г. улучшения в оборудовании медицинских кабинетов и палат, показал, что «заметно было обновление портретных рам в госпитальной зале и приобретение мягкой мебели для кабинета главного врача»¹².

В «Предложении» ревизирующего сенатора военному следователю отмечалось, что «документами, отобранными при выемках, произведенных в 1909 г. чинами сенаторской ревизии у подрядчиков на Московский военный госпиталь Абрама и Эфроима Виленкиных и других лиц, установлено, что получение комиссарами госпиталя с названных подрядчиков денежных сумм взамен недопринятых припасов и материалов, следовавших к поставке, продолжалось в 1907, 1908 и 1909 годах, причем суммы эти уже ни в какие книги и документы по госпиталю не заносились и на госпиталь вообще не употреблялись»¹³.

На первом допросе Эфроим Виленкин отказался назвать получателей взяток: «Я считаю просто неблагородным открывать тех лиц, которые полагались на меня в том смысле, что я никогда их не выдам». При осмотре отобранной у него бухгалтерской книги, озаглавленной «Черновая касса 1908–1909» на последнем листе были обнаружены записи, которые помогли ревизорам подобрать ключ к зашифрованным записям изобретательного подрядчика. В итоге текстологической работы¹⁴ следователей было убедительно показано, что под инициалами «Тиль» и «сдк» скрывался Захаров, «Г.Ин. и Взм» — Ильин и т. д. Как видно из записей, взятки давались в том числе и за советы при получении подрядов: «Ильину за обещание содействия и совета — 10», «Хлебину за совет — 5»¹⁵ и т. д.

Одной из главных статей дохода госпитальных взяточников служила очистка выгребных и помойных ям, а также вывоз снега и мусора. Все это производилось подрядным способом и более 30 лет находилось в руках фамилии Виленкиных. В 1908 г. Виленкин передал эту часть подряда мещанину Хаиму Хазембо. Последний на допросе в феврале 1910 г. удостоверил, что «при заключении условия Виленкин указал на необходимость производить ежемесячные платежи: смотрителю Захарову — по 150 руб. в месяц; комиссару Ильину, непосредственно наблюдающему за производством очистки — по 45 руб.; бухгалтеру Хлебину, который ведет все бумажное производство по исполнению подряда и вносит в госпитальный комитет рапорты о состоянии очистки — по 15 рублей; остальные, более мелкие ежемесячные платежи назначены были писмоводителю, водопроводчику, вахтеру, фельдфебелю и другим нижним чинам»¹⁶.

Допрошенные вахтер Альхимович и надзиратель Фукс подтвердили факт получения ими в 1909 и 1910 гг. помесячных платежей от подрядчика в связи с очисткой, первый — по 10, второй — по 5 руб., «причем оба удостоверили, что кроме них получали таковые же платежи фельдфебель Филиппович, водопроводчик Шульман и вахтер Венгжин»¹⁷.

Служивший надзирателем при заразных бараках Фабиан Фукс в марте 1910 г. показал, что ему постоянно приходилось наблюдать, что очистка выгребных ям из заразных барачков производится плохо: все шесть ям были всегда переполнены и вытекали наружу, растекаясь по двору госпиталя. «Получая заявления об этом от докторов, я постоянно передавал о них заведывающему очисткой вахтеру Альхимовичу, а этот последний комиссару Ильину. Однако ямы продолжали течь по-прежнему, несмотря на ежедневные почти заявления об этом»¹⁸.

По контракту с госпиталем Виленкин обязывался вывозить нечистоты и мусор на ближайшую свалку, для снега было выделено место у военной тюрьмы. Однако как показали свидетели, снег, мусор и нечистоты никуда не вывозились, а сваливались в овраг на территории госпиталя, где чины ревизии в присутствии понятых обнаружили «огромные кучи мусора, издающие зловоние»¹⁹. По показаниям отходника Хромогина, помощники Виленкина приказывали рабочим отбирать нечистоты из ям так, чтобы они не текли²⁰.

В мае 1910 г. чинами ревизии производились в госпитале раскопки, при которых выяснилось, что из четырех выгребных ям стоки по системе тайных железных труб отводились в Язу и из одной — в почву, к госпитальному оврагу. Как показал тогда же свидетель Хаим Хазембо, прокладка потайных труб относилась к 1879 или 1880 г., когда подрядчиком в госпитале стал Михаил Виленкин — отец Эфроима²¹.

Между тем сумма, уплачиваемая госпиталем Виленкину за очистку выгребных ям, составляла 12 тыс. руб. ежегодно. За очистку снега до 1908 г. уплачивалось 3 тыс. руб., а с 1908 г. сумма этой статьи подскочила сразу до 8500 рублей²².

Но нечистоты никто не вывозил, — потайные трубы отводили их, в том числе из инфекционных барачков, в Язу и затем в Москву-реку, годами «орошая» население города и Подмосковья.

Как пишет современный исследователь истории госпиталя, во второй половине XIX в. «инфекционные болезни (брюшной тиф, сыпной тиф, возвратный тиф, холера, дизентерия, оспа, корь, скарлатина и т.д.) в отдельные годы составляли от 15 до 25% от общего числа больных, находившихся на лечении в госпитале»²³. Сегодня мы знаем, что часть этих инфекций характеризуется именно тем, что передается водным путем. Таким образом, если сумма похищенных денежных средств была подсчитана сенаторской ревизией, то убытки в виде болезней и смертей среди московского населения подсчитать невозможно. Очевидно, что они были, учитывая специфику пациентов госпиталя и долговременность подряда Виленкиных при содействии госпитальных комиссаров.

Таким образом, только Захаров и лишь по одному пункту — за поддержание системы ассенизации в прежнем виде (вернее — ее отсутствие) получал от «фирмы» Виленкиных 1800 руб. в год, что составляло 15% от суммы подряда и 2/3 его годового оклада.

Сенаторские ревизии начала XX в. сопровождалась повышенным вниманием к ним российской прессы. Не стала исключением и ревизия Московского госпиталя. Петербургская «Речь» отметилась краткими заметками («Обыск в военном госпитале») 2 ноября 1909 г. и 6 марта 1910 г., московское «Утро России» освещало тему более регулярно. В статье «Около “ям”» от 5 мая 1910 г. говорилось о том, что «третьего дня и вчера чины сенаторской ревизии в Московском военном госпитале... обнаружили удивительные приспособления для спуска нечистот в реку Язу, которые не заметила осматривавшая в прошлом году госпиталь городская комиссия». 8 мая та же газета отмечала, что «городская управа в течение нескольких лет предлагала военному госпиталю присоединиться к полям орошения.. Ежегодный расход в этом случае для госпиталя был в размере 6 тыс. руб. Но по арифметике администрации госпиталя платить 6 тыс. было слишком дорого; выгоднее было писать в отчете вывоз нечистот в 18 тыс. и пользоваться рекой Язуй». Уже на следующий день в заметке «И завтра, как вчера» говорилось о том, что система отведения нечистот в Язу действовала в госпитале уже в 1898 году, за что при вмешательстве обер-полицейстера Трепова и великого князя Сергея Александровича был уволен начальник госпиталя Лебедев²⁴.

Хотя в 1910 г. чины сенаторской ревизии не выдвигали обвинений в адрес начальника госпиталя генерала Синельникова, из документов следует, что он если не покровительствовал, то попустительствовал системе взяток и поборов. При обыске у подполковника Захарова был отобран подписанный Синельниковым машинописный экземпляр опровержения в редакцию газеты «Руть» по поводу помещенной в номере от 8 июня 1909 г. заметки о существовании в госпитале системы потайных труб для отвода нечистот в Язу. Характерен пример с лечившимся в госпитале в мае-июле 1909 г. подпоручиком 1-й артбригады бароном А.А. Рокасовским, который показал на допросе 8 декабря 1909 г., что пациентам в госпитале выдавалось грязное нательное и постельное белье. После тщетной подачи рапортов начальнику госпиталя, Рокасовский обратился по команде к своему начальнику, «приложив к рапорту госпитальную рубаху, бывшую в гнойных и кровавых пятнах», и одновременно сообщив об этом начальнику госпиталя. На следующий день начальник госпиталя объявил, что предает его суду за кражу казенного имущества. Прямой начальник Рокасовского — генерал-майор Куракин на основании отношения генерала Синельникова своим приказом арестовал подпоручика на 7 суток, «так как беспорядки в Московском военном госпитале не входят в круг его компетенции»²⁵.

Белье из прачечной всегда принимал комиссар Голубев, которому подрядчик Абрам Виленкин, согласно расшифрованным следователями записям, «выдавал 25 руб. в месяц, и то не каждый». Чины ревизии зафиксировали, что «столь незначи-

тельные по размеру платежи имели, однако, своим последствием, что Голубев, в прямое нарушение возложенных на него по службе обязанностей, принимал с прачечной подрядчика и выдавал в носку больным совершенно непромытое, а по словам одного из свидетелей, и вовсе не стиранное белье». Как показал ординатор-дерматолог Павлов, «белье моется настолько отвратительно, что частые появления гнойников и сыпи у больных я объясняю единственно тем, что им выдается в носку совершенно не промытое белье, с грязными и гнойными пятнами». Имеется в деле и копия рапорта заведующего отделением душевнобольных от 12 сентября 1908 г.: «Доношу, что из стирки получается крайне грязное белье... и так оно отвратительно, что больные, как гг. офицеры, так и нижние чины, отказываются им пользоваться, вследствие чего происходит масса неприятностей, неудовольствий..., что вредно влияет на правильное течение болезни, лечение и уход за ними»²⁶. Этот рапорт, как и все аналогичные, госпитальное начальство оставило без последствий.

Цитированный выше подрядчик Макаров-Землянский на вопрос следователя о госпитальных комиссарах заметил: «Эти трое берут, где только могут». Похоже, это действительно было так. К примеру, комиссар Ильин, пользуясь тем, что ключ от ворот для провоза дров лежал у него в кармане, вымогал деньги у того же Виленкина, беря по 10 коп. с каждой сажени ввезенных в госпиталь дров. Фиксировавший каждую копейку подрядчик в своих тетрадях отметил, следователи же расшифровали и сочли: с мая 1907 г. до июня 1909 г. Ильин получил с Виленкина только за отпирание ворот 1140 руб. 10 копеек²⁷. В обширном госпитальном хозяйстве находилось тогда и расположенное поблизости Семеновское военное кладбище²⁸. Комиссар Ильин обложил данью даже изготовление намогильных крестов для неимущих покойников, которые казна оплачивала столяру Мелетию Сухареву. Как показал последний, за изготовленные в 1905—1909 гг. 620 крестов вместо причитавшихся 1984 руб. он получил от Ильина лишь 976²⁹.

При обыске в квартире Ильина, получавшего по должности в госпитале 900 руб. в год, были изъяты денежные документы на сумму свыше 5 тыс. руб., в том числе 5 книжек государственной сберегательной кассы на имена жены и четырех его дочерей³⁰.

В фонде сенатора Гарина в РГИА отсутствуют какие-либо документы, проливающие свет на дальнейшее движение этого дела. Однако очевидно, что получивший летом 1910 г. «Предложение сенатора» военный следователь согласился с доводами ревизии. Не прошло и двух месяцев, как газета «Утро России» поместила заметку о том, что «на днях бывший смотритель Московского военного госпиталя подполковник Захаров арестован, в связи с бывшею ревизиею, и посажен в главную дворцовую гауптвахту в Кремле»³¹.

В делах ревизии имеется ряд документов, характеризующих главного смотрителя как человека, не обремененного моральными принципами. В копии письма начальника охранного отделения по Москве в градоначальство от декабря 1909 г. Захаров характеризуется как «человек с недостаточно твердыми для офицера политическими взглядами». Проживавшая с ним на квартире его свояченица Констанция Бернштейн в течение трех лет при содействии самого Захарова проводила в госпитале для нижних чинов «чтения с туманными картинками», придавая им антиправительственный и антивоенный характер. Завершились эти чтения в 1907 г. после полицейского обыска и выселения Бернштейн из госпиталя³². Как показал в феврале 1910 г. заведовавший командой госпиталя капитан Колоколов, после поездки в марте 1908 г. в составе депутации от госпиталя к Николаю II в Царское Село, Захаров в разговорах не раз допускал оскорбительные по отношению к царской семье комментарии³³.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранился послужной список подполковника Захарова, в котором имеется его прошение императору от 10 декабря 1910 г. об увольнении от службы по причине расстроенного здоровья «с награждением следующим чином, мундиром и полным пансионом»³⁴. Здесь же лаконичный рапорт московского коменданта от 29 декабря 1910 г. военному министру, где он сообщает, что Захаров «содержится под арестом на гауптвахте», а посему «все испрашиваемое будет... в зависимости от судебного приговора». Последний по времени документ — свидетельство военного врача В.П.Бонч-Бруевича

от 31 декабря 1910 г. о том, что «подполковник Захаров при вообще удовлетворительном здоровьи одержим ожирением и эмфиземой легких в небольших степенях»³⁵.

Неясно, состоялся ли суд, — сведений о дальнейшей судьбе Захарова нет ни в его послужном списке, ни архивном фонде Гарина в РГИА. Также неизвестно, какова была дальнейшая судьба остальных подследственных: упоминаний об этом не удалось встретить при просмотре российских газет 1910—1915 годов.

Конечно, на фоне захлестнувших в первой половине 1910-х гг. прессу сообщений об открытых ревизиями сенаторов Гарина, Глищинского, Нейгарта, Дедюлина, Медема грандиозных хищениях в интендантском ведомстве, с десятками арестованных и преступными оборотами в сотни тысяч рублей³⁶, дело о пятерых чинах Московского госпиталя выглядело скромно. Однако сохранившиеся архивные документы позволяют увидеть, как при бесконтрольном попустительстве начальства в одном из крупнейших госпиталей возникла и за короткое время охватила все хозяйственные стороны жизни учреждения аморальная система поборов и взяток. Мы можем лишь один раз оценить правоту слов одного из талантливейших публицистов России, сказанных именно тогда: «Будто бы великодушное, на самом деле — глупое и преступное снисхождение к порочным людям ведет к перерождению общества. Как только начинают чувствовать, что власть дремлет, смотрит сквозь пальцы на грешки чиновников, “терпит”, “не противится злу”, — тотчас совершается дарвиновский подбор: к бесчисленным казенным должностям устремляется менее честная часть населения, постепенно оттесняя более честную...»³⁷.

Примечания

1. Гарин Николай Павлович (1861—1917?), тайный советник, сенатор (с 1905 г.). Образование получил в Императорском Училище правоведения в Петербурге, по окончании в 1882 г. слушал лекции на юридическом факультете в Париже. Служил в Сенате, Государственном совете, где принимал участие в редактировании Полного собрания законов и подготовке нового издания гражданских законов. В июле-ноябре 1905 г. — директор Департамента полиции МВД. С 1907 г. — член Особого присутствия Сената для обсуждения дел о государственных преступлениях. В декабре 1907 г. на Гарина было возложено проведение сенаторской ревизии московского градоначальства и московской полиции, с 1909 г. — ревизия учреждений и установлений военных округов, а в декабре того же года — прочих учреждений Военного министерства. Эта ревизия также привела к открытию множества злоупотреблений и к преданию суду многих видных чинов интендантского ведомства. В ноябре 1915 г. назначен членом Государственного совета. В апреле 1916 — марте 1917 г. — помощник военного министра (при министрах Д.С.Шуваеве и М.А.Беляеве).
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 935 (сенатор Н.П.Гарин), оп. 1, д. 81, л. 1—106.
3. ПИРОГОВ Н.И. Собрание сочинений. Т. 6. М. 1961, с. 311—403.
4. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный военно-санитарный комитет. Исторический очерк. СПб. 1902, приложения, с. 158—167.
5. ДЖУНКОВСКИЙ В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М. 1997, с. 563—565.
6. РЕДИГЕР А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М. 1999, с. 251.
7. Главный военный госпиталь. М. 1985, с. 48.
8. Там же, с. 43.
9. РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 82, л. 35, 42.
10. Там же, д. 81, л. 8.
11. РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 81, л. 9.
12. Там же, д. 90, л. 183.
13. Там же, д. 81, л. 10.
14. Там же, л. 47, 50—51.
15. Там же, л. 49.
16. Там же, л. 45—46.
17. Там же, л. 51.
18. Там же, л. 54.
19. Там же, л. 57.
20. Там же, л. 54.

21. Там же, л. 60, 74.
22. Там же, л. 56—57.
23. ПОНОМАРЕВ С.В. 300-летняя история лечения инфекционных больных в Главном военном клиническом госпитале. М. 2007, с. 26.
24. Утро России. — 1910, 5, 8, 9 мая.
25. РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 81, л. 77; д. 90, л. 158—168.
26. Там же, д. 81, л. 95, 97, 100.
27. Там же, л. 84—86.
28. См.: Военно-медицинский журнал. 2012, т. 333, № 3. с. 76—82.
29. РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 81, л. 90—91.
30. Там же, л. 102—103.
31. Утро России. 1910, 11 августа.
32. РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 90, л. 81, 108.
33. Там же, л. 106.
34. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. II, д. 1137, (п.с. 260—928), л. 3.
35. Там же, л. 1об., 9об.
36. Напр., в «Петербургском листке» от 25 января 1911 г. отмечалось, что «численность интендантов в различных округах, подлежащих суду, превысила 360».
37. МЕНЬШИКОВ М.О. Чистка. — Новое Время. 1910, 24 июля.

Дворцовые поташные промыслы в XVII в.

Л.Ю. Варенцова

Дворцовая (домениальная) собственность — одна из основных форм собственности в России во второй половине XVII века. В этот период дворцовое хозяйство играло особую роль в экономике страны. В дворцовых вотчинах интенсивно развивалась предпринимательская деятельность, часть ее продукции предназначалась для экспорта. Во многих селах была заведена государева десятинная пашня, винное курение, конюшни, различные заводы¹. К числу дворцовых промыслов относилось и поташное производство.

Поташное производство — один из старинных химических промыслов России, возникший примерно в XV в., а к середине XVII столетия занявший важное место в экономике страны. Владельцами поташных предприятий были, главным образом, крупные вотчинники. Им принадлежали большие массивы лесов, они располагали неограниченными возможностями для привлечения к различным работам по изготовлению поташа (калия карбоната) крепостных крестьян².

По определению В.И. Даля, «поташ — щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы; углекислый потасий (калий), неочищенный — добывается перекалкой шадрика» — «черного, грязного, не переваренного поташа»³. «Поташный завод» или «поташня» — заведение, где вываривали из золы и перекаливали поташ. Они же назывались «майдами», «будами» (старинное слово, означающее «строение», «постройка»), «будными майдами»⁴. Эти лесные заводы находились на высоких прогалинах, служили не только для выварки поташа, но и одновременно для сидки смолы и дегтя. Работы на будах начинались обычно в апреле и продолжались до наступления морозов, примерно до ноября.

В 1650-е гг. боярин Б.И. Морозов был самым крупным владельцем поташных предприятий в России. Ему принадлежали майданы, расположенные в Нижегородском и Арзамасском уездах, где боярин захватил леса, которыми ранее владело местное, главным образом, мордовское население. В начале 1660-х гг. он имел не менее 29 майданов. Важнейшим центром поташного производства было село Сергач Нижегородского уезда. Сергачский поташ шел на экспорт. Среди его покупателей были известные голландские и немецкие купцы В. Меллер, Т. Кальдерман, К. Коненштер⁵.

Востребованность этого химического продукта возросла во второй половине XVII в. в связи с развитием стекольного, мыловаренного, кожевенного, ткацкого, красильного производств, а также лечебного дела.

Весь поташ отправлялся в Архангельск для дальнейшей продажи за границу. В 1656 г. царь Алексей Михайлович издал грамоту, согласно которой за перевозку пота-

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ша от Нижнего Новгорода до Архангельска с боярина Морозова запрещалось брать пошлины воеводам, дьякам, приказным людям, таможенным головам ⁶.

В хозяйственной деятельности Морозова поташное производство стояло едва ли не на первом месте. Владелец поташных заводов настойчиво требовал от приказчиков бесперебойной и эффективной работы майданов, высокого качества выпускавшейся продукции. 6 июня 1660 г. в грамоте приказчику с. Сергача А. Кучецкому боярин указывал, «чтоб поташ делали на всех майданах самой доброй» ⁷. Особое внимание обращал на заготовку золы и дров.

Наиболее трудоемкими и решающими фазами производственного процесса были заготовка и доставка золы. Поташный завод мог нормально функционировать только при хорошем обеспечении высококачественной золой. Для крестьян и бобылей устанавливались жесткие требования: «А которой золу худу привезет, и таких бить батоги, и ту худую золу велеть высыпать у них на землю, которая негодна, и золу велеть добрую привезть» ⁸.

В 1660 г. в Сергаче было 5 майданов, четыре из них функционировали без простоя, пятый же, по мнению боярина, «майдан сергачкой разорен весь» ⁹. На всех майданах вырабатывалось разное количество поташа. Например, ежегодно с «Ключевого» майдана местные крестьяне поставляли в Нижний Новгород по 73 бочки, с «Кладбицкого» майдана — по 9 бочек ¹⁰.

Процесс изготовления поташа на одном майдане могли обеспечить несколько десятков человек. Однако для заготовки и доставки золы и дров требовались тысячи рабочих рук. В 1660-х гг. вотчинник направил из своих галицких владений на майданы в Нижегородский уезд 346 человек. Обслуживались майданы Морозова, прежде всего, крепостными крестьянами окружавших майданы селений в порядке барщинной повинности ¹¹. Заготовка золы и дров, работы на майданах в летнее время приводили к невосполнимым потерям в собственном крестьянском хозяйстве. В 1659 г. крестьяне села Сергача деревни Ключевой обращались к боярину с челобитьем, где указывалось: «Нам учинилася та твоя майданная работа не в силу». «Сеем не в пору, и кой хлеб родитца, и у нас, пропадает на поле» ¹². В 1660 г. имели место побеги «будников» с серчачских поташных промыслов ¹³. Сбегали крепостные крестьяне целыми семьями.

С каждой выти (единица вложения в России) крестьяне обязывались рубить дрова, жечь золу, поставлять определенное количество золы и дров, набивать поташ в бочки, заготавливать сено для коней «про майданный обиход», перевозить поташ на своих подводах в Нижний Новгород и другие города.

В приволжских владениях Морозова насчитывалось более 450 вытей, более 6100 крестьянских и бобыльских дворов. Если условно считать, что от каждого тяглого двора в этих работах участвовало лишь по одному человеку, то общее число занятых в промысле составляло свыше 6 тыс. человек ¹⁴.

Село Сергач было главным центром поташного производства Морозова. Размещалось оно в Нижегородском уезде. «Село Сергач, а в нем церковь шатровая во имя Сретения чудотворные иконы Владимирские да в пределе Сергия Радонежского чудотворца», — отмечалось в «Отписной книге села Сергач и его деревень окольничего И.И. Чирикова 1667 года». В селе стоял боярский двор, в котором жили приказчики. В округе Сергача были боярские леса, бортные уголья, сенные покосы, пашни, конюшенный двор на 58 лошадей, использовавшихся для обслуживания поташного промысла ¹⁵.

К селу примыкали деревни Ключевая и Кладбишная. Всего в селе и двух деревнях было 204 двора крестьян и бобылей, общей численностью 628 человек ¹⁶.

Тягла крестьяне имели «подевяты выти с осьмухою и полуосьминником». С выти полагалось платить по 15 руб., а также столовых припасов: по 2 пуда свиного мяса, гусю, поросенку, ореховых ядер по полуосьмине, шерсти по 10 гривенок. Кроме того с каждого двора боярину поставляли кур, коровье масло, яйца ¹⁷. Бобыли же вместо оброка привлекались к поташным промыслам.

В 1667 г. на серчачских майданах работали «польские наемные люди», которые со своими семьями «жили по разным избам» Сергача. Среди работников было разделение труда. Всего здесь числилось 5 поливочей, 71 будник, 4 бочкаря, 1 кузнец, 1 колесник, 2 воштаря ¹⁸. Наемный труд в поташном производстве широко не применялся. В массовом масштабе использовался даровой крестьянский труд. Огромной

тяжестью ложилась на крестьян работа на будных майданах¹⁹. Это обеспечивало высокие прибыли от производства поташа. С каждого пуда поташа шло чистой прибыли по 25 копеек²⁰.

В 1662—1663 гг. вдова боярина Анна Ильинична Морозова продала в казну 94 940 пудов поташа, ей выплатили 359 037 руб. (медными деньгами), чистой прибыли было получено не менее 180 тыс. рублей²¹.

В 1667 г. после вдовы боярина Морозова окольный Илья Иванович Чириков провел перепись крестьянских и бобыльских дворов в Сергаче и окрестных деревнях. В 1668 г. список «Отписной книги села Сергача и его деревень 1667 года» был передан в Приказ Большого дворца²². Вотчина бояр Морозовых была отписана на государя как выморочная²³.

С 1668 г. в состав дворцового хозяйства вошли будные майданы в Сергаче с округой²⁴: «Кладбицкой», «Мокринской», «Старой», «Задней» и «Ключевой».

При «Кладбицком» и «Старом» майданах было по 5 житниц с запасами толокна, сухарей, соли. При «Мокринском» майдане имелся амбар с запасами ржаной муки, круп и толокна. Здесь же в особой избе-пекарне выпекался хлеб для наемных работников. При «Кладбицком» и «Заднем» майданах были обустроены рубленые конюшни. Майдан «Ключевой», получивший название от одноименной деревни, не выделялся постройками — здесь стояли изба и баня.

Наемные работники из Польши были на всех майданах, кроме «Ключевого». Больше всех поташа вырабатывалось на «Мокринском» и «Кладбицком» заводах. В 1667 г. окольный Чириков обнаружил на них соответственно 130 и 107 бочек поташа. На «Заднем» майдане готовой продукции во время переписи было 89 бочек, на «Ключевом» — 22. На «Старом» майдане поташ вовсе не вырабатывался. Таким образом, к Сергачу относилось четыре «жилых» и один «пустой» майдан.

Заводы оснащались корытами для ссыпания золы, медными котлами, ушатами, санями, топорами, долотами, тачками, телегами, стругами. Бочки с поташом взвешивались и клеймились снизу.

В 1673 г. в Сергаче насчитывалось 322 двора, 960 крестьян и бобылей, 5 дворов земских дьячков и приставов, а также подьячий. «У дозору» и «у наряду поташного дела» были назначены 5 дворян. Вероятно, каждый из дворян контролировал определенный поташный завод и нес ответственность перед дворцовым ведомством. В Сергаче десятинной пашни не было, и дворцовые крестьяне отбывали повинность обслуживанием майданов — возили на них дрова и золу из леса. В 1678—1679 гг. было произведено поташа 475 бочек чистым весом 1425 берковцев (142,5 пуда)²⁵ (берковец — старинная мера веса, равная 10 пудам)²⁶.

По-прежнему поташ с дворцовых сердчачских майданов поставлялся за границу. Перевозка его была достаточно сложной. Сначала его в бочках поставляли в Нижний Новгород, затем по Волге на судах до Ярославля, потом до Вологды и Архангельска. Нередко путь от Ярославля до Вологды проделывался зимой на санях²⁷.

Дрова на майданы в Сергач доставлялись из дворцовых сел Лыскова и Мурашкина Курмышского уезда, а овес для лошадей — из дворцовой же Терюшевской волости Нижегородского уезда. Заметим, что уже в 1647—1648 гг. села Лысково и Мурашкино принадлежали боярину Морозову²⁸, пожалованные «за его службу, что он был у него великого государя, в дядьках». После смерти Морозова в 1662 г. два года эти села находились во владении его вдовы Анны Ильиничны Морозовой, а с 1665 г. вошли в царский домен²⁹.

В 1674 г. для обеспечения дворцовых майданов рабочей силой Алексей Михайлович указал нанять в Галиче работных людей³⁰.

12 июля 1676 г. И.С. Хитрово передал дворцовому ведомству с. Шишковойерды Нижегородского уезда со 127 дворами, 450 душами крестьян и бобылей³¹. Четыре майдана в Шишковойерде также вошли в состав дворцового хозяйства.

Шесть будных майданов насчитывалось в Арзамасском уезде, из них три государственных и три, принадлежавших гостю Семену Сверчкову. Обслуживали их «сергачские мастеровые и наемные работные люди»³².

В 1679 г. стольником И.Т. Елизаровым и подьячим Н. Соболевским в Сергаче проводилась перепись дворов «старинных» и «пришлых» крестьян и бобылей. Всего в Сергаче было обнаружено 169 дворов³³.

После смерти царя Алексея Михайловича поташное производство в Сергаче пришло в упадок. В «Переписной книге села Сергач 1679 года» упоминаются действовавшие майданы: «Можаровской», «Межной», «Мокринской» («Мирской»), вновь обустроенный на речке Березовке — «Березовской». Указываются пустые майданы: «Задней», «Кладбицкой», «Погореловской».

В 1678 г. по указу царя Федора Алексеевича с пустых майданов Сергача мастеровые люди переводились на новые будные майданы в Арзамасский уезд³⁴.

При четырех функционировавших майданах в Сергаче и его округе значилось 165 дворов крестьян и бобылей, общей численностью 440 чел., включая детей. На тех же майданах 20 дворов опустело, поскольку мастеровые люди по царскому указу направлялись на поташные промыслы в Арзамасский уезд. Некоторые будники самовольно покидали дворцовые промыслы. «А иные будники в бегах», — отмечают стольник И.Т. Елизаров и подьячий Н. Соболевский.

К концу 1670-х гг. на дворцовых поташных промыслах Сергача уже не значилось польских работников. Здесь трудились дворцовые крестьяне вместо оброка, «а корытники бывали по найму, их же крестьянские дети, а наем им дают из государевой казны из Сергачские выездные (съезжей. — Л.В.) избы»³⁵.

Таким образом, в конце 1660—1670-е гг. в состав дворцового хозяйства царя Алексея Михайловича входили промышленные заведения — поташные заводы сел Сергача и Шишковерди Нижегородского уезда, майданы Арзамасского уезда. Подневольный труд крестьян и бобылей в поташном производстве приносил хозяйству царя Алексея Михайловича немалые прибыли.

Примечания

1. Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века. М.-СПб. 2010, с. 3.
2. ПЕТРИКЕЕВ Д.И. Барщина на поташных предприятиях боярина Б.И. Морозова. В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И.И. Смирнова. Л. 1967, с. 239.
3. ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 12 томах. М. 2003, т. 9, с. 301; т. 12, с. 322.
4. Там же. М. 2002, т. 5, с. 361; т. 1, с. 329.
5. Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века, с. 11.
6. 1656 г., апреля 30. Царская грамота об освобождении Б.И. Морозова от пошлин за провоз поташа от Нижнего Новгорода до Архангельска. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. М.-Л. 1945, ч. 2, с. 62.
7. 1660 г., июня 6. Грамота Б.И. Морозова приказчику с. Сергача (Нижегородского уезда) А. Кучецкому с указаниями относительно майданной работы; о покупке лошадей для возки золы. Там же, с. 171.
8. 1659 г., ноября 4. Докладная выписка по челобитной и челобитная крестьян села Сергача деревни Ключевой [Нижегородского уезда] с жалобой на непосильность возложенных на них изделий и с просьбой о поверстании их в майданном деле против мурашкинских и лысковских крестьян. Там же, с. 84.
9. 1660 г., июня 6. Грамота Б.И. Морозова приказчику с. Сергача (Нижегородского уезда) А. Кучецкому... Там же, с. 170.
10. 1659 г., ноября 4. Докладная выписка по челобитной и челобитная крестьян села Сергача деревни Ключевой... Там же, с.83.
11. ПЕТРИКЕЕВ Д.И. Ук. соч., с. 242.
12. 1659 г., ноября 4. Докладная выписка по челобитной и челобитная крестьян села Сергача деревни Ключевой... Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, с. 84.
13. 1660 г., июня 6. Грамота Б.И. Морозова приказчику с. Сергача (Нижегородского уезда) А. Кучецкому... Там же, с. 171.
14. ПЕТРИКЕЕВ Д.И. Ук. соч., с. 244.
15. Отписная книга села Сергач и его деревень окольничего И.И. Чирикова 1667 года. Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века. М.-СПб. 2010, с. 29, 34.
16. Там же, с. 33.

17. Там же, с. 33.
18. Там же, с. 40.
19. БУГАНОВ В.И. Мир истории. Россия в XVII веке. М. 1989, с. 166.
20. ПЕТРИКЕЕВ Д.И. Ук. соч., с. 248.
21. Там же, с. 249.
22. Отписная книга села Сергач и его деревень окольничего И.И. Чирикова 1667 года..., с. 29.
23. ГОТЬЕ Ю. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. 1937, с. 222.
24. ПЕТРИКЕЕВ Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII века по материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. Л. 1967, с. 125.
25. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в. Археографический ежегодник за 1974 год. М. 1971, с. 140, 143.
26. КАМЕНЦЕВА Е.И., УСТЮГОВ Н.В. Русская метрология. М. 1975, с. 137.
27. 1656 г., апреля 30. Царская грамота об освобождении Б.И. Морозова от пошлин за провоз поташа от Нижнего Новгорода до Архангельска... Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, с. 62.
28. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Роспись земельных владений московского боярства 1647—1648 года. М. 1913, с. 8—9.
29. ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М. 1937, с. 28.
30. Там же, с. 130.
31. Ук. соч., с. 140.
32. Там же, с. 143.
33. Переписная книга села Сергач и его деревень стольника И.Т. Елизарова и подьячего Н. Соболевского. Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века. М.-СПб. 2010, с. 48.
34. Там же, с. 68.
35. Там же.

Галич Костромской в политике московских князей в 1389—1462 гг.

Л.В. Пашкова

Галич Костромской занимал важное место в деятельности великих князей владимирских и московских. В данной политике можно условно выделить два этапа: первая половина XIV в. (в это время Галич стал объектом великокняжеских интересов) и 1363 (изгнание из города местного князя Дмитрия) — 1450 гг. (завоевание его войсками Василия II). Характерная особенность первого периода заключается в относительно мирном характере подчинения этого княжества. Источники ничего не говорят о каких-либо военных действиях или вооруженных столкновениях за него. Более того, сведений, касающихся мер верховных правителей Руси по укреплению своих позиций в данном районе, очень немного. В.А. Кучкин, изучив псковские рукописи начала XIV в., заключает, что «при княжении во Владимире Михаила Ярославича Тверского Дмитровское и Галицкое княжества были поставлены в какую-то зависимость от великокняжеской власти». К такому выводу он пришел на основании того, что «галицко-дмитровские князья служили в богатом торговом Пскове в качестве наместников великого князя Владимирского»¹. Принимая приведенную точку зрения, можно сказать, что установление зависимости Галича осуществлялось на уровне междукняжеских отношений и, по-видимому, не сопровождалось никакими особыми осложнениями. Лучшим доказательством этого является выразительное молчание летописей.

Другое обстоятельство, по которому можно судить о попадании Галича в сферу московских интересов, — это женитьба сына Ивана Калиты Андрея на дочери местного князя Марии. К.А. Аверьянов полагает, что таким образом княжество стало «куплей», то есть фактически перешло под власть Москвы: «...под “куплей”... Галича следует понимать передачу тестем своему зятю приданого»². Этот факт лишний раз подчеркивает осторожность великих князей в налаживании связей с представителями данной династии. В описываемое время необходимо отметить именно эту черту, которая резко контрастирует с последующими событиями во второй половине XIV века. Таким образом, вероятно, еще при Иване Калите галицкие владетели были так или иначе поставлены в зависимое положение от Москвы.

Еще одно свидетельство возможного подчинения Галича московскому влиянию — это запись в Галицком Евангелии 1357 г., в котором указывалось, что оно было написано при втором сыне Ивана Даниловича — Иване Ивановиче Красном. Кучкин утверждает, что последний считался галицким правителем, поскольку был великим князем Владимирским. Следовательно, подытоживает историк, «князья московского дома владели Галичем еще до Дмитрия Донского». Хотя, как при этом было

Пашкова Людмила Владимировна — аспирант Липецкого государственного педагогического университета.

подчеркнуто, до его правления Галич сохранялся «как определенная территориальная единица. Никакого присоединения к Москве или Владимиру не произошло»³.

До 1363 г. отсутствовали условия для непосредственного слияния с Москвой столь обширных владений. Связано это было с тем, что ее правители, хотя и сохраняли за собой титул великих князей Владимирских, однако не закрепили еще данные земли как собственности. Поэтому другие русские княжества они стремились подчинить, воздерживаясь до времени от решительных шагов. Положение изменилось в годы правления Дмитрия Донского (1359—1389 гг.), который целенаправленно утверждал за собой и за своим потомством Владимирское княжество в качестве вотчины. В итоге сформировался другой взгляд на эту территорию и волости вообще, согласно которому стало возможно включать их в наследственный земельный комплекс.

В источниках сохранились известия о захвате Дмитрием Ивановичем Галича в 1363 году. Согласно Тверской летописи, «ходиша Московские Ивановичи, князь Дмитрий Андреевич, да князь Володимер на галицкого князя Дмитрея; и прогнаша его»⁴. О том же говорится в Рогожском летописце: «А Галичьскаго Дмитрея из Галича выгнали». Это происходило как раз в то время, когда Дмитрий Московский боролся с нижегородским князем за великое княжество Владимирское: «Князь Дмитрие Константинович приеха в град в Володимер и паки седе на велика княжениа с Володимеря, с своеи отчины, в его град в Суждаль... Тако же над Ростовским князем». Тогда же войско великого князя стояло «неколько днеи около Суждаля»⁵. Таким образом, овладение Галичем проходило в рамках великокняжеской политики Дмитрия Московского.

Бросается в глаза принципиальная смена подхода Москвы в связи с покорением этого княжества. На место гибких мер приходит его вооруженное подчинение. Причину следует искать в общеполитической ситуации на Руси: во второй половине XIV в. шел острый спор за статус главы русских земель, сопровождавшийся военными конфликтами.

Галич стал восприниматься как частная собственность великих князей. Так, Дмитрий Иванович пожаловал его своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому по договору 1372 г.: «...дал в оудел Галич, Дмитров с волостями»⁶. Подобное действие означает совершенно другое отношение к приобретенным землям, которые отныне воспринимались как объект для их превращения в личные владения.

Здесь следует констатировать новый подход в отношении Галичской земли, которая передавалась в качестве удела представителю боковой линии в княжеской семье. Но уже по завещанию 1389 г. Дмитрия Донского Галич достался второму его сыну Юрию. Говоря о такой перемене, нужно учитывать специфику ситуации в 1372 и 1389 годах. Первая половина 1370-х гг. — время борьбы за великокняжеский титул, тогда как к концу 1380-х гг. у Дмитрия Ивановича не было противников. Поэтому такой шаг в распоряжении Галичем можно увязать с тем, что в рассматриваемой духовной говорится о наделении старшего сына Василия великим княжеством Владимирским как вотчиной: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великимъ княженьем»⁷. Налицо стремление закрепить наиболее важные приобретения за прямым наследником. Эта цель со всей очевидностью проявляется на протяжении всего периода княжения Дмитрия Донского, однако по уже указанной причине отчетливо обнаруживается намного позже. Выделение же Галича князю Юрию, а не Василию — свидетельство сохранения семейного принципа в распределении уделов, когда каждый член получал свою долю в общем наследстве. Это означало, что старший наследник не становился обладателем безусловного преимущества перед остальными, несмотря на великокняжеский титул и владение Владимирской областью.

Однако Галич, скорее всего, не вошел в состав ни Московского, ни великого княжества. Так считает Кучкин, опираясь на следующее свидетельство уже упомянутого второго договора между Дмитрием Московским и Владимиром Серпуховским: «А рубежь Галичю и Дми... при Иванъ и при наших отцъхъ при великих князьхъ...»⁸, то есть Галичское княжество сохранило собственные границы.

В рассматриваемом завещании этот удел занимает особое положение. А.Е. Пресняков отмечал, что московский князь «устанавливал... качественную градацию между владением старшего сына... и его братьями». Историк подчеркивал, что в духовной «за первой ее частью, где исчерпано определение уделов четырех князей Дмитриевичей в московской отчине... следует особая часть грамоты, где находим благоговение старшего великим княжением, а трех младших — куплями их прадеда»⁹. И так, Галич вместе с Белоозером и Угличем упомянут в отдельной статье, поскольку оставался целостной территориальной единицей. Он обозначен здесь как «купля» Ивана Калиты. В исторической науке до сих пор не определено, что следует понимать под этим определением, однако несомненно одно: в первой половине XIV в. город зависел от Москвы.

Исследователи Л. Белов, В. Касторский, Н. Соколов отмечали, что в рассматриваемое время это был весьма развитый район: «Из того, что Галич был отдан второму из четырех сыновей Донского, можно сделать вывод, что тогда он по своей населенности и богатству занимал одно из первых мест среди городов великого княжества Московского». Впоследствии Василий I дал князю Юрию Дмитриевичу Вятку, что «значительно усилило людские и экономические ресурсы Галича»¹⁰.

Галич в политическом, военном и стратегическом отношении играл одну из ключевых ролей в ходе феодальной войны на Руси. Он, по замечанию А.А. Зимина, был хорошо защищен. Именно поэтому князь Юрий Дмитриевич избрал его местом для подготовки выступления против своего племянника Василия II за владимирский престол, причиной чему послужила, как отмечал тот же исследователь, слабость в военно-стратегическом отношении столицы галичского правителя Звенигорода, который «находился вблизи от Москвы, был слабо укреплен и соседил с Литвой...». Недостаток князь Юрий исправил тем, что «средоточием своих сил избрал более отдаленный и перспективный Галич, имевший к тому же довольно солидные крепостные сооружения». Именно здесь, в Галиче, он собирал войска для борьбы. Тут же для митрополита Фотия, как указывал Зимин, «решил устроить демонстрацию единения всего народа Галицкого княжества в поддержку их князя»¹¹.

Галич представлял собой серьезную угрозу для Москвы, поэтому вооруженные силы московского князя совершили поход на него зимой 1433—1434 гг., когда «войска князя Василия Васильевича “повоеваша и пожже” посад Галича и окрестные селения»¹². Кампания была важна для его политики по подчинению уделов, но город взять не удалось.

Галич занимал центральное место в борьбе удельных князей с Василием II. С.В. Алексеева обращает внимание на то, что «ополчение галичан продолжало оставаться наиболее верной опорой Дмитрия Шемяки» и что Галич стал убежищем для этого князя в 1446 г.: «К концу 40-х годов XV в. Галич оказался единственным пристанищем Дмитрия Шемяки»¹³.

Битва за Галич в 1450 г. была решающим сражением, которое окончательно предопределило победу Василия II. В связи с тем, что это был достаточно сильный город, «великокняжеские войска либо не смогли, либо не захотели брать неприступный Галич штурмом». Однако московские полки одержали победу, которую Алексеева оценивает следующим образом: «Падение Галича в январе 1450 г. определило победителя в более чем двадцатилетней междоусобной войне, которая велась в Северо-Восточной Руси»¹⁴. Белов, Касторский, Соколов подчеркивали, что «Галич и его земли с 1450 года прочно и уже окончательно вошли в состав московских владений под названием Галичского уезда». А так как эта область была полностью включена в Московское княжество, то «с этого времени Галич стал управляться наместниками великого князя московского»¹⁵.

Галичское княжество стало объектом великокняжеской московской политики и оказалось в центре важных событий конца XIV — первой половины XV века. Это доказывает, что в изучаемое время — время объединения Руси — самостоятельные или даже полунезависимые уделы могли оказывать существенное влияние на общеполитическую ситуацию.

Примечания

1. КУЧКИН В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М. 1984, с. 244.
2. АВЕРЬЯНОВ К.А. Купли Ивана Калиты. М. 2001, с. 158.
3. КУЧКИН В.А. Ук. соч, с. 252.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. М. 2000, с. 428.
5. Там же. Т. XV. Рогожский летописец. М. 2000, с. 74.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 7, с. 23.
7. Там же, № 12, с. 34.
8. Там же. № 7, с. 23.
9. ПРЕСНЯКОВ А.Е. Образование Великорусского государства. М. 1998, с. 113.
10. БЕЛОВ Л., КАСТОРСКИЙ В., СОКОЛОВ Н. Галич. Кострома. 1959, с. 13.
11. ЗИМИН А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М. 1991, с. 18, 33, 35.
12. БЕЛОВ Л., КАСТОРСКИЙ В., СОКОЛОВ Н. Ук. соч, с. 15.
13. АЛЕКСЕЕВА С.В. Региональные особенности развития Руси в княжеских уособицах второй четверти XV в. История Галича Мерьского и Галичской земли. — Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб. 2010, с. 116—117.
14. Там же, с. 119, 120.
15. БЕЛОВ Л., КАСТОРСКИЙ В., СОКОЛОВ Н. Ук. соч., с. 16.

Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX — начале XX в.

Р.И. Газимагомедов

После поражения горцев в Кавказской войне (1817—1864) мусульмане края долгие годы испытывали к русским недоверие и неприязнь. От колониальных властей требовалось «установление честной администрации»¹, способной проводить более взвешенную и адаптированную политику, чтобы завоевать доверие новых соотечественников и привлечь их в российское правовое пространство. Российская колониальная администрация должна была создать условия, чтобы «включить мусульман — пусть на правах “младшего брата” — в российское общество», адаптировать национальные и религиозные элиты к новым политико-правовым условиям, наладить с ними устойчивые отношения, особенно с духовенством².

В конфессиональной политике на мусульманском Кавказе царское правительство старалось учесть ряд факторов: религиозные различия между шиитами и суннитами, исторически сложившиеся на Кавказе; предрасположенность к религиозному фанатизму в горных округах Дагестанской области, ранее входивших в имамат Шамиля и служивших плацдармом войны, источником людских ресурсов для ее ведения; сложную этноконфессиональную ситуацию во второй половине XIX — начале XX в., создававшую препятствия в достижении государственной стабильности после прекращения противостояния непримиримых сторонников газавата (священной войны) против России³.

В среде царских чиновников и военного руководства сформировались две точки зрения на характер и методы проведения религиозной политики на Кавказе. Более трезвые и дальновидные российские политики выступали за покровительство российского правительства мусульманской вере, а те, кто опасался религиозного фанатизма горцев и считал мусульман потенциальными врагами России, выступал против⁴.

Сторонники второй точки зрения своими непродуманными действиями настроивали мусульман против России. Например, наместник Кавказа А. Ермолов запретил совершать паломничество — хадж в Мекку, и о нем осталось мнение как о противнике мусульман. Последующие наместники старались не повторять ошибок своих предшественников. В период правления М.С. Воронцова (1844—1855) были предприняты некоторые усилия для изучения ислама и специфики социально-экономического, культурного и религиозного развития мусульманских народов Кавказа. Он требовал от военных и чиновников администраций осторожного отношения к религиозным чувствам мусульман и выступал за разбор судебных дел как по обычаям — адатам, так и

Газимагомедов Рамазан Ибакович — соискатель Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

по мусульманскому праву — шариату⁵. Чтобы ознакомить с ситуацией на Кавказе правительственных чиновников, администрацию, военных и облегчить управление краем, известный востоковед, начальник Каспийской области барон Николай Торнау подготовил две работы по исламу. Он отмечал, что на преданность мусульманских подданных рассчитывать можно лишь при условии, если требования правительства и органов его органов не будут затрагивать их религиозных понятий и противоречить законам шариата⁶.

Последующие за Воронцовым наместники Кавказа А.И. Бяргинский (1856—1862), князь Михаил Николаевич (1862—1883), а после упразднения Наместничества Главноначальствующие гражданской частью на Кавказе, которым подчинялись военные губернаторы и начальники Дагестанской области старались учитывать религиозные и национальные особенности местных жителей. На вновь присоединенных землях они старались управлять, прежде всего, опираясь на местную феодальную и духовную элиту. В ознакомлении чиновников царской администрации с особенностями жизни мусульман не последнюю роль играли донесения военных, служивших в Дагестане. Командующий царскими войсками в укреплении Темир-Хан-Шура (будущая столица Дагестанской области) 19 января 1856 г. писал управляющему гражданской частью Кавказа в Тифлисе о необходимости предоставления «магометанам» права разбирать все споры и тяжбы именно по шариату. «При таком порядке, — говорилось в письме царского чиновника, — шариатом решалось множество споров и тяжб всякого рода между мусульманами...»⁷. Бяргинский не без основания считал, что «в мусульманском населении самый враждебный нам [России] элемент есть духовенство»⁸. Поэтому колониальные власти решили прежде всего приручить духовную элиту, создавая подконтрольное себе, зарегистрированное мусульманское духовенство, получившее в специальной литературе название «указного» или «официального». До создания российской администрации в Дагестане (1860) избранные мусульманскими общинами духовные главы — кадии и муллы — стали утверждаться в должностях военными. Первыми стали утверждать духовенство шиитов и суннитов города Дербента и близлежащих населенных пунктов, так как они раньше всех присягнули России⁹. После образования Дагестанской области в 1860 г. и создания областной администрации избранные общинами кадии и муллы по представлению начальников округов стали утверждаться в должностях Военного губернатора (начальником) области. Кадии были представлены и в новой судебной системе, введенной в Дагестанской области 5 апреля 1860 г. по «Положению об управлении Дагестанской областью». Суд вершили «по адату и шариату и по правилам, постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности»¹⁰. Для коренных жителей области были созданы дагестанский «народный» суд, окружные и сельские суды. Помимо «именитых и сведущих туземцев», знатоков адатов в дагестанский «народный» суд входили два кадия, знатоки шариата, а в окружные суды — по одному кадию. Сельский кадий тоже избирался сельским обществом и утверждался администрацией¹¹.

По мере укрепления колониальной власти во второй половине XIX — начале XX в. члены всех судебных инстанций — суннитские кадии и муллы — проходили испытания в Дагестанском «народном» суде, а кадии шиитов — в Закавказском шиитском духовном управлении, расположенном в Тифлисе. После сдачи экзамена кадии получали аттестат, позволяющий им занимать должности. Предварительно они давали подписку о том, что являются русскоподданными, лояльны русской власти и не принадлежат к запрещенному правительством течению ислама — «юридизму»¹². В конце XIX — начале XX в. в каждом населенном пункте Дагестанской области (их было примерно 1700) имелись один-два зарегистрированных и утвержденных властями духовных лица. Кадии дагестанского «народного» и окружных судов, главный кадий шиитов города Дербента получали 350, 250 и 200 руб. соответственно, что побуждало духовенство к конкуренции, а власть имела возможность устранять неугодных и привлекать более надежных лиц¹³.

По «Положению об управлении Закавказского мусульманского духовенства» от 5 апреля 1872 г. последователь суфизма не мог «принадлежать к приходскому (мечетскому) духовенству»¹⁴. Царская администрация рассматривала суфиев в качестве противников русской власти и, соответственно, преследовала, за что местные мусульма-

не стали считать их мучениками за ислам. По мнению исследователя Ш.Ш. Шихалиева, в послешамилевский период российские власти однозначно негативно относились к суфизму, в свою очередь, в лице царского режима многие суфийские шейхи стали видеть главное препятствие распространению своего учения¹⁵.

Многие царские чиновники на Кавказе суфизм называли «мюридизмом», а последователей суфизма — «сектой зикра», «партией мятежников», совершавших набеги на русские военные гарнизоны, расквартированные в Дагестане. В своем «Отношении» военному министру Д. Милютину от 23 января 1864 г. наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич писал следующее: «Зикр секта существует безвременно, служит в руках злонамеренных людей к возбуждению фанатизма, соединению мусульман в одно организованное целое с целью низвержения русского владычества и имеет политический характер»¹⁶. Отдельные военные и чиновники на Кавказе использовали более правильные названия течений ислама. Например, князь Чавчавадзе в обращении к наместнику Кавказа 17 июля 1898 г. писал о том, что в пределах Дагестанской области появилось и получило распространение «учение тариката»¹⁷, то есть суфийского братства. Несмотря на разделение властями духовенства на лояльное и враждебное, и то и другое активно участвовало во всех локальных антиколониальных выступлениях в Дагестанской области, произошедших во второй половине XIX — начале XX века¹⁸.

«Официальное» духовенство на ранее покоренных Россией мусульманских территориях подчинялось духовным управлениям, призванным регистрировать выборных духовных лиц, следить за их работой, принимать у них испытания и выдавать аттестат. Особенность конфессиональной политики царизма на Северном Кавказе и в Дагестане заключалась в том, что российское государство не оформило здесь институты управления мусульманами в форме духовных управлений. «Официальное» духовенство суннитов Дагестанской области формально подчинялось Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а шииты Южного Дагестана — Закавказскому духовному управлению. В случае возникновения недоразумений по вопросам прохождения испытания, мусульмане Кавказа обращались напрямую в Закавказское духовное управление и даже в Главное управление наместника Кавказа¹⁹. Понимая, что любые контакты духовенства на таком расстоянии нереальны, областные власти рекомендовали местному духовенству обращаться со спорными вопросами в дагестанский «народный» суд. Вопрос об учреждении Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана затянулся до свержения самодержавия в 1917 году²⁰.

Паломничество в Мекку является одним из пяти «столпов» ислама. Немногие мусульмане Дагестана могли позволить себе совершить хадж, что было связано не только с дальностью, но и с большими трудностями, встречающимися на пути паломников. Тем не менее, паломничество не прекращалось ни в годы Кавказской войны, ни после нее. После Кавказской войны, царская администрация начала выдавливать наиболее активную и оппозиционно настроенную часть мусульман Северного Кавказа в Османскую империю. Некоторые мусульмане покидали Родину семьями, надеясь найти в Турции лучшую жизнь вдали от христиан-завоевателей. Отмечены случаи, когда десятки мусульман, совершив паломничество, потом оставались в Турции, пополняя ряды мухаджиров (переселенцев). По разным оценкам, во второй половине XIX — начале XX в. только из Дагестана в Турцию эмигрировало около 20 тыс. семей²¹. Эмиграцию не приостановило и циркулярное распоряжение МВД России от 17 августа 1865 г., запретившее выдавать заграничные паспорта целым семьям и отдельным лицам без уважительных на то причин. Для выезда мусульман Кавказа за границу и для паломничества стали требовать разрешение МВД. Возмущение мусульман и заверения местных чиновников о том, что «паломничество не причиняет никакого вреда», привели вскоре к появлению другого циркуляра, смягчившего режим выезда за границу. Право выдавать разрешение на паломничество перешло к военным губернаторам²². Распоряжение № 233 военного губернатора Дагестанской области от 8 января 1897 г. запрещало выезд на паломничество лиц, не достигших 50-летнего возраста²³. Вышеупомянутые распоряжения, как и многие другие, в Дагестанской области постоянно нарушались. Желаящие эмигрировать в Турцию или совершить паломничество в Мекку находили иные пути перемещения, нежели те, что были намечены правительством.

Понимая, что запрещать мусульманам совершать паломничество непрактично и недальновидно, власти стали помогать им решать множество связанных с паломничеством юридических, экономических, транспортных и медицинских проблем, чего не делалось прежде. В частности, 12 мая 1909 г. правительственной «Комиссией о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою» были приняты новые «Правила перевозки на судах паломников-мусульман, направляющихся из черноморских портов в Хеджас и обратно». Согласно новым правилам, паломничество можно было совершать в указанных черноморских портах и на судах, получивших специальное разрешение властей перевозить людей. Суда должны были соответствовать санитарным требованиям и иметь врачей из расчета один судовой врач на 1000 человек²⁴. Паломников сопровождал врач из числа мусульман²⁵. Возвращающиеся паломники подвергались врачебному осмотру там же, в портах. Царская администрация отслеживала пути передвижения и настроения мусульман, опасаясь, что паломники, восприняв идеи панисламизма, станут разжигать антирусские настроения среди земляков²⁶. Циркуляр министра внутренних дел Российской империи Д. Сипягина от 18 мая 1901 г. за № 1159 требовал от военных губернаторов областей Кавказа соблюдать установленные для паломников квоты и правила выезда, выдачи паспортов и создавать для них более приемлемые условия на пунктах скопления²⁷.

В разных источниках мы выявили до десяти случаев совершения хаджа дагестанцами во второй половине XIX — начале XX века. В 1864 г. хадж совершил Гаджи Рамазан из селения Штул Кюринского округа. В дальнейшем он стал наиболее уважаемым среди мусульман в округе. В 1890 г. паломничество совершил житель селения Гимры Аварского округа Раджабилав Алимагома-оглы, что добавило к его имени почтительное звание «хаджи»²⁸. Число паломников из Дагестанской области увеличилось в начале XX в., что свидетельствовало о более выгодных условиях передвижения, созданных царским правительством. По данным Бакинского жандармского управления, в 1911 г. из Дагестанской области совершили хадж 900—1000 мусульман, что на 400 человек больше, чем в 1910 году²⁹. Какое количество паломников не вернулось на Родину, источник не сообщает.

Мечети в жизни мусульман Дагестана играли важную роль. Они были не только местом богослужения и исполнения религиозных обрядов, но и средоточием культурной жизни общины-джамаата и центрами исламского образования. Здесь обсуждались и решались наиболее важные вопросы жизни общины³⁰. Поэтому строительство мечетей в Дагестане царская администрация никогда не запрещала, понимая, что подобные действия имели бы для нее «неприятные... и гибельные последствия»³¹. Чтобы построить новую или расширить старую мечеть, требовалось официальное разрешение властей. Действовавший еще с 17 января 1830 г. для вновь строящихся мечетей образцовый план, разработанный Министерством внутренних дел, в Дагестане не работал и в начале XX в., потому что мечети строили там по решению самой мусульманской общины, и власти тому не препятствовали. Другое распоряжение департамента Главного управления наместника на Кавказе от 1877—1878 гг., запрещавшее близ мечетей в Дагестанской области открывать питейные заведения, военные вынуждены были не нарушать и в крепости Гуниб, где размещался военный гарнизон³². Ранее существовал запрет открывать питейные заведения вблизи православных церквей, и власти продублировали этот закон в отношении мечетей. Вышеупомянутое распоряжение появилось в разгар очередной русско-турецкой войны и вспыхнувшего в Дагестанской области антиколониального восстания 1877 года. В эти годы в ряде округов и обществ Нагорного Дагестана усилились антирусские и протурецкие настроения, и власти вынуждены были на это отреагировать.

По числу мечетей и моленных домов Дагестан всегда занимал лидирующие позиции на Северном Кавказе. Согласно отчету начальника Дагестанской области, в 1861 г. в Дагестане было 1628 мечетей³³. Их количество увеличивалось с каждым годом. В 1913 г. царская власть зафиксировала в Дагестанской области не менее 2062 квартальных и пятничных мечетей. Также функционировали 35 шиитских мечетей в Южном Дагестане³⁴.

При каждой пятничной мечети открывались мусульманские школы — мектебы и медресе. Они в руках мусульманского духовенства были сильным оружием, что

признавали и царские чиновники. В отчете за 1869 г. военный губернатор Дагестанской области писал, что «самым главным оружием, которым мусульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ, бесспорно, служат мечетские школы мектебы и медресе»³⁵. В циркулярах по управлению Кавказским учебным округом за 1870—1873 гг. подчеркивалось, что «мусульманские школы не имеют никакого цивилизирующего значения и составляют свой отдельный, совершенно замкнутый и недоступный наблюдению не принадлежащих к поклонникам Магомета мир»³⁶. Главными причинами такой «костности» и «замкнутости» мусульманских школ в Дагестанской области были: невежественность и низкий уровень подготовки большинства их организаторов, опасавшихся всего новаторского и светского (русского); запоздавшее проникновение реформаторских идей в мусульманские школы края; отсутствие контроля за учебными программами школ и уровнем знаний мусульманского духовенства со стороны Духовного управления и светской власти.

Согласно «Положению о Кавказском учебном округе от 1848 года», формально мусульманские школы Дагестанской области находились в подчинении дирекции народных училищ Закавказского края, расположенной в Тифлисе. Соответственно за дальностью расстояния до курирующей организации мусульманские школы в Дагестанской области реального контроля за собой не чувствовали, а местные чиновники не мешали духовенству, как организатору этих школ, в силу многовековых традиций. Лишь несколько мектебов, функционировавших при мечетях Дербента и Темир-Хан-Шуры, были под контролем полиции. Местная администрация должна была доносить вышестоящим властям о пропагандистской деятельности духовенства³⁷. Последующие распоряжения Государственного Совета от 22 ноября 1873 г., циркулярное предложение попечителя Кавказского учебного округа от 2 марта 1877 г. за № 372 и распоряжения наместника Кавказа не внесли ясность в вопрос о том, у кого и каким образом мусульманские школы в Дагестанской области, исключительно «занимающиеся изучением Корана, имеющие чисто религиозное значение»³⁸, должны были находиться в подчинении.

Мусульманских школ в Дагестанской области было не меньше, чем в других уголках Кавказа. По официальным данным, в 1892 г. в Дагестане насчитывалось 646 мусульманских школ с 4306 учащимися. В 1913 г. в Дагестанской области функционировали 700 мектебов и медресе³⁹, а в 1914 г. их число увеличилось до 860⁴⁰. Думаем, что мусульманских школ в начале XX в. было больше. Чиновники из числа местных жителей давали в вышестоящие органы власти искаженные сведения, стараясь избежать возможной волокиты из-за усилившегося надзора царской власти за мусульманским движением на Кавказе в целом.

Христианизация вновь присоединенных мусульман являлась составной частью конфессиональной политики российского правительства. Как «первенствующая и господствующая», РПЦ имела право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев принять «ее учение о вере». Государство поощряло миссионерскую деятельность РПЦ, являющуюся частью религиозной политики царского правительства⁴¹. Обращению нехристиан, в том числе и мусульман Кавказа, в православие важное значение придавало «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», учрежденное в 1860 г. в Тифлисе⁴². По нашим данным, в первые полтора десятка лет своей деятельности «Общество ...» работало неэффективно, о чем свидетельствуют ходатайства и обращения Кавказского епископа Феофелакта к высшим чинам империи и Кавказского наместничества. Судя по его письмам, миссионеров было немного, деятельность РПЦ на Северном Кавказе была очень слабой, а об обращении в христианство мусульман Дагестанской области в них вообще не упоминалось.

Выявленные нами факты обращения мусульман Дагестана в православие прямого отношения к деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе» не имели. В ходатайстве члену управления делами Совета «Общества ...» графу В.В. Левашову от 7 декабря 1866 г. епископ жаловался на то, что «Северный Кавказ как бы исключен из круга деятельности “Общества восстановления христианства”». Здесь же епископ предлагал «учредить на Северном Кавказе хоть небольшие миссионерские отделения» РПЦ, так как «Общество ...» «лишается даже собственных средств, собираемые каждый год 500 рублей». В другом ходатайстве к графу Левашо-

ву от 20 января 1867 г. епископ Феофелакт просит «материальные пособия направить духовным учебным заведениям Северного Кавказа, для чего собраться в Ставрополе заинтересованным лицам». Положение «Общества...» не улучшилось и в начале 70-х гг. XIX века. В его документах за 1873 г. духовные чины РПЦ на Кавказе предлагали объединить усилия всего православного духовенства для активизации миссионерской деятельности на Северном Кавказе и собираться на съезды раз в месяц ⁴³. Материальное положение «Общества ...» немного улучшилось в 80-е гг. XIX в., что свидетельствует «о государственном статусе христианизации Кавказа». В 1885 г. на различного рода мероприятия «Общества ...» «были выделены 182,5 тыс. рублей, а священники РПЦ на Кавказе получали от 200 до 300 рублей жалованья» ⁴⁴. Просуществовав до 1917 г., «Общество ...», тем не менее, не смогло «вернуть прежние весьма широкие параметры исповедания христианства в среде горских народов» ⁴⁵.

В различных источниках, в основном в архивных документах, мы выявили до десяти случаев попыток перехода мусульман-дагестанцев в православие. Отсутствие достоверных данных не дает нам возможности установить, принял мусульманин православие или нет. Самым важным источником изучения этого вопроса является переписка русских военных, чиновников и священников, служивших на Кавказе. В записке Командующего войсками и управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае исполняющему обязанности директора канцелярии наместника Кавказа от 9 июля 1856 г. с удовлетворением сообщалось о том, что из 38 мусульман из Прикаспийского края, сосланных во внутренние губернии империи на пять лет «за принятие и распространение учения мюридизма», четверо «обратились в православие и водворены в России» ⁴⁶. Анкетных данных новообращенных христиан и других подробностей документ не содержит.

Судя по переписке царской администрации в Дагестанской области от 18 июня 1875 г., православие пыталась принять некая вдова Нубат Эскендер-кизы из селения Кадар Темир-Хан-Шурина округа. Такую же попытку предпринял в 1882 г. и 17-летний житель селения Ишкарты Темир-Хан-Шурина округа Насрулла Муртузали-оглы. В течение некоторого времени он ходил готовиться к принятию христианства к Василию Глаголеву, священнику Свято-Троицкой церкви 81-го пехотного Апшеронского полка, расположенного в столице Дагестанской области городе Темир-Хан-Шуре. Вскоре молодой человек без объяснений перестал ходить к священнику, и «таинство крещения» для него так и не было совершено ⁴⁷. Переписка на этом прерывается, и невозможно выяснить, принял Насрулла православие или нет. Возможно, в последние дни под давлением или по каким-либо другим причинам сменить веру он отказался.

В качестве причин, побудивших отдельных мусульман сменить религию, смело можно назвать неблагоприятные социальные условия и семейные проблемы. Об этом свидетельствует случай принятия православия в 1875 г. неким Али Баммат-оглы из селения Карабудахкент Темир-Хан-Шурина округа. Свое желание сменить веру он объяснял тем, что, когда ему было 7 лет, отец выгнал мать из дома, и это вынудило его с детства зарабатывать себе на жизнь: «Насущный хлеб я зарабатывал у православных, кушал православный кусок хлеба, и потому я, Али Баммат-оглы, желаю принять православие Иисуса Христа». В заявлении властям Али жаловался на то, что отчим его ненавидит и хочет убить, так как он обрусел и желает принять православие. За неграмотного Али Баммат-оглы письмо написал русский чиновник, а тот лишь заверил его своей подписью. Начальник Темир-Хан-Шурина округа полковник князь Бебутов обещал ему покровительство. 2 июня 1875 г. священник православной Троицкой церкви города Темир-Хан-Шуры провел обряд крещения Али Баммат-оглы и дал ему имя Александра. Крестным отцом его стал купец 2-й гильдии из города Порт-Петровска Дагестанской области Иван Попов ⁴⁸.

Случаи принятия мусульманами православия имели место и на рубеже XIX—XX веков. Неизвестный царский чиновник, служивший в Дагестанской области не позже 1900 г., писал о том, что из 100 высланных во внутренние губернии Российской империи дагестанцев «некоторые приняли христианство», и этот случай он называет «замечательным» ⁴⁹.

К принятию христианства мусульман Дагестана могло подтолкнуть и их долгое проживание среди русских во время высылки за уголовные или политические преступления. Житель селения Кумух Кази-Кумухского округа Дагестанской области 20-летний Абдулла Абдуллатип-оглы, который тоже по какой-то причине оказался во внутренней губернии империи, 22 марта 1909 г. принял православие и в крещении был наречен Стефаном. Обряд крещения провел настоятель Вознесенской церкви села Малой Товмачки Бердянского уезда Таврической губернии Павел Балабанов⁵⁰.

Крестянин Адиль-Гирей Тохтар-оглы из дагестанского аула Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа тоже принял православие в Тульском уезде. 22 апреля 1909 г. священник села Ивиц Одоевского уезда Тульской епархии Николай Соколов провел обряд крещения и дал ему имя Александр Сергеевич⁵¹. Некоторые исследователи полагают, что даже единичные случаи принятия христианства дагестанскими мусульманами побуждали фанатично настроенных единоверцев к эмиграции в Турцию⁵².

Новообращенные христиане, скорее всего, скрывали от своих родных и знакомых смену вероисповедания, а разочаровавшиеся в новой вере просто переставали выполнять христианские обряды. Вышеприведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что мусульман Дагестана, принявших христианство, было немного. Какого-либо административного давления со стороны властей на мусульман, пожелавших принять христианство, мы не обнаружили. Если и были попытки христианизации горцев Дагестана, предпринятые царской администрацией и миссионерами из РПЦ на Кавказе, то они провалились⁵³.

Распространенное среди некоторых зарубежных ученых мнение о том, что политика Российской империи на мусульманском Кавказе являлась «антиисламской и грозила кавказским народам потерей самобытности»⁵⁴, нельзя считать единственно верным. Как и всякая колониальная власть, российская администрация на вновь присоединенных территориях распространяла свое влияние и проводила реформы, способствовавшие вовлечению новых соотечественников в правовое поле империи. Для того чтобы облегчить себе задачу, власти искали опору у духовной элиты Дагестана, из которой формировали «официальное» духовенство, «указных» кадиев и мулл. Именно через них власть вначале старалась влиять на умы новых соотечественников, а потом, по мере укрепления своей власти, создавала необходимые инструменты налаживания контроля над всеми институтами ислама и общества в целом. Как показала история взаимоотношений России и Дагестана, от совместного проживания никто не проиграл. Новые подданные получили сильную и влиятельную власть, способную прекратить феодальные усобицы и конфликты, а также гарантии от иностранного вмешательства. Дальновидные имперские политики и администраторы на Кавказе выступали за создание здесь условий, которые бы улучшили уровень социально-экономического и культурного развития региона, приобщив мусульман к русскому и европейскому образованию и культуре. При этом российские власти не запрещали мусульманам получать религиозное образование, исполнять религиозные обряды, строить молитвенные дома, совершать паломничество-хадж. Они преследовали суфийские тарикаты (братства) и их духовных вождей-шейхов, в которых видели радикальных исламистов и противников России.

Примечания

1. МУХАНОВ В.М., ЗАПАЛЬСКИЙ Г.М. Письма императора Александра II князю А.И. Бярятинскому (1857—1864 гг.). — Вопросы истории. 2006, № 12, с. 134.
2. МАЛАЗЕНКО А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М. 2011, с. 35.
3. МАТВЕЕВ В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Армавир-Ростов-на-Дону. 2004, с. 8.
4. БАБИЧ И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. — Научная мысль Кавказа. 2009, № 1, с. 74—75.
5. ЭСАДЗЕ С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис. 1907, с. 111.
6. ТОРНАУ Н. Особенности мусульманского права. СПб. 1892, с. 85; ЕГО ЖЕ. Изложение начал мусульманского законодательства. Репр. издание. М. 1991.
7. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 10.
8. АРАПОВ Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М. 2004, с. 127—128.

9. ЦГА РД, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 9—9об.; ф. 15, оп. 4, л. 110, л. 1—14.
10. Акты кавказской археографической комиссии (АКАК). 1904, т. XII, с. 435.
11. История народов Северного Кавказа. М. 1988, с. 281—282; МУСАЕВ М.А. Дагестанское духовенство 60—70-х годов XIX века и восстание 1877 года. Дис. канд. ист. наук. Махачкала. 2003, с. 16.
12. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 236, л. 19.
13. БОБРОВНИКОВ В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. 2002, с. 160—161; ГАСАНОВ М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала. 1999, с. 201.
14. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М. 2001, с. 165.
15. ШИХАЛИЕВ Ш.Ш. Суфизм и власть в Дагестане в XIX—XX вв.
16. Национальный архив Республики Грузия (НА РГ), ф. 229, оп. 29, д. 1001, л. 5—6; ф. 416, оп. 3, д. 617, л. 3.
17. Там же, ф. 229, оп. 2, д. 903, л. 14.
18. МУСАЕВ М.А. Практика подавления локальных вооруженных выступлений на Северо-Восточном Кавказе (на примере Кайтагского восстания 1866 г.). — Вестник военного университета. 2011, № 3 (27), с. 145.
19. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР), ф. 290, оп. 1, д. 124, л. 48.
20. ТАХО-ГОДИ А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала. 1927, с. 20.
21. МАГОМЕДДАЕВ А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (Документы и материалы). Махачкала. 2000, с. 86—372.
22. Документы по русской политике в Закавказье. Баку. 1920, с. 107—108.
23. ЦГА РД, ф. 15, оп. 1, д. 71, л. 84.
24. Ислам в законодательстве России. 1554—1929 гг. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России: учебное пособие для студентов исторического и юридического факультетов. Уфа. 1998, с. 68—69.
25. Записки Терского медицинского общества. Владикавказ. 1901, с. 104.
26. Исламская община Кавказа по документам Грузинских архивов. 1800—1917 гг. Тбилиси. 2013, с. 476—477.
27. ЦГА РД, ф. 15, оп. 1, д. 71, л. 25—25об.
28. НА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 696, л. 3; ф. 229, оп. 2, д. 2090, л. 3.
29. Исламская община Кавказа по документам Грузинских архивов..., с. 476—477.
30. СУЛАЕВ И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917—1991 гг.). Махачкала. 2009, с. 176.
31. АКАК. Т. X, 1885, с. 228
32. ЦГА РД, ф. 126, оп. 2, д. 26, л. 8—8об.
33. ХАШАЕВ Х.-М.О. Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала. 1956, с. 10.
34. Дагестанской АССР — 50 лет. Статистический сборник. Махачкала. 1967, с. 27.
35. Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 год. Темир-Хан-Шура. 1869, с. 71.
36. ОМАРОВ А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX — начале XX в. Махачкала. 2004, с. 315.
37. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала. 1989, с. 91.
38. Исламская община Кавказа по документам Грузинских архивов. 1800—1917 гг., с. 414—415.
39. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура. 1914, с. 59.
40. Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала. 1932, с. 59.
41. КУМΠΑН Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи во второй пол. XIX — начале XX в. и ее реализация в Северо-Западном Кавказе. 1861—1917 гг. Дис. канд. ист. наук. Краснодар. 2005, с. 45.
42. ОМАРОВ А.И. Ук. соч., с. 324; МУСАЕВ М.А. Попытки христианизации дагестанцев как один из методов уменьшения влияния ислама и упрочения позиций Российской империи на Кавказе в середине XIX века. — Научные проблемы гуманитарных исследований. Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. Научно-теоретический журнал. 2006, № 1, с. 83.
43. НА РГ, ф. 493, оп. 1, д. 157, л. 1—1об., 2, 3об.; д. 220, л. 14об.
44. МУСАЕВ М.А. Ук. соч., с. 83.
45. МАТВЕЕВ В.А. Ук. соч., с. 12.
46. ЦГА РД, ф. 3, оп. 1, д. 47, л. 4—5.
47. Там же, ф. 126, оп. 1, д. 53, л. 1—1об.; оп. 3, д. 103, л. 2, 9.
48. Там же, д. 90, л. 1—1об., 4—4об.
49. «Мюридизм и секта Зикра». НА РГ, ф. 229, оп. 29, д. 1001, л. 11.
50. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 48, л. 4.
51. Там же, л. 8—8об.
52. МАГОМЕДДАЕВ А.М. Ук. соч., с. 267.
53. МАЛАШЕНКО А.В. Ук. соч., с. 25.
54. МОШЕ ГАММЕР. Шамил. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 73.

S.V. LYUBICHANKOVSKIY. *Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century*. Lewiston-New-York. The Edwin Mellen Press. 2014. 90 p.

С.В. ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ. *Становление и развитие неформальных объединений уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв.* Левинстон-Нью-Йорк. 2014. 90 с.

Монография доктора исторических наук, профессора Оренбургского государственного педагогического университета Сергея Валентиновича Любичанковского опубликована на английском языке известным академическим издательством «The Edwin Mellen Press», специализирующемся на выпуске книг в области гуманитарных и общественных наук.

В книге предлагается рассмотреть становление и развитие корпоративизма в среде уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX в. с помощью анализа нелегальных и легальных механизмов отстаивания своих интересов.

В первой главе анализируется коррупционная составляющая корпоративной самоорганизации уральского чиновничества в конце XIX — начале XX в. на основе пересмотра данных официальной статистики должностных преступлений и реализации принципа «административной гарантии». Вторая глава посвящена проектам и попыткам легальной корпоративной самоорганизации уральского чиновничества в этот период: создания собственных легальных корпоративных организаций, а также «чиновничьих клубов» на Урале. В третьей главе мы находим ответ на вопрос: являлась ли активизация процессов корпоративизма местного чиновничества уникальной особенностью уральского региона или же подобное явление было характерно и для других территорий поздней имперской России?

Любичанковский на основе анализа более девяти тысяч судебных и административных журналов общих присутствий Вятского, Оренбургского, Пермского и Уфимского губернских правлений за 1892—1914 гг. приходит к выводу о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода имело место стабильное преимущественное недопущение до суда дел, заведенных на полицейское руководство. Используемые в работе архивные документы подтверждают выводы автора, что по отношению к полицейским чиновникам, вина которых была доказана, но которые при этом не были отданы под суд, имела место практика формализации наказания.

В рецензируемой монографии тщательно исследуется тот механизм, который обеспечивал значительную зависимость общей полиции от губернских правлений. Каждый чиновник на иерархической лестнице, являясь полновластным господином подчиненного, был одновременно бесправным слугой своего непосредственного начальника.

И можно согласиться с выводом автора, что если применительно к концу XIX в. можно говорить о наличии лишь отдельных элементов неформального объединения губернского чиновничества, то применительно к периоду поздней имперской России (the Late Imperial period) — о становлении коррупционного неформального объединения как системы.

Любичанковский, анализируя годовое жалавание должностных лиц губернского прав-

ления и документы, содержащие сведения о материальном положении губернских чиновников, отмечает, что они не соответствовали реалиям жизни. Приводимые в книге материалы из журнала «Вестник чиновника» подтверждают тот факт, что государственные служащие получали низкое жалованье.

Следует особо подчеркнуть, что автор монографии, исследовав примерный бюджет уральского губернского чиновника за 1894—1896, 1902—1904, а также 1910—1912 гг., показал, что в исследуемый период материальное положение служащих губернских администраций неуклонно и планомерно ухудшалось, причем большая группа чиновников оказалась ниже черты прожиточного минимума. По утверждению автора, такая ситуация не могла не провоцировать желания создать какие-то собственные легальные корпоративные организации профсоюзного типа для срочного исправления сложившейся ситуации.

На различных примерах автор показывает развитие процессов самоорганизации чиновничества в направлении создания определенных общественных структур, которые отстаивали бы их интересы вне государственного аппарата. И как показано в книге, ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. В книге отмечается, что если коррупционный механизм развития корпоративных отношений уральского губернского чиновничества последовательно развивался и к окончанию первой русской революции показал признаки оформления в систему, то попытка создания легального механизма отстаивания групповых интересов в виде своеобразной профсоюзной сети дала

сбой и в качестве системного элемента так и не оформилась (р. 49).

Изучив материалы сенаторских ревизий (Бакинской губернии, Туркестанского края, Привислинского края), автор монографии сопоставил данные сенаторских ревизий с результатами изучения материалов первичного делопроизводства уральских губернских учреждений. В книге хорошо показано, что наличие стойкого неформального объединения чиновничества, которое всячески старалось не допустить наказания своих членов за должностные преступления, обесценивало принцип ответственности чиновника за незаконные действия. Он заменялся принципом преданности начальству и, более широко, — своей корпорации. На основе фактического материала Любичанковский правомерно приходит к выводу, что коррупционный механизм развития корпоративной самоорганизации в среде регионального чиновничества, основанный на порочной реализации принципа «административной гарантии», не являлся специфической особенностью Уральского региона, а был характерен и для других территорий империи в исследуемый период.

Книга содержит уникальный архивный материал, что придает ей научную значимость и привлекательность. Рецензируемая работа является существенным вкладом в изучение российского чиновничества конца XIX — начала XX века. Выводы автора позволяют наметить новые подходы к изучению вопросов кризиса власти в этот период в России.

Ж.М. ТУЛИБАЕВА

Н.А. БАГРОВНИКОВ. *Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации.* Нижний Новгород. ФГБОУ ВПО «НГЛУ». 2013. 116 с., илл.

Вышедшая в конце прошлого года в издательстве Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова монография профессора Н.А. Багровникова представляет собой не только новейшую работу по истории старопечатной немецкой книги, но и единственное исследование на русском языке, объектом которого являются памятники книгопечатания Нижней Германии XV—

XVI веков. Обладая характером комплексного исследования, синтезирующего подходы и достижения исторической науки, книговедения, искусствоведения в изучении книги как многогранного феномена социальной и духовной жизни, данное издание будет в равной степени интересно как историкам книжного дела, так и специалистам по культуре и искусству ренессансной Германии.

Николай Адрианович Багровников известен многочисленными публикациями об искусстве книги и печатной графике Германии XV—XVI веков. Его новая книга подводит итог многолетних изысканий в области искусства книги немецкого Ренессанса. Она открывается главой, в которой исследователь с успехом предпринимает — впервые в отечественной науке — попытку нарисовать собирательный образ немецкого печатника эпохи Возрождения, выявив типичные черты в биографиях таких мастеров книжного дела, как отец и сын Андерсы, Ганс Луффт, Людвиг Дитц и др., показав роль печатника в культурной жизни города, его взаимоотношения с заказчиками, авторами и т.д. На конкретных примерах проанализированы факторы, обеспечивавшие успех книгоиздательских начинаний: связь печатника с университетом и гуманистическими кругами, поддержка со стороны курфюрста, творческие контакты с художниками.

Большую часть монографии составляют главы, посвященные комплексному анализу наиболее выдающихся и наиболее характерных памятников нижненемецкого книгопечатания: медицинским календарям, Библии Стефана Андерса, Любекской Библии, проиллюстрированному Э. Альтдорфером изданию «Рейнеке-лиса» 1539 года.

Так, вторая глава монографии посвящена изданным в Нижней Германии медицинским календарям — чрезвычайно популярному в эпоху Возрождения жанру, представлявшему собой «народные справочники» по медицине и сопутствующим врачеванию астрологическим и иным знаниям. Первый такой календарь на нижненемецком языке был издан в Росток в 1478 году. Пристальное внимание автор уделяет «*Eyn nye Kalender*» Ганса Андерса (1519) и особенно «*Der schapherdes Kalender*» Людвиг Дитца (1523). Дитц создал не массовое издание, каковыми были медицинские календари, а дорогостоящую книгу для знатоков и ценителей (в оформлении участвовали Э. Альтдорфер и его мастерская), в которой отразилось гуманистическое мировоззрение. Достаточно сказать, что это был не только медицинский справочник, но и первый в Нижней Германии математический и астрономический словарь, поскольку издатель привлек к работе специалистов и подобрал наиболее точные нижненемецкие аналоги научных терминов.

Главной проблемой, связанной с Библией Стефана Андерса, является авторство ее иллюстраций. Книгу украшают 152 ксилографии, выполненные разными, как можно судить по стилистическим различиям, мастерами, имена которых нам неизвестны. Ряд немецких исследователей стремится доказать, что лучшая часть гравюр этой Библии принадлежит крупнейшему северогерманскому скульптору XV в. Бернту Нотке, однако все аргументы сводятся лишь к тому, что в Нижней Германии тогда не было другого столь же высокопрофессионального рисовальщика. Н.А. Багровников, указывая на близость ксилографий Библии Стефана Андерса гравюрам более ранней Кельнской Библии (1478, издатель Генрих Квинтелл), отмечает при этом существенные различия в стилистике (в отличие от иллюстраций кельнской Библии, рассчитанных на раскрашивание от руки, в гравюрах книги Андерса главным выразительным средством является штрих, и цвет не нужен), а также то, что в ряде изображений отразились конкретные реалии именно нижненемецкой жизни того времени. Однако проблему авторства эти интересные и важные наблюдения не решают.

Если глава о Любекской Библии 1534 г. в основном суммирует в краткой форме итоги предшествующих исследований автора, то очерк об оформлении и иллюстрациях «Рейнеке-лиса» работы Э. Альтдорфера (издание Л. Дитца 1539 г.) — единственная на русском языке специальная работа об этом книжном памятнике.

Развивая понятие «книжная культура», в последнее время утвердившееся в правах в отечественном книговедении (оно включает все аспекты оформления книги и техники печати, культуру редактирования текстов, а также особенности книжной торговли, формирования библиотек, отношения общества к книге), Багровников дает всестороннюю характеристику анализируемых изданий как памятников духовной и материальной культуры. Тщательный образно-стилистический анализ иллюстраций и иных элементов ансамбля книжного оформления делает данное исследование ценным для всех специалистов по изобразительному искусству ренессансной Германии.

В отечественном искусствоведении советского периода сложилась крупная научная школа германистики во главе с М.Я. Либманом в Москве и Ц.Г. Нессельштраус в Ле-

нинграде, сосредоточившая свои исследовательские усилия именно на искусстве позднего Средневековья и Возрождения, однако искусство книги долгое время оставалось на периферии научных интересов. Исключение составляет работа Нессельштраус, известной в первую очередь как блестящий переводчик и комментатор литературного наследия А. Дюрера и как выдающийся педагог, воспитавший многие поколения искусствоведов. Помимо отдельных статей ей принадлежит монография о декоративном убранстве и иллюстрациях немецкой первопечатной книги¹, ставшая, к сожалению, последним крупным трудом этого замечательного ученого и до выхода в свет работы Багровникова — единственным на русском языке обобщающим исследованием об искусстве книги в Германии эпохи Возрождения. Эти издания прекрасно дополняют друг друга: если Нессельштраус анализирует процессы становления и развития книжной графики в ренессансной Германии на широком, так сказать, «обще-немецком» материале, то Багровников, не забывая об этом широком контексте, детально раскрывает специфику книжного дела в нижненемецких землях.

Методология изучения искусства книги у Багровникова опирается на классические традиции европейской и отечественной науки. В первую очередь — это духовно-исторический метод главы венской школы искусствознания начала XX в. М. Дворжака и его учеников, прежде всего О. Бенеша, благодаря которому были преодолены и сугубо описательный подход науки XIX столетия, и формальный подход Г. Вельфлина и его последователей, игнорирующий социокультурные факторы эволюции искусства и неповторимую индивидуальность художника. Применение этого подхода к книге — памятнику, более полно, чем все другие, отражающему свою эпоху, являющемуся одновременно фактом духовного бытия общества и показателем его материальной культуры, — не могло не принести положительных результатов. Рецензируемое издание может служить прекрасным примером исследования, в котором на материале конкретного памятника раскрываются многие ключевые проблемы эпохи, а тонкий искусствоведческий анализ органично сочетается с культурологической интерпретацией. Такой подход, примененный

еще основателем венской школы искусствознания Ф. Викхофом в конце XIX в., может считаться одним из классических. Алгоритм исследовательского процесса таков: доскональное изучение памятника — постановка научной проблемы — ее решение на максимально широком материале.

Нельзя не согласиться с итоговыми выводами автора о специфике книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения, а также с теми наблюдениями, которые позволяют уточнить наши представления о культурном своеобразии данного региона в целом. Нижненемецкая культура XV—XVI вв. характеризовалась органичным сочетанием глубинных традиций и новых социокультурных явлений. Богатое народное творчество (а в немецкой эпической традиции сами эти места нередко ассоциировались со сказочной древностью, «изначальными временами») и сформированный уникальным озерным ландшафтом менталитет, «отличающийся интенсивным переживанием родственных природы и человека, поэтическим восприятием природы как первичной, сущностной основы жизни людей» (с. 7), обуславливали глубокую укорененность традиций. С другой стороны, развитая экономика ганзейских городов, наличие крупного и авторитетного университета (Ростокского, основанного в 1419 г. первым на севере Германии), княжеское меценатство создавали благодатную почву для ренессансной культуры. В сфере книгоиздания Нижняя Германия в конце XV—XVI в. шла в ногу с другими немецкими землями, а в чем-то опережала их, однако «ее опережающие время достижения всегда были отмечены мягким привкусом традиции, наивной архаики, бережного сохранения тех элементов книги, которые уже получили признание» (с. 8). Вместе с тем нижненемецкие печатники оказались причастны к религиозной и социально-политической борьбе эпохи Реформации, и «без их печатных станков написанные пером труды гуманистов и реформаторов вряд ли стали бы действенным словом» (с. 9).

С.С. АКИМОВ

Примечания

1. НЕССЕЛЬШТРАУС Ц.Г. Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб. 2000.

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 5, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.04.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 174. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2014 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**